

10.333
1984
ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГРУЗИЯ

041935840
20724010030

11

1984

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

Орган Союза писателей Грузии

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1957 ГОДА

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

ИРАКЛИИ АБАШИДЗЕ. Стихи. Перевод Михаила Синельникова	3
ДАЛИЛА БЕДИАНИДЗЕ. Стихи. Перевод Татьяны Бек, Наталии Гениной и Михаила Шора	6
НАНА КАНДЕЛАКИ. Ливень. Роман. Окон- чание. Перевод Лианы Татишвили.	12
ВАХТАНГ ХАРЧИЛАВА. Стихи. Перевод Ларисы Фоменко и Елены Юдков- ской	75
ГЛАН ОНАНЯН. Стихи	80
ИВАН ОГАНОВ. Осенняя битва. Фрагмент из книги «Откровение розы»	87
АЛЛА БЕРИДЗЕ. Стихи	101
РАБИ ДАВИД ИЛЪЯН. Фрагмент из книги «Сафра мудрости».	104
40 ЛЕТ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ	
ИЯ МЕСХИ. Мать солдата	110

11

1984

АМИРАН АБШИЛАВА. «Потийский эксперимент». Перевод Теймураза Чочуа

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- ИРМА ЧХЕИДЗЕ.** Приближение к «Приближению» 136
- САРГИС ЦАИШВИЛИ.** Цена великой правды. Несколько штрихов из жизни и творчества Лео Киачели 146
- ИРИНА БИЧИКАШВИЛИ.** Мариэтта Шагинян — корреспондент газеты «Заря Востока» 156

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

- ТАРИЭЛ ЧАНТУРИЯ.** Два портрета. 164
- К 50-ЛЕТИЮ I СЪЕЗДА ПИСАТЕЛЕЙ СССР
- МАНАНА НИНИДЗЕ.** Грузия «...в снах снится, в мечтах мерещится». Письма Миколы Бажана к Симону Чиковани 172

РЕЦЕНЗИИ

- АЛЕКСАНДР ЗЛАТКИН.** Свидание современников 193
- ВЛАДИСЛАВ ШОШИН.** Поэзия дружбы 196
- ВАХТАНГ БЕРИДЗЕ, ЛОНГИНОЗ СУМБАДЗЕ.** Книга об искусстве народов Дагестана 200

ИСКУССТВО

- ГУЛБАТ ТОРАДЗЕ.** Борис Асафьев и грузинская музыкальная культура 207
- ТАТЬЯНА ШАЛАМБЕРИДЗЕ.** Путь в искусстве 219

ХРОНИКА 163, 171, 205, 223.

Ираклию Абашидзе, поэту-академику, Герою Социалистического Труда, лауреату Государственной премии ГССР им. Ш. Руставели и премии Дж. Неру исполнилось 75 лет.

Редакция журнала «Литературная Грузия» сердечно поздравляет юбиляра и желает ему долгой жизни и новых творческих успехов.

Ираклий АБАШИДЗЕ

ТЫ НЕ ИМЕЕШЬ ПРАВА

Ты не имеешь права,
Ты не имеешь права
Унять души кипенье

и промолчать, когда
Расходится по небу туч градовых орава,
Хоть кажется, что мимо
опять пройдет беда.

Ты не имеешь права,
Ты не имеешь права
Ждать губительного града

в спокойствии немом —
Ты возгреми, покуда не покатишься лава,
Греми во имя мира,
пока не грянул гром!

И, как всегда бывало,
Как некогда бывало,
Ты гневом обличенья
наполни небосвод...

Но как слова поэта
сегодня значат мало,
Как будто он отныне
в пустыне вопиёт.

О черноте ненастья,
О величайшем горе
Ты думаешь привычно,
но слов иссякла власть —

126.074

საქ. სსრ კ. მწერლები

Ты можешь лишь в молитве
застыть, с бедой не споря,
Ты можешь перед роком
лишь на колени пасть.
И мгла судьбы струится,
И снова колесница
Войны жестокой встала
там, в дымке высоты.
Как мир спасти, что сделать? —
лишь молча помолиться,
А что еще придумать,
и сам не знаешь ты.

СЕЛЕНИЕ ХОНИ

...И вновь к тебе я —
прими, не выдай!
Душой,
Всем прошлым, —
к тебе на лоно.
Я — снова целый
и в прах разбитый,
Я — снова бодрый
и утомленный,
Одoleвал я слова и ритмы,
Как будто полчища великанов,
И мчался к славе,
и грохот битвы
Летел над полем, до неба грянув.
Все, что от века
Сходилось в споре:
Добро и зло,
рассвет и затемь,
Единоборство
Веселья с горем,
Нечтара с ядом,
мольбы с проклятьем;
Борьба сомненья и доверья,
Гонимой чести
и спеси черствой,

Ягненка с волком,
птенца и зверя,
Добра и зла
единоборство...

Был с колыбели
Я в схватке вечной,
Объятый грезой чистосердечной...
Громада злобы
шла,
пасти скаля.

Но звонко
искры
мой щит и меч мой
Из головы ее высекали.
А тучи нечисти все свирепей,
Драконьи козни,
бесовства сети...

У двери дэва
Разбил я цепи!
О страх и трепет
тысячелетий!

И сотрясал я всех замков башни,
Ниспровергая обычай волчий,
И это было
мечтой всегдашней,
Душой
и думой моей немолчной.

Вертел я ворот
жизнья земного,
Видал я зевсов,
чей блеск обманчив...
И вновь к тебе я, к тебе всё снова,
К тебе, как прежде,
моя Ламанча!

Перевод Михаила СИНЕЛЬНИКОВА

Бродячие звезды распахнули небо...

Бродячие звезды

людям, словно пловцам,

дали второе дыханье,

чтобы каждый обрел свою дорогу

и не роптал на одиночество.

Но люди, как водится,

и это поняли на свой лад.

Одни поставили в огороде пугало,

чтобы разогнать звезды,

как воробьев, —

гонят их от неба к небу...

Другие стали ловить их, как бабочек,

чтобы запереть звезды дома

и владеть ими единолично.

Иные даже травили их мухоморами —

не по душе им бродячие звезды:

всякая звезда знай свое место, свое время,

ишь чего захотели —

бродить днем от дверей к дверям...

Чего этим звездам надо?

...Люди не знали, что звезды сиротливее всех на свете,

они не знали, что звезде на роду написано любить

звезду,

они не знали, что когда звезда ищет звезду,

она во сто крат становится ярче.

Они не знали, что если звезда любит звезду,

им не быть вместе,

ибо звезды горят, только когда одиноки, —

такие у них законы,

лишь бы встретиться.

Но когда суждена им встреча, когда?

И в какую звезду они сольются, какое у нее будет

имя?

Они распахнули для нас небо

и потом с неба исчезли.

Им это настолько трудно,

что прошу всех,

кто их знает издали, знает плохо,
дайте звездам поблажку,
дайте время —
они заслужили!

Они себя принесли в жертву,
чтобы подарить людям второе дыхание...
О звезды! Встречайтесь! Встречайтесь!
Никому никакого не будет урона,
а сколько прибавится света!

ЕСЛИ БЫ Я БЫЛА ХУДОЖНИКОМ

Если бы я была художником!
Села бы на Руставели, стала бы рисовать.
Нарисовала бы дом с мамой, папой, детьми —
и они бы всегда жили вместе.
Нарисовала бы примиренье влюбленных —
и они не расстались бы вовсе.
Нарисовала бы, как двухлетние мальчик с девочкой
играют в салки —
и они не состарились бы вовеки.
Нарисовала бы грозди сирени после дождя —
и сирень не увяла бы.
Нарисовала бы всех, кому умирать еще рано, —
и люди бы не умирали до срока.
Нарисовала бы всех, по кому вы тоскуете, —
и они бы остались с вами.
Нарисовала бы вас, о друзья, когда вы смеетесь
и влюбленные звезды падают наземь —
хором, —
и вы навек бы остались друзьями.
Нарисовала бы всех, кто верит в мою любовь, —
чтобы они поняли, что любимы,
и стали гордыми.
Да, но сначала,
прежде других рисунков,
нарисовала бы я любимого певца,
чтобы песни не иссякали, —
и слушала бы, и слушала!..
И рисовала бы, рисовала!..

Вечером, уже уходя домой,
я бы взглянула в глаза своему последнему рисунку,
чтобы увидеть: а я какова?
Каждый художник, рисуя другого,
пишет себя.

Любая его работа — автопортрет...
Нарисовала бы всех вас красивыми,
чтобы доставить вам радость.
Завистливых, злых, неверных
тоже нарисовала бы,
нарисовала — и стёрла,
нарисовала — и стёрла...
О, как бы я вас одарила,
если бы я была художником...
Как жаль, что я не художник! Как жаль!

ЗАПОЗДАЛАЯ ПРОСЬБА К ЧАСОВЩИКУ

Очень прошу вас: достаньте мне будильник,
пожалуйста, достаньте!
Я опять его не успела купить,
но надеюсь на вас,
пожалуйста!
Скольких укров я избежала бы,
скольких закрытых дверей,
когда концерт уже начался!..
Сколько друзей не разминулись бы со мною!..
Но хватит, хватит об этом.
Был бы у меня будильник —
я и к вам не пришла бы,
а купила бы будильник сама, вовремя...
Очень прошу вас: достаньте мне будильник,
достаньте!
И если можно, достаньте две штуки:
один сломается — второй разбудит,
второй сломается — разбудит первый...
Чтобы не остаться мне без будильника,
чтобы я больше не проспала ни разу
и не опоздала бы ни разу больше,

чтобы мне вас впредь не беспокоить, —
очень прошу:
достаньте мне будильник!

Перевод Татьяны БЕК

БЕЛОСНЕЖКА

Я появлюсь с приходом снега
и в тишине его, бескрайней, белой,
затею с вами игру в детство.
Вы с ним расстались когда-то,
чтобы сегодня, без спроса выбежав из дому,
услышать снег...
Я появлюсь с приходом снега —
загадайте свое желание,
колдовству ледяному поверив,
ногой наступив на снежинку
и загасив ее, словно горящий окурок.
Я появлюсь с приходом снега —
я укрою им
ваши сухие, отжившие ветви, ушедшие дни,
я зажгу на ваших ресницах снежные светлячки.
Снег подарит вам зрение...
Я позову вас: ступайте за мною
в далекую страну первого снега —
только, чур, без оглядки,
иначе я тотчас исчезну —
так исчезают на ваших ресницах мои светлячки —
и снега вам уже не увидеть...
Я появлюсь с приходом снега.
И в тишине его, бескрайней, белой,
перезимует ваш усталый год.
И если когда-нибудь станет вам трудно,
зовите меня,
колдовству ледяному поверив,
ногой наступив на снежинку
и загасив ее, словно горящий окурок.
Зовите меня — и я появлюсь,
и стану хранителем вашим...
Я появлюсь с приходом снега.

Перевод Наталии ГЕНИНОЙ

ИНТЕРВЬЮ ЖУРНАЛИСТА

Чужой судьбой ведома.
Сродни — чужие души.
Дорога стала домом,
а жесткий руль — подушкой.

Лишь ручка да блокноты
в моей экипировке.
Да соль седьмого пота
в любой командировке.

Я с чабаном, шахтером,
артистом и поэтом,
дояркой и боксером
знакомилась при этом.

Я слушала и знала,
что в их могучем хоре
я с ними разделяла
и радости, и горе.

И если в общей правде
укрылась чья-то кривда,
то в этом, правды ради,
я признаюсь открыто.

ДОБРОГО ПУТИ!

Я говорю вам: «Добрый путь,
тем, кто сегодня уезжает,
отринув паутину пут
и нерешительность, и жалость!..»
Желаю доброго пути
и тем, кто не дерзнул решиться,
и тем, кто не сумел идти,
кто с волею не волен сжиться.
Они билеты продают,
что были куплены заране,
им преграждает путь уют —

его смирительные грани.
Пугают их раскаты гроз
и расставанья, и свиданья,
вокзалы, сборы, горечь слез,
вершины гор, морские дали...
А вы, с кем суждено расстаться,
за кем рванулась я, как тень,
молю, останьтесь хоть на день!
Но вы не можете остаться —
вы говорите мне: пора
в другую жизнь, в другие вехи,
в другие дни и вечера
на миг, на год или навеки...
Я тем, чье сердце не остыло,
тем, кто захочет так идти,
чтоб целой жизни не хватило,
желаю доброго пути!

Перевод Михаила ШОРА

Выйдя из здания тре-
ста, Лаша не спеша по-
шел по проспекту Руста-
вели. У бронзовой фигу-
ры Захария Палиашвили
опустился на каменную
скамью. В сквере в тени
раскидистых елей отды-
хали бабушки с внуками.

Лаша вдруг особенно
остро ощутил, как тоску-
ет по сыну.

«До каких пор это бу-
дет продолжаться?» Он
гнал от себя эти мысли,
пока был занят работой.
Теперь же, когда у него
появилось столько сво-
бодного времени, мысли
о мальчике не оставляли
его.

Ему не сиделось, он
встал и медленно пошел
вдоль проспекта к Дому
правительства. «Надо уе-
хать хоть ненадолго. Ви-
димо, я и вправду пере-
утомился. В таком наст-
роении нельзя показы-
ваться родным. Матэ
прав, я поеду к нему...»
Лаша ускорил шаг.

«Мама, конечно, оби-
дится, если узнает... Я
так давно не был дома...
Но по приезде начнутся
вопросы, обязательно
начнутся, а отвечать на

Окончание. Начало см. в
№ 10.

Нана КАНДЕЛАКИ

ЛИВЕНЬ

Р о м а н

Перевод
Лианы ТАТИШВИЛИ

них я не в состоянии. Нет, к Матэ, только к Матэ, у него я отдохну по-настоящему! Никого не хочу ни видеть, ни слышать...»

Матэ дома не оказалось.

— Дежурит сегодня до десяти вечера! — крикнула с балкона жена Матэ.

К десяти часам Лаша снова был у его дома.

«Если Матэ не сможет отвезти меня, поеду к своим».

Ждать пришлось довольно долго. Пробило одиннадцать, а Матэ все не было. Лаша уже начал подумывать о вокзале, пожалуй, можно было бы успеть к последнему поезду, как вдруг увидел Матэ.

— Почему ты здесь? — удивился Матэ.

— Отвезешь меня в деревню? — не отвечая на вопрос, спросил Лаша.

— Сейчас? Я с дежурства... Давай завтра утром, а? Поднимемся пока ко мне...

Лаша молча подчинился Матэ.

Он смущенно поздоровался с Санатой, которая покрылась мертвенной бледностью при виде его. Она вызвала мужа в другую комнату, взволнованным шепотом спросила:

— Ты опять нарушил правила? Этот тип тебя с утра ищет...

— Это мой бывший начальник, он сегодня останется у нас, а завтра я отвезу его к нашим в деревню.

— А зачем он едет к Мелано?

— Отдохнуть. Он очень устал. Закончил большую работу — новую гостиницу отгрохал... Ладно, хватит болтать, накрывай на стол. Я голоден как волк.

Саната пожала плечами и, бросив недоверчивый взгляд в сторону Лаши, вышла на кухню. Матэ шмыгнул в ванную. Пока он умывался, Лаша, сидя в кресле, задремал.

— Он уснул... — сказал Матэ жене. — Но ты все-таки накрой на стол. Проснется — поест.

— Он одинокий?

— Как тебе сказать... Пожалуй, кроме нас с тобой, у него в данный момент нет никого...

Матэ разбудил Лашу на рассвете.

— Машина уже готова, спускайся вниз. Не будем терять время, мне надо еще успеть обернуться.
Лаша ополоснул лицо и на цыпочках спустился во двор.

До Игоэти они ехали молча.

— Как твои дети учатся? — нарушил наконец молчание Лаша.

— Что возьмешь с мальчишек? — Матэ охотно вступил в беседу. — Им бы только мяч гонять. А вот девочка — умница. И в средней школе, и в музыкальной прекрасно учится.

— Если у ребят призвание к футболу, не мешай им.

— Ну нет! — Матэ мотнул головой. — Мы с женой хотим, чтобы один из них был врачом, а другой — виноделом. Доходные и уважаемые профессии.

— Футболисты — не менее уважаемый народ, — Лаша улыбнулся.

— Нет, решено: один будет врачом, другой виноделом.

— Удивительный ты человек! И откуда у тебя эта любовь к деньгам? Кто знает, какое будущее ждет твоих ребят, если они последуют своему призванию?

— О каком призвании ты толкуешь? Ребенок не может знать, что ему пригодится в жизни. Для того и существуют родители, чтобы вовремя подсказать им, что да как.

— Человек красит свою профессию, а не профессия человека. Хороший крановщик лучше плохого врача...

— Эх, Лаша! Крановщик, каким бы он ни был, не может быть лучше врача! Врач — это профессия!

— Помнишь Гоги Херхеулидзе?

— Того, что на стройке работал?

— Того самого. Так вот его представили на Героя Социалистического Труда.

— Что ты говоришь! Гоги Херхеулидзе?! — в глазах Матэ зажглись огоньки. — Но что он такого сделал?

— Победил в социалистическом соревновании. Ты газет не читаешь? Все думаешь, как деньги подзаработать?!

— Ты что без конца жучишь меня? — Матэ резко остановил машину.

— Это называется жучить? — вскипел в свою очередь Лаша. — Да у меня душа за тебя болит! Ты ведь ко всему с денежной меркой подходишь. Это отвратительно!

Лаша открыл дверцу и вышел из машины.

— Куда ты? — крикнул Матэ.

— И чего я пристал к тебе, как банный лист! Будто мне деваться некуда.

— Ладно, не надо ссориться. Мы почти приехали. Садись в машину.

— Если твоя сестрица вроде тебя... Нет, лучше я уеду попутным автобусом.

— Моя сестрица — золотой человек. Ничего общего со мной. Останься хотя бы на денек, прошу тебя, Лаша. А не понравится, уедешь!

Не говоря ни слова, Лаша сел в машину.

— Вот и приехали! — сказал наконец Матэ, оставив машину перед обветшалым домом. — Эй, Мелано! Зуриа!

— Дядя Матэ! — на балкон выскочил мальчишка. — Мама, дядя Матэ приехал!

На балконе показалась женщина.

— Вот привез гостя. Хорошего человека. Он погостит у вас несколько дней. Ты поухаживай за ним, Мелано. Он в этом очень нуждается.

— Конечно, все, что в моих силах... — Мелано провела рукой по волосам, тронутым сединой, и улыбнулась: — Гость от бога, пожалуйста в дом.

— Что, не нравится наш ветхий домишко? — усмехнулся Матэ.

— По правде говоря, я удивлен, — признался Лаша.

— Его еще мой отец строил. В нем мы и родились — я и Мелано.

— Почему не подремонтируешь?

— Собираюсь новый для себя строить, в конце виноградника, — многозначительно проговорил Матэ, обнажив зубы в широкой улыбке.

— Ну давай, строй, — буркнул Лаша, поднимаясь по лестнице.

В деревне Матэ остался до вечера. Прополол огород, починил крышу. Покончив с делами, пообедал и собрался в обратный путь.

— Позаботься о нем, Мелано, — попросил он сестру перед отъездом, — сердце у него золотое, но вот не везет человеку.

— Что с ним стряслось?

— Э-э, долгая история... — Матэ вышел на балкон.

Зуриа что-то с увлечением рассказывал Лаше, а тот внимательно слушал мальчика.

— Уже подружились? — Матэ улыбнулся. — Ну, мне пора.

— Я останусь здесь неделю, потом махну к своим...

— Оставайтесь, сколько захотите, — Мелано выразительно посмотрела на брата.

— Он свое дело знает, — Матэ привлек к себе Лашу, поцеловал и бегом спустился вниз.

— Подкорми его немного, а то он стал как тень! — крикнул он сестре, садясь в машину.

— Что ты пристал к человеку? — рассердилась Мелано. — Вовсе он не похож на тень, не всем быть пузатыми, вроде тебя!

— До свиданья, дядя Матэ! — крикнул Зуриа. Матэ помахал им рукой из окна машины.

— Почта здесь есть? — спросил Лаша, как только машина скрылась за поворотом.

— А как же, — мальчишка расплылся в улыбке. — Проводить вас?

— Да, пожалуйста. Хочу родителям письмо отправить.

Зурии было восемь лет. Он оказался смышленным и словоохотливым мальчиком. Пока они шли до почты, Зуриа успел рассказать о себе, о соседях, живущих поблизости, и задать Лаше кучу вопросов.

Лаше не хотелось разговаривать, и он отвечал односложно.

— Видать, вы не в настроении, — Зуриа проявил

неожиданную для своих лет чуткость. — Вам неинтересно разговаривать со мной.

— Да, знаешь, я не в настроении, — согласился

Лаша.

— Устали в дороге?

— Да...

— Тогда помолчим. До почты долгий путь, может и отойдете.

— Думаешь, я в самом деле устал? — разоткровенничался вдруг Лаша. — Целый день провалялся на траве под миндалем, и отдохнуть успел, и выспаться... Просто ты напомнил мне моего сына... Я и расстроился.

— А почему вы не привезли его с собой?

— Он остался с матерью. Ему всего три года.

— Когда подрастет, привезете?

— Обязательно...

Лаша отправил письмо родителям и купил свежие газеты. На первой полосе «Коммунисти» было напечатано фото Гоги Херхеулидзе и Указ Президиума Верховного Совета о его награждении.

— Тебе нравится этот дядя? — Лаша показал на фото Гоги.

— Он боец?

— Передовик. Крановщик. Получил звание Героя Соцтруда.

— А вы не герой?

— Нет, а впрочем... Подожди, я просмотрю список награжденных. Вот — меня наградили орденом Трудового Красного Знамени.

— Мой папа тоже получил орден. Когда служил в армии. И еще один — за тушение пожара. Но этот посмертно. Мама хранит оба ордена. А у дяди Матэ нет ни одного.

— Твой отец погиб во время пожара?

— Да, загорелся трактор и... Он трактористом был. Лаша вспомнил, Матэ говорил о сестре — вдова.

— Ты должен быть достойным сыном своего отца. Какое-то время они шли молча.

— Вот детский сад. Здесь работает мама. До шко-

Нана Канделаки. Ливень.

лы я ходил сюда, — сообщил Зуриа, когда они поравнялись с небольшим зданием.

Из окна неслись звуки шопеновского ноктюрна. Лаша прислушался. Замерли последние аккорды.

— Кто это играл?

— Наша учительница музыки. Знаете, сколько у нее красивых платьев? И сама она красивая, — Зуриа перепрыгнул через канавку и вдруг, споткнувшись о камень, с воплем растянулся во весь рост.

В окне появилась девушка.

— Что случилось? — спросила она и вдруг воскликнула: — Лаша?! Откуда ты?!

Лаша взглянул на нее внимательно и опешил: это была Дамана; но тут же, спохватившись, бросился к мальчику.

— Вот... приехал в гости к Зурии. Ты его знаешь? — Лаша подскочил к мальчику, который уже встал на ноги.

— Ты не ушибся, Зури? — с тревогой спросила Дамана. — Погоди, я сейчас спущусь.

Она действительно тут же спустилась и, увидев разбитое колено мальчишки, встревожилась.

— Больно? Пойдем к врачу, пойдем!

— Зачем ему врач? — Лаша подмигнул мальчику. — Промоет рану в ручье — мигом заживет.

— Ага, зачем мне врач? — подхватил Зуриа и, чуть припадая на ушибленную ногу, направился к ручью.

Лаша улыбаясь смотрел на Даману.

— Ты приехала сюда работать или хорошеть? И вообще как ты здесь очутилась?

— Тетка моя врачом в этом селе работает.

— А консерватория?

— Я не могла больше оставаться в городе... Это он тебя прислал?

— Сказать тебе прямо? Ты его совершенно не интересуешь.... У него новая любовь.

— Не надо, Лаша, — на глазах у Даманы выступили слезы.

— Представь, и мне не до шуток...

— И кто же его счастливая избранница?

— Моя бывшая жена...

— Цисана? Бог мой, что ты говоришь, Лаша...

— Мы разошлись. Пока неофициально, но это дело решенное. И они, наверное, поженятся.

— Кто они? Как ты можешь говорить об этом так спокойно?! Вы же любили друг друга, Лаша?

— Как ты не заметила — Гиви давно любит ее! Дамана побледнела.

— Нет, нет, я не хочу в это верить!

Не в силах сдержать слез, она заплакала, сперва тихо, а потом разрыдалась так, что Лаша, растерявшись, не знал, как утешить ее.

— Это ты во всем виноват, ты, ты... — причитала она. — Я совсем не виню ее... ты жил своей гостиницей, а она задыхалась в четырех стенах: ни кино, ни театра... и меня погубил, и свое счастье упустил.

— Ну при чем я. Дамана? Разве это преступление — увлечься своей работой? У нее было все — и кино, и театр... Причина здесь в другом...

Однако Дамана не дала ему закончить.

— Не желаю слушать! — крикнула она. — Меня не интересует твоя причина. Уходи, сейчас же уходи!

Испуганный Зуриа неслышно подошел к Лаше и, не сводя глаз с плачущей Даманы, взял его за руку и потянул к себе.

Лаша послушно последовал за ним...

Придя домой, Лаша выпил подряд два стакана студенной воды и прилег на тахту.

«Какого черта я приехал сюда? И надо же было встретить Даману! Нечего сказать, попал в тихую обитель!»

Он вспомнил, как побелела Дамана, когда речь зашла о Гиви, как рыдала она, и подумал с сожалением: «Нет, меня так никто никогда не любил».

— Бедная наша учительница, как она плакала, что вы ей сказали? — робко заговорил Зуриа.

Только сейчас Лаша осознал, что все это время мальчик сидел возле него.

— Болит? — он посмотрел на его колено.

— Я уж и забыл, — мотнул головой мальчишка и повторил свой вопрос: — Что вы ей сказали? Почему она так плакала?

— Она потеряла друга... — Лаша взглянул на часы и сел на тахте. — Зури, далеко отсюда до станции?

— Километров десять будет. А зачем вам станция?

— Я должен уехать...

— Мама! — закричал мальчик. — Он уезжает! Мелано вышла на балкон.

— На что это похоже? — с упреком спросила она. — Гость называется! Сейчас идут только скорые поезда. Ни один не останавливается на нашей станции. Подождите. Переночуйте, а утром уедете автобусом.

— Ладно, уеду завтра утром, — решил Лаша и перевел разговор: — Посмотрите, как он разбил колено.

— Он у меня отчаянный, вечно ходит с разбитыми коленями и локтями. — Мелано потрепала сына по голове.

— Мам, я есть хочу, — мальчик прильнул к матери.

— Сейчас будем ужинать.

Встреча с Даманой выбила Лашу из колеи.

За столом Зуриа не умолкал ни на секунду, рассказывал о ребячьих шалостях, шутил, всячески пытался развеселить Лашу, но Лаша, ушедший в свои мысли, не поддавался стараниям мальчика.

Только сейчас он понял: в глубине души Гиви всегда таил любовь к Цисане, а с Даманой проводил время.

И снова в ушах зазвучал ее голос: «Ты жил своей гостиницей, а она задыхалась в четырех стенах... и меня погубил, и свое счастье упустил...»

Он вдруг почувствовал сильную головную боль, медленно отодвинул тарелку и встал из-за стола.

— Если можно, постелите мне... Я очень устал, — смущенно попросил он Мелано.

— Конечно, конечно! Я постелю вам вот тут, на тахте, у окна.

— Я бы предпочел на балконе.

— Мама, и я хочу на балконе! Прошу! — взмолился Зуриа.

— Не капризничай, Зуриа, не то отшлепаю, — рассердилась Мелано, вынося на балкон одеяло и подушку. — Ложитесь, отдохайте... — пожелав гостю

спокойной ночи, она вошла в дом, осторожно закрыв за собой дверь.

Лаша расстегнул рубашку, снял пояс и одетый прилег на тахту. Лежа на спине, он смотрел на усеянное звездами небо, а перед глазами стояло заплаканное лицо Даманы.

...Из комнаты доносились голоса матери и сына. Зуриа чему-то смеялся. Мелано ласково выговаривала ему.

Лаша вспомнил о сыне. Сердце больно сжалось. Он встал, спустился во двор и сел на пень под орехом.

Луна вот-вот должна была показаться из-за вершины горы. Бледный, исполненный таинственности свет, льющийся на землю, придавал теням, отбрасываемым горами и деревьями, фантастические очертания.

На балконе скрипнула половица. Лаша догадался, что и хозяйке не спится. Он поднял глаза и увидел кутающуюся в шаль Мелано.

Лаша встал, пошел к лестнице.

Мелано села на ступеньку и горестно вздохнула.

— Почему вы не спите? — спросила она.

— Простите за беспокойство... — Лаша чувствовал себя виноватым.

— Никакого беспокойства, я вообще мало сплю...

— Бессонница?

— Да, после смерти мужа...

— Матэ говорил, вы потеряли хорошего мужа.

— Да, не стало хозяина. Не таким был наш двор, да что двор — дом, хозяйство... Ничего не поделаешь, я не справляюсь... Да и желания, по правде говоря, нет...

— У вас сын растет, нельзя так рассуждать.

— Благодаря Зурии я и жива... Почему же вы не спите, вы ведь устали?

— Меня тоже мучает бессонница. Переутомился, наверное. Четыре года работал без отпуска...

— Потому Матэ и привез вас сюда. А вы хотите сбежать. Остались бы. Знаете, какие у нас красивые места? И исторические памятники есть: Магалашвилев-

ская башня, Кватахевский монастырь... В нем царь Луарсаб венчался с сестрой Георгия Саакадзе. Мой Зуриа все вокруг облазил.

Лаша не отвечал. Он сидел на нижней ступеньке лестницы и смотрел в темноту ночи.

— Наша учительница музыки — ваша знакомая? — голос Мелано звучал одновременно и вкрадчиво, и робко.

— Да.

— Тем более оставайтесь, вместе осмотрите наши окрестности.

Лаша не отвечал.

Мелано тоже какое-то время молчала, потом вдруг спросила:

— Вы в самом деле поссорились? Зуриа сказал, у нее глаза опухли от слез... Вы из-за нее приехали?

— Нет, мы встретились совершенно случайно.

— Я понимаю, что вмешиваюсь не в свои дела, но... вы можете быть откровенны со мной.

— Вы не верите, что мы с Даманой просто друзья? — Лаша улыбнулся.

— Почему же вы заставили ее плакать?

— Я сообщил ей новость о ее близком друге, и она страшно разволновалась... Я не ожидал, что это на нее так подействует, а то, конечно, ничего не сказал бы.

— Понятно... — Мелано покачала головой и вдруг с неожиданной доверительностью сказала: — Вот Матэ все пристаёт ко мне — выходи замуж, пока мальчонка не подрос, трудно одной в жизни. А я никогда не сделаю этого.

— Почему?

— Потому что знаю: второго такого, как мой Адико был, не найду. И потом... прошло мое время. Весной мне сорок исполнилось. Я замуж рано вышла, сразу после школы. Но детей долгое время не было. Родители мужа из-за этого житья нам не давали. Когда Матэ перебрался в Тбилиси, мы уехали из мужниной деревни и поселились здесь, в родительском доме. Удивительный был человек Адико. Не помню, чтобы хоть раз обидел меня.

Мелано вздохнула и продолжала:

— Работяга был и умелец. Все у него спорилось...

Этот балкон сам строил. И эту лестницу с перилами, и столик, и лавку под миндалем... А какой у нас ма- рани! Завтра покажу вам. Когда родился Зуриа, он не ходил—летал от счастья. Родители его приехали. Он их встретил сдержанно, мол, чего стоят ваши поздравления после того, как опозорили мою жену на все село. Больше они сюда ни ногой. Только оплакать приехали, причитали, рвали на себе волосы. А потом, после всего этого, я их и не видела. Внуком не интересуются, да и мы их не беспокоим. Мой Адико был самолюбивый человек, и я не могу поступать иначе. Они его обидели и мне не нужны. Вот так остались мы с сыном вдвоем. Тянем лямку и будем тянуть, ничего не поделаешь... — Мелано тихо глотала слезы.

— Еще немножко, и Зуриа подрастет, тогда вздохнете посвободней.

— Этой надеждой и живу. Спасибо, Матэ помогает. Невестка у меня хорошая, как сестра мне. Но они далеко, в Тбилиси. Вот если бы отец был жив... Потому мне так жаль Даману. Страшная вещь — одиночество.

— Но она не одинока! У нее прекрасные родители. А здесь она временно живет, у тетки.

Мелано недоверчиво улыбнулась.

— Здесь она до тех пор, пока уляжется родительский гнев.

— Гнев? А что она натворила?

— Как что? Она же беременна, вы не заметили? — Мелано удивленно обернулась к собеседнику и тут же пожалела, что выдала тайну Даманы. Она поплотнее закуталась в шаль, как бы пытаясь подавить чувство неловкости.

— Что вы сказали... — Лаша провел рукой по взмокшему лбу. Все вдруг прояснилось для него, и он почувствовал невероятную жалость к Дамане.

— Да... Соседки мне сообщили, что вы и есть тот человек, ну... А потом вы сказали, что хотите уехать, и мне стало больно за нее. Что же это, подумала я, приехал для того, чтобы вконец известить ее?! Поэтому я и уговорила вас остаться. Вы не обижаетесь, что я с вами так прямо говорю?

— Нет, нет, спасибо, что сказали. Я ведь мог уехать, ни о чем не подозревая. Дамана ничего не сказала об этом.

— А вы знаете отца ребенка?

— Да, он мой товарищ... был... — Лаша закурил, чтоб подавить волнение.

— Сообщите ему. Жаль Даману.

— К сожалению, я ничего не смогу сказать ему.

— Почему?

— Дамана потому и плакала, что он любит другую. А та, другая, моя жена...

— Ну и дела... Как же теперь быть? — Мелано опешила, слова, казалось, застыли у нее в горле. Только спустя некоторое время она обрела дар речи. — Как же ей помочь?

— Ничего. Будет растить ребенка. Наверное, встретит человека, с которым узнает счастье. Жизнь свое возьмет.

— Как для вас все просто! — голос Мелано дрожал от волнения.

Лаша затаился, опустил голову и тихо сказал:

— Он истолкует мои слова по-другому. Решит, что я вмешиваюсь не из-за Даманы, а хочу помешать его счастью с моей бывшей женой.

— Пожалуй, вы правы, — тяжело вздохнула Мелано. — На жену друга нельзя смотреть как на женщину. Так, во всяком случае, у нас это принято. А он осквернил этот святой обычай, и за это им обоим воздастся. Вот увидите...

Занималась заря. На востоке алел огромный шар.

— Рассвело... — Мелано поправила на плечах шаль, поднялась по лестнице и вошла в свою комнату.

Почувствовав страшную усталость, Лаша лег на тахту и словно провалился в сон.

Его разбудило оглушительное кудахтанье.

Перегнувшись через балконные перила и размахивая длинным прутом, Зуриа пытался прогнать крикунью.

Лаша откинул теплую шаль, которой его укрыла Мелано, и сел на тахте.

— Какой час? — спросил он мальчика.

— Скоро десять!

— Я мигом умоюсь, проводишь до стоянки?
Лицо Зурии расплылось в довольной улыбке.

— Чего зубы скалишь?

— До вечера уже не будет автобуса. Опоздали.

— Я должен сегодня уехать! Проводи меня до сельсовета. Там придумаем, как попасть в Каспи.

— Сперва позавтракаем. Не ехать же в такую даль голодным. Мама оставила завтрак на плите, а я уже накрыл на стол.

Они завтракали, когда со двора донесся взволнованный голос Мелано.

— Зуриа! Где наш гость?

— Я здесь, Мелано. — Лаша вышел на балкон. — Что случилось?

Мелано обхватила руками голову и заплакала.

— Дамана отравилась!

Лаша онемел.

— Отравилась? — наконец бессмысленно выдавил он.

И, словно очнувшись, бросился вниз по лестнице. Зуриа за ним. Они усадили Мелано на лавку, и та, переведя дух, рассказала о случившемся.

Утром, после ухода тетушки на работу, Дамана выпила целый пузырек йода. Спустя некоторое время та по какому-то делу вернулась и увидела Даману лежащей на полу.

— Где она сейчас? — спросил Лаша.

— В больнице. Врачи говорят, положение почти безнадежное...

— Пойдемте в больницу.

Они бегом одолели проселок и короткой дорогой вышли к больнице.

Во дворе больницы толпился народ. С появлением Лаши наступила гробовая тишина. Все с любопытством уставились на него.

Лаша, как сквозь строй, прошел к дверям, перед которыми дежурили две санитарки.

— Можно мне повидать врача? — спросил он.

— Все врачи наверху.

— Меня интересует состояние Даманы.

— Очень тяжелое... Помимо отравления там...

— Ну говори, чего загнулась, — огрызнулась вторая, — небось не хуже нашего знает.

— Можно ее видеть?

— Сейчас? — изумилась первая. — Вы врач, что ли?

— Нет, я ее товарищ.

Женщины переглянулись, но ничего не сказали. В это время во двор въехала машина. Из нее вышел седой мужчина и поспешил к больничным дверям. Войдя в вестибюль, он на ходу бросил дежурным:

— Я в операционной.

Дежурная посмотрела на Лашу и прошептала:

— Главный гинеколог района, Гулбат Чивадзе, на него вся надежда...

Операция прошла благополучно, но целую неделю жизнь Даманы висела на волоске.

Она лежала в беспомощности, изредка издавая слабые стоны. Слезы тоненьким ручейком катились из глаз.

— Ой вы слезы, горькие слезы, — бормотала тетя Даманы, которая сама не переставая плакала.

На седьмые сутки больная открыла глаза и попросила воды.

— Только маленький глоток, родная, один глоток, — как ребенка, уговаривала Даману тетя.

— Почему вы не дали мне умереть? — дрожащим голосом произнесла Дамана, и слезы хлынули у нее из глаз.

Дежурный врач велел фельдшернице сделать больной укол.

Все эти дни Лаша не покидал больницу. Но войти к Дамане не решался.

На десятый день тетя Даманы попросила его посидеть с больной — ей нужно было отлучиться на короткое время.

Лаша покорно вошел в палату.

В нос ударил запах лекарств. Дамана спала. Лаша стал у стены, приложив ладони к прохладной, покрытой масляной краской поверхности, как бы черпая в ней силу.

«Боже мой, неужели это Дамана?!»

195940
202 000 0101333

Он не заметил, как она открыла глаза и какое-то время не моргая смотрела на него. Почувствовав, что он ушел в свои мысли и не заметил ее пробуждения, она закрыла глаза и попыталась прикрыть лицо одеялом. Однако это движение не ускользнуло от Лаши.

— Дамана... — он подошел к кровати.

— Молчи, — прошептала она. — Я знаю, что осрамила себя...

— Не смей так говорить, слышишь? И не думай об этом!

— Лаша, милый...

Лаша нагнулся и поцеловал ее исхудалую руку.

— Тетя мне рассказала, как тебя здесь обвинили во всех грехах... — глаза ее наполнились слезами, и она снова попыталась прикрыть лицо одеялом.

— Перестань плакать, а то придет твоя тетя и намылит мне шею.

— И тебе я отравила отдых, — вздохнула Дамана.

— Перестань, я сказал... Скорее выздоравливай...

— Хочешь, открою тебе секрет?

— Какой?

— Мне ужасно хочется жить, хочется быть здоровой... может быть потому, что я узнала цену жизни...

— Умница, я счастлив, что ты пришла в себя.

— Что ты собираешься делать?

— Поеду к старикам в деревню, давно их не видел.

— Они знают, что ты с Цисаной...

— Нет.

— Это будет для них ударом...

— Да, будет...

Дамана вышла из больницы спустя три недели.

Лаша, Мелано и Зуриа проводили ее домой. Тетя приготовила по этому случаю праздничный обед, и они вместе пообедали.

Говорили в основном о жарком лете, которое было залогом щедрого урожая, о сельских буднях. Потом Зуриа играл на пандури, и все от души смеялись его частушкам.

— Когда вы уезжаете, Лаша? — спросила тетя.

— Завтра утром. Сегодня нам с Зурией надо еще починить забор, а завтра—в путь. Я и так уж засиделся в гостях. Пора и честь знать...

— Это все из-за меня... Прости... — Дамана покраснела, опустила голову. — Погостил бы еще недельку, а то кроме больничной палаты ничего и не видел...

— Оставайтесь, дядя Лаша, — Зуриа с мольбой уставился на него.

— Привык он к вам, — Мелано погладила сына по голове.

— Поехали со мной, Зуриа! Познакомлю тебя с моей мамой, папой, наше село покажу. Знаешь, какое оно красивое!

— Мама, отпусти меня с дядей Лашей!

— Этого только не доставало! — всплеснула руками Мелано. — Что я буду делать без тебя?! И потом, на кого ты похож, оброс, как дикобраз!

— Я сейчас же сбегаяю и постригусь! — Зуриа вскочил с места.

— Да отпусти ты его, пусть поедет, посмотрит новые места, — сказала тетя Даманы.

Мелано сидела молча с поникшими плечами. Кажалось, она готова была расплакаться.

— Что с тобой? Не с чужим же человеком управляешь и не за тридевять земель?

— Отпустите его, Мелано, — подал голос и Лаша. — Даю слово, вернется целым и невредимым.

— Как я буду без него? Мы же никогда не расставались.

— У тебя мужчина растет, Мелано, мужчина, понимаешь? Не будет ведь он сидеть подле тебя как пришитый, ты не подумала об этом? — тетя Даманы рассмеялась.—Пусть поедет, порадует... с хорошим человеком едет в хорошие края...

Мелано украдкой вытерла глаза и кивнула.

— Поди, Зуриа, к парикмахеру, скажи, пусть пострижет тебя аккуратно.

Захлопав в ладоши, Зуриа бросился к матери, поцеловал ее, обежал вокруг стола и пулей вылетел из комнаты.

Приезд Лаши в родную деревню оказался полной неожиданностью для всех.

Талико и Симон обрадовались как дети и поспешили поделиться своей радостью с соседями.

Все тотчас прибежали в усадьбу Тархнишвили.

— Это твой сын? — удивленно спрашивали Лашу. — Такой большой уже?

— Нет, это сын моего товарища, приехал посмотреть Гурию.

— А где же твой сын?

— Он еще совсем малыш, с матерью он...

— Маленькие, они всегда при матери. А как вырастут, поди удержи подле себя.

Когда соседи разошлись, Талико сказала:

— Мог бы привезти мальчика, как-нибудь посмотрели бы за ним.

— Ты измучилась бы, мама. Он очень капризный ребенок.

— Значит, плохо воспитываете, ты уж не обижайся.

— Ничего не поделаешь.

— Это как сказать. Привези его ко мне на одно лето, потом не узнаешь.

— В следующем году привезем, — вмешался неожиданно Зуриа. Он почувствовал, что Лаша в растерянности, и поспешил ему на выручку...

— Гостиницу, значит, отстроили? — Симон перевел разговор на другую тему. — Что теперь собираешься строить?

— Это от начальства зависит, посмотрим, что предложат...

— Ладно, об этом потом, сынок. Отдохни, покажи гостю наши окрестности. — Симон погладил мальчика по голове.

Лаша пробыл в деревне неделю. Вместе с Зурией облазил дорогие сердцу места. К вечеру они, уставшие, возвращались домой и за ужином рассказывали Талико и Симону о своих впечатлениях.

Зуриа не мог скрыть своего восторга.

— Чайные плантации — сила! Я такого не видел! А пальмы! А бамбуковые и эвкалиптовые роци!

Беседа затянулась допоздна.

И так изо дня в день.

Талико и Симон заметили, что Лаша ни разу не вспомнил Цисану или ее родителей. Это им показалось странным, но они ничем не выдали недоумения. Но как-то раз Талико все же не выдержала и спросила:

— А наша невестка ничего не просила нам передать?

— Ничего, мама.

— О втором ребенке не думаете?

— Второго не будет, — ответил Лаша.

Талико посмотрела на Симона.

— Что-нибудь случилось, Лаша?

— Я ушел оттуда, мы разошлись.

— Не надо рубить сплеча, сынок. Разрушить семью очень легко. Ты подумал о своем сыне? Как он будет расти без отца? Прошу тебя, Лаша, подумай прежде...

— Давай не будем об этом, мама. Развод всех их устраивает... и Цисану, и ее родителей. Вы же не знаете, в какие грязные делишки хотела меня втравить эта семейка. И Цисана была не прочь, чтобы я жил по указке ее папаши и братца.

— Что ты говоришь? — Талико схватилась за голову.

— И что главное... Цисана любит другого.

— Другого?! Кого же?!

— Кого? — Лаша взглянул на Зурию, провел рукой по его волосам и попросил мать постелить мальчику.

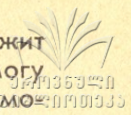
— Да, да, ты прав, уже поздно, Зурии пора спать, — встрепелась Талико и, обняв мальчика за плечи, вывела его в спальню.

Зурия, хотя его и мучило любопытство и очень хотелось послушать разговор взрослых, без слов последовал за бабушкой Талико. Он разделся и лег в постель в твердой решимости дожидаться Лашу, однако усталость целого дня дала о себе знать, и уже через несколько минут мальчик крепко спал.

Лаша подробно рассказал родителям о своей жизни.

— Ах, сыночек, что же это такое?! — с тоской глядела на сына Талико.

— Что будет дальше? — спросил отец.

— Поеду в Тбилиси. Посмотрим, что предложит мне начальство. Лабадзе считается со мной. Я не могу обмануть его ожиданий. Кстати, читали в газете о нем награждении?

Талико и Симон переглянулись.

— Было в газете? — огорчился Симон. — Как это мы прозевали, да и не только мы, видать, и другие не читали, иначе бы поздравили нас... Где теперь найдешь этот номер...

— Сходи в библиотеку, — улыбнулся Лаша, — ты не веришь мне?

— Что ты, сынок, но мне будет приятно прочесть самому.

— Послушай, Лаша, — вдруг оживилась Талико, — ты же видишь, мы состарились. Оставайся с нами. И здесь для тебя работа найдется...

Симон согласно кивнул головой — права, мол, мать.

— Нет, сперва я отвезу Зурию домой, потом съезжу в Тбилиси, повидаюсь с Лабадзе. Это уважаемый человек. Ничего общего с мошенником Дгебуадзе! А там посмотрим. Может, и вернусь.

— Глянь-ка, Зуриа проснулся! — улыбка осветила лицо Талико.

— Рассвело, мама, все село проснулось... Вон уже скотину гонят в поле!

— Горе мне, я забыла подоить корову! — Талико схватилась за голову и бросилась к двери. — Симон, принеси мне белое ведро, оно в кухне, — крикнула она на ходу.

— Несу, мама, — откликнулся Лаша.

— Мама-а! Мы приехали, мама-а! — Зуриа распахнул калитку, влетел во двор и в мгновение ока очутился на балконе.

Мелано выбежала навстречу сыну.

— Вернулся, сыночек? — целуя его, приговаривала она. — Как я по тебе соскучилась... Во что это ты одет? Новые брюки, рубашка...

— Там купили... — Зуриа кивнул на Лашу.

— Ты напросился, бессовестный?

— Нет, он сам мне купил, спроси, если не веришь! Мелано провела рукой по новой рубашке сына.

— Большое спасибо, — сказала она, прослезившись.

— Не стоит благодарности, — ответил Лаша, — это на память от меня.

— Идет мне, мама?

— Идет, родной, очень идет... Поди ко мне, Зури, я истосковалась по тебе.

— Я тоже, мама, — Зуриа поцеловал мать и, косясь на Лашу, сказал: — Обрати на него внимание...

— Подумайте только, как он со мной говорит! — засмеялась Мелано. — Здравствуйте, Лаша, что вы там остановились? Идите к нам! Почему задержались?

— Я видел чайные плантации, мама, и фабрику!

Лаша открыл сумку и вынул оттуда пеструю кофту.

— Это вам моя мать прислала.

— Зачем она беспокоилась? — сконфузилась Мелано, но кофту взяла и тут же приложила к себе.

— Как подходит тебе эта кофта, — обрадовался Зуриа.

Мелано накрыла стол на балконе — вынесла свежие, прямо с грядки, огурцы, зелень, дымящуюся яичницу с помидорами.

— Я проголодался, — Лаша улыбнулся.

— Я тоже, — немедленно откликнулся Зуриа.

— Матэ приезжал два раза, — сказала Мелано.

— Что-нибудь случилось? — удивился Лаша.

— Его освободили от работы.

— Почему?

— Взял с пассажира лишнее. А им оказался участник спецрейда.

— Что он собирается делать?

— А что ему делать?! Вас дожидается. Надо же где-нибудь работать.

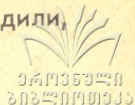
— Вот так история! Ведь я предупреждал его, он меня не послушал. Семья, говорит, у меня большая, зарплаты не хватает.

В это время у ворот остановилась машина Матэ.

— Приехали? Слава богу... Где же вы пропадали?

— А куда нам было спешить? — Лаша поднялся навстречу Матэ. — Отдыхать так отдыхать. Мы с Зури-

ей облазили все окрестности, в Махарадзе съездили, в Кобулети... Отдохнули на славу.

— Зато я попал в переплет.

— Мелано вот рассказывала сейчас.

— Как, вы только приехали?

— Час назад, пожалуй.

Матэ опустился на скамью и со злостью произнес:

— Короче говоря, меня сняли!

— Незаслуженно? — Лаша смотрел Матэ в глаза.

Матэ махнул рукой. Мелано поставила перед ним тарелку и вынесла свежий, испеченный в тонэ хлеб.

— Вчера вечером испекла, как будто сердце чуяло, что вы приедете, — сказала она, садясь рядом с братом.

— Я встретил Ладო Угрехелидзе, все ждут твоего приезда. Говорят, тебе предлагают какой-то необыкновенный объект. И весь твой старый актив просится на ту стройку.

— А я обещал родным вернуться в деревню.

— Что ты потерял в деревне? Ты правда себе цены не знаешь. В деревне пусть работают те, без кого может обойтись большой город.

— А может, он не хочет работать в городе? — робко встала Мелано.

— Прошу тебя, Мелано, не вмешивайся в мужской разговор. Поехали, поехали!

Лаша вдруг резко поднялся и спустился во двор.

— Он что, обиделся? — удивился Матэ.

— Будто не знаешь, какие воспоминания у него связаны с городом, — рассердилась на брата Мелано.

— Поехали в Тбилиси? — крикнул Матэ Лаше.

Лаша кивнул.

— Зуриа, давай прощаться, когда еще я увижу тебя! — Лаша позвал мальчика.

— Но вы же обещали, дядя Лаша, — Зуриа в мгновение ока оказался рядом. Он пожал Лашину руку и вдруг, расплакавшись, прильнул к его груди.

— Перестань реветь, Зури, что с тобой? Можно подумать, он едет за тридевять земель... Тбилиси под боком, соскучишься — привезу или же сами приедем... —

Нана Канделаки. Ливень.

Матэ потрепал племянника по волосам и крикнул сестре: — Вынеси Лашины вещи!

— Тут один рюкзак!

— Не рюкзак, а сумка, — поправил ее Зуриа, — я сам спущу.

— Ну, до встречи! — сказал Лаша, беря сумку. — Будьте здоровы и спасибо за все! Напиши мне, Зури...

— А адрес? — глаза у мальчика заблестели.

Лаша на мгновение задумался.

— Пиши по адресу Матэ.

— Обязательно напишу, а вы ответите?

— Конечно, — Лаша поцеловал мальчика.

— Даману не повидаете? — смущенно спросила Мелано.

— В другой раз. Передайте ей привет. Скажите, что я очень торопился, — Лаша пожал руку Мелано и направился к машине.

— Безусловно, спешим. Туда все село набежит, а разговоры времени требуют, — Матэ махнул рукой сестре, сел в машину и нажал на газ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава первая

На следующий день Лаша отправился в трест.

Управляющий проводил совещание, и секретарша попросила его зайти часа через два.

Лаша решил побродить по городу. Обошел площадь Ленина, спустился вниз по улице Леселидзе и направился в старый Тбилиси — к серным баням.

На улице Горгасали постоял, поглядел на Метехи. Перед храмом на скале высилась конная статуя царя Вахтанга Горгасала — основателя Тбилиси. Воздетая рука его словно указывала место, где будет заложен столичный город Грузии.

Вскоре Лаша оказался возле новых многоэтажных домов близ Ортачальской ГЭС.

«Как преобразился старый район! Новое прекрасно соседствует со старым. Даже придает ему определенную прелесть».

Вдруг заливистый детский смех прервал его мысли. Лаша пригляделся к мальчику, который бегал не подалеку, и оцепенел от неожиданности: он узнал своего сынишку. А возле парапета набережной стояла Цисана и трое неизвестных.

В тот же миг и Цисана увидела его. Быстрым шагом она подошла к ребенку, подняла его на руки и так прижала к груди, словно кто-то собирался отнять его у нее. Мальчик, почувствовав что-то неладное, съезжился, закапризничал, стал вертеть по сторонам головой и вдруг увидел отца.

— Папа, папочка, — закричал он, — пусти меня, я к папе хочу!

Цисане ничего другого не оставалось, как опустить мальчика на землю.

Ника стрелой помчался к Лаше, прижался к его коленям.

— Папочка, я к тебе хочу!

Едва сдерживая слезы, Лаша поднял ребенка и крепко прижал к груди, стараясь не показывать ему своего лица.

Спутники Цисаны, внимание которых было поглощено памятником, не обратили никакого внимания на эту встречу.

Цисана подошла к Лаше.

— Немедленно верни ребенка, — тихо сказала она, — не затевай драки при посторонних.

— Ну что ты, Цисана, какая драка...

— Отдай ребенка. Это иностранцы—французский дирижер с женой и дочерью. Что они подумают?

— Гости требуют внимания, а ребенок может помешать тебе, ты же знаешь, какой он проказник?

— Хочешь отнять его у меня? — у Цисаны задрожал подбородок.

— И не думал. Бери его, пожалуйста, но когда он поднимет крик и плач, тебе придется объяснять своим иностранцам, почему он плачет, кто я такой, почему мы разошлись и так далее. Воля твоя, забирай.

Цисана оглянулась на гостей. Они с любопытством смотрели в их сторону и махали руками.

— Ну ладно, только чтобы в шесть часов Ника был дома, понял?

— Понял. В шесть он будет дома.

Лаша остановил такси и вместе с мальчиком сел на переднее сиденье.

— Поднимемся на Мтацминду... впрочем, там очень многолюдно, — он погладил сына по головке и поцеловал в лоб. — Поедем на Черепашье озеро, на Мтацминде этот молодой человек бывал, а вот на Черепашьем вряд ли, — с улыбкой сказал он шоферу.

— Был, был... вместе с дядей Гиви, — воскликнул Ника и вдруг умолк, словно поняв, что сболтнул лишнее.

— Мы все же поедем туда, — сказал Лаша, с нежностью глядя приунывшего мальчика по голове.

Хотя Ника был еще очень мал, он, видимо, понимал, что с отцом пробудет недолго. Всю дорогу он сидел, крепко обхватив отца за шею своими пухлыми ручонками и то и дело на него поглядывая.

Целый день они провели на Черепашьем озере.

Когда солнце стало клониться к западу, с озера повеяло прохладой.

— Поехали домой? — спросил Лаша, испугавшись, как бы мальчик не простыл. — Мапочка тебя ждет...

— Ты тоже поедешь? — Ника с любопытством уставился на отца.

— Ну конечно.

Им вскоре встретилось свободное такси.

Пока машина шла вниз под гору, Ника не отрывался от окна. Однако впечатления дня, видимо, утомили его, он умолк, приник к отцовской груди, закрыл глаза и уснул.

Машина остановилась у дома Тохадзе. Лаша осторожно вылез из нее и, бережно прижимая сына к груди, почти на цыпочках поднялся по лестнице, нажал на кнопку звонка и очень обрадовался, когда дверь открыла Лола.

— Ой, Лаша, сынок! — Лола отступила назад, пропуская Лашу в дверь. — А я все время плачу, никак не привыкну к этому... никак.

Лаша, не говоря ни слова, протянул ей спящего ребенка.

Лола приподнялась на цыпочки, поцеловала Лашу в лоб и взяла мальчика.

— Прости меня, сынок, за все, что случилось, пробормотала она, не стыдясь своих слез.

Сердце у Лаши сжалось. Он стоял перед ней, понурив голову.

Лола была, пожалуй, единственной в семье Тохадзе, к кому Лаша испытывал уважение. Может быть потому, что чувствовал, с какой теплотой относилась она к нему, как искренне заботилась о нем. И сейчас он верил в неподдельность ее слез.

— Присмотрите за Никой, — тихо, чтобы не разбудить спящего ребенка, сказал он и, круто повернувшись, бегом спустился по лестнице.

К Матэ он пришел поздно. Долго бродил по улицам, помимо своей воли кружил вокруг дома Тохадзе. Мысль о Гиви точила его, душила злоба.

«Мы с Цисаной никогда не помирились бы. Все кончено навсегда. Она сделана из другого теста. Я это понял сразу, но надеялся, что она переменится, поймет меня. Увы! Она истинная дочь своего отца. Но мог ли я себе представить, что Гиви, мой друг и брат, займет мое место...»

Матэ встретил его с упреками.

— Где ты пропадаешь? Мы ищем тебя весь день! С ног сбились! Лабадзе требовал тебя.

Лаша молчал.

— Потеряешь место, как пить дать, потеряешь! — сердито говорил Матэ. — Нянчиться с тобой не будут. Инженеров полно, хоть пруд пруди!

— Я и не прошу, чтоб со мной нянчились.

— Чего ты хочешь, объясни? Почему задираешь нос?

— Да ничего я не задираю нос! Просто хочу уехать. Не могу здесь жить!

Матэ с изумлением уставился на Лашу.

— Что случилось? Хотя бы скажи, куда ты хочешь уехать? — упавшим голосом спросил Матэ.

— Домой. К своим, в деревню. Не могу я здесь, как ты не понимаешь!

— Прекрасно понимаю. Но кто не разводился?!

И потом, женщины перевелись, что ли, на свете? Ты только свисти этой нашей учительнице музыки. Она мигом примчится к тебе. А ведь не хуже твоей жены!

— Матэ, ты что? — встревожился Лаша. — Прошу тебя, об этом больше ни слова.

— А ты не будь слепцом, — продолжал Матэ, — оглянись вокруг!

— Матэ...

— Да знаешь ли ты, что на одного мужчину три женщины приходятся?! Мне это один знающий человек говорил.

В это время в комнату вошла Саната.

— Пропади ты пропадом, не три, а пять! — вскипела она, услышав последние слова Матэ.

— Насчет пяти не знаю, но три — это наверняка!

— Ах ты, старый козел! Об одной позаботиться не может, а туда же...

— Чего ты злишься? Это я Лаше говорю, что статистически установлено... Для справки говорю, а ты чего взбеленилась? Он человек молодой... свободный. Вот я его и подбадриваю — выбор, мол, большой.

— Чтоб тебе пусто было! — в сердцах сказала Саната и вышла из комнаты.

Матэ виновато посмотрел на Лашу, но тот, занятый своими мыслями, не обратил внимания на перебранку супругов.

— Где ты пропадал целый день?

— Я встретил своего сына.

— Его выпустили одного? — изумился Матэ.

— Нет, он был с матерью.

— Ну и что?

— Я взял его на Черепашье озеро. Целый день мы провели вместе.

— Значит, у тебя сегодня был хороший день!

— Да, очень.

— Куда же ты собираешься бежать? Может, еще помириться?.. Между мужем и женой всякое бывает, а ради сына на многое можно закрыть глаза.

— Нет, Матэ, это исключено. Поеду лучше к родителям. Их тоже жалко, переживают за меня. Дело и там найдется...

— А что ты ответишь своим бывшим сослужив-

цам? Все мы решили идти на строительство нового дворца культуры под твое начало.

Лаша с удивлением уставился на Матэ.

— И ты тоже?

Матэ исподлобья взглянул на него.

— Думаешь, я не могу вернуться на такси? Но... ребята подбивают меня идти на стройку. И я решил... Я хочу у тебя работать!

— А как жена? Она привыкла к безбедной жизни.

— Будет довольствоваться тем, что заработаю!

Лаша задумался. Потом сказал:

— И все же я должен вернуться в деревню.

— Саната, — рявкнул Матэ, не найдя, что ему ответить, — принеси бутылку с вином и простыню в придачу, я должен напоить нашего гостя и привязать его к постели, может быть утром он одумается. Ты меня слышишь, Саната?

Саната выскочила из спальни, на ходу застегивая халат.

— Ты что орешь? С ума сошел? Детей разбудишь!

Матэ взглянул на жену и, махнув рукой, процедил сквозь зубы:

— Иди спать, ничего не надо...

Саната вышла из комнаты, хлопнув дверью.

— Кажется, и мне впору бежать отсюда, — Матэ встал, начал ходить из угла в угол. Потом остановился, взглянул на настенные часы. До отхода поезда оставался один час. Сердце его тревожно забилося. Он присел к столу и уставился на Лашу.

Лаша улыбнулся.

— Хороший ты человек, Матэ... Золотое сердце. Если есть на этом свете справедливость, ты не должен знать беды.

«Сейчас он встанет и уйдет», — с тревогой подумал Матэ.

Лаша встал. Поднялся и Матэ. На его лице блуждала какая-то неопределенная усмешка. Лаша подошел к своей тахте, сел, не спеша снял туфли и лег лицом к стене.

Матэ с облегчением вздохнул.

— Спасибо, что послушался меня, — взволнован-

но произнес он, садясь у Лаши в ногах, — я тебе дело говорю... Плюнь ты на всех, кто обидел тебя, они получают свое, запомни мои слова. Непорядочность ни-когда не оставалась безнаказанной. Тебе, брат, такое дело доверили, ты летать должен от счастья. А как Лабадзе ценит тебя! Я в этом сам убедился... Не то что Дгебуадзе... «Вот вам ваш хваленый Тархнишвили!» — так и сказал он Лабадзе. Это при Ладо было, и он рассказал ребятам.

Лаша молчал.

Матэ, не дождавшись ответа, осторожно заглянул ему в лицо. Тот спокойно спал.

— Устал, бедняга... — Матэ на цыпочках вышел из комнаты.

Рано утром его разбудила Саната.

— Вставай, твоего гостя давно нет. Уехал, наверное.

— Как уехал? Куда? — Матэ мгновенно отрезвел от сна.

— Откуда мне знать! Поди взгляни: постель свою прибрал, на подушке какая-то бумажка лежит...

— А ты что, читать разучилась?!

На подушке действительно лежал вчетверо сложенный лист бумаги. Матэ схватил его и прочел вслух:

«Дорогие Саната и Матэ!

Спасибо вам за все. В долгу не останусь. Матэ! Постарайся с Ладо как-нибудь извиниться за меня перед Лабадзе!

Лаша».

— Теперь поверил, что уехал? — проворчала Саната.

— Уехал... Все-таки уехал. Не послушался меня. И все из-за этой вертихвостки... Значит, и вправду не вмоготу ему было оставаться в городе. А жаль, такой специалист... — Матэ словно беседовал сам с собой.

Саната стояла перед ним, не сводя с него изумленных глаз.

— Чего ты уставилась? — вскипел он вдруг. — Лучше пошевели мозгами, вы ведь все очень мудрые, и скажи, на чем он мог уехать.

— На запад поезда идут только поздним вечером.

— Умница! Конечно, вечером. И как это я мог за-
быть?! Значит, он уехал автобусом, да, Саната?

— Не все ли равно теперь — автобусом или поез-
дом. Главное — он уехал!

— Отстань-ка ты от меня! — огрызнулся Матэ и,
нахлобучив по самые уши кепку, выбежал на улицу.

Через некоторое время Матэ уже стучался к Ла-
до Угрехелидзе. Тот только что проснулся и вышел
на балкон с полотенцем в руке. Пробежав письмо гла-
зами, он стал поспешно натягивать рубаху.

— Едем на автовокзал.

Когда машина остановилась у здания автовокзала,
Ладо первым выскочил из машины. В зале ожидания
Лаши не было. Тогда они бросились к кассам, но и здесь
его не оказалось. Уже возвращаясь к машине, на од-
ной из скамеек в сквере перед зданием автовокзала
Ладо увидел Лашу.

Он легонько толкнул Матэ локтем и тихо сказал:

— Вот он, смотри...

Они неслышно подошли к Лаше и молча стали пе-
ред ним.

Лаша ушел в свои невеселые мысли. Прошло ка-
кое-то время, прежде чем он поднял глаза и, уви-
дев перед собой Ладо и Матэ, вздрогнул от неожидан-
ности.

— Думал улизнуть от нас? — спросил Ладо.

Лаша встал, обнял обоих за плечи.

— Если бы вы знали, как вы меня обрадовали!

— Пошли.

— Нет, Ладо, я еду в деревню. Билет уже на ру-
ках. Так будет лучше для меня.

— Что за детские разговоры! Ребята ждут тебя,
когда узнали, что под твоим началом новая стройка
затевается, все как один явились. И Лабадзе спраши-
вал о тебе...

В это время по радио объявили: «Началась по-
садка на автобус, следующий в батумском направле-
нии. Отправление автобуса через пятнадцать минут».

Лаша глянул на часы и протянул руку для про-
щания.

— Ну, мне пора!

Ладо отвел протянутую руку.

— Погоди, — сказал он, — послушай, что я тебе скажу... Я старше тебя, и жизненного опыта у меня больше. Если ты сейчас уедешь, то оттолкнешь от себя не только Лабадзе, но и нас, твоих друзей, и остальных ребят. Потом, со временем, ты никогда не простишь себе, что изменил любимому делу, но будет уже поздно. Поверь мне, не уезжай...

Лаша стоял, опустив голову, как провинившийся ученик перед учителем. Было видно, что он мучительно ищет себе оправдания.

«Граждане пассажиры! Автобус, следующий в батумском направлении, отправляется через пять минут», — повторил диктор.

Матэ погрозил репродуктору кулаком.

— Слышали, довольно уж! Заладил одно и то же, зануда!

Стоящие поблизости сдержанно улыбались.

— Спасибо, друзья! Я никогда не забуду этого! — Лаша обнял Ладо за плечи. — Мне кажется, я никогда не смогу отплатить вам за вашу любовь, заботу и теплоту... Оказывается, какой я счастливый человек! Ведь у меня такие друзья! Ты прав, Ладо, я никогда не простил бы себе этой ошибки...

— Остаешься?! — крикнул Матэ, бросив беглый взгляд на переполненный автобус. Лаша кивнул головой и порвал билет.

— Ура! — Матэ пустился плясать вокруг него, привлекая к себе всеобщее внимание. Ладо, схватив его за плечо, остановил и подтолкнул к выходу.

Через несколько минут машина Матэ мчалась по направлению к тресту.

Управляющий трестом Самсон Лабадзе с утра был не в духе. Строительство школы в новом жилом районе, выросшем возле поселка Глдани, которое по его предположению должно было вот-вот завершиться, на самом деле только набирало темп. С утра он побывал на стройке и имел возможность лично убедиться в этом. Значит, прораб обманывал его! Едва сдерживая гнев, он обошел здание школы, отмечая про себя все недоделки — леса с фасада не убраны, внутренние работы далеки до завершения, окон-

ные стекла не вставлены, ну и, конечно, гряда мусора на школьном дворе.

— Через неделю все закончим, вот увидите! День и ночь работать будем, а школу сдадим в срок. Слово даю, — прораб пытался поймать взгляд Лабадзе.

— Хорошо. Ровно через неделю в восемь утра я буду здесь, — Лабадзе окинул взглядом сперва фасад здания, скрытый за лесами, затем двор, — чтобы все здесь блестело, понял? Первого сентября дети должны сесть за парты. И дирекции нужно время, чтоб подготовиться к началу учебного года.

— Через неделю строительство будет закончено.

Ничего более не сказав, Лабадзе вышел со двора. Пересекая развороченную мостовую, он пожал плечами и спросил семенящего за ним прораба:

— И в неделю ты справишься со всем этим?

— Да, в неделю.

— Ты, наверное, фокусник, — бросил он, садясь в машину.

Вернувшись в трест, Лабадзе справился о Тархнишвили. Секретарша сказала, что Тархнишвили не появлялся.

— Самсон Несторович, — с ехидной улыбкой на лице вкрадчиво начал Дгебуадзе, — в свое время я предупреждал вас — не надо баловать этого Тархнишвили. Вы, тем не менее, мягко говоря, носились с ним. И вот результат. Разве нет других инженеров, почему этот желторотый птенец должен воображать себя современным Арсакидзе?

Лабадзе сидел, уткнувшись в газету, и Дгебуадзе, не зная, слушает он его или нет, внезапно умолк.

— Продолжай, Дзуку, продолжай, — не отрываясь от газеты, произнес Лабадзе.

Дгебуадзе, откашлявшись, заговорил тем же вкрадчивым тоном:

— Так вот, он даже не явился на открытие гостиницы, взял и уехал в деревню. Награждение, по-видимому, принял как должное. Даже не соизволил поблагодарить. А теперь ломается, ждет, наверное, особого приглашения. До такой степени обнаглел, что, прости-

те, Несторович, даже вас ни во что не ставит. Несмотря на ваши вызовы, не явился ни вчера, ни сегодня.

Лабадзе отложил газету в сторону.

— Что же ты предлагаешь, Дзуку?

— Гнать его надо, вот что!

— Мы не можем швыряться такими людьми, как Тархнишвили. Ты же знаешь, Дзуку, талантливых строителей слишком мало.

— Значит, посадим себе на голову этого молоко-соса?! Почему он ломается, что ему нужно?

— Лично у меня он ничего не просил. Может быть, тебе что-нибудь известно?

— Его претензий мне не доставало!

— Собственно говоря, Дзуку, чем не угодил тебе Тархнишвили?

— Он — мне? — вспыхнул Дгебуадзе.

— Может быть, его что-то беспокоит? Я несколько раз заставлял его у тебя. О чем вы говорили?

— Дело в том... — Дгебуадзе снова откашлялся и, продолжая обмахиваться газетой, многозначительно произнес: — Он ушел от семьи...

— Кто, Лаша? Почему?

— А бог его знает...

— Он ведь был женат на дочери Евтихия Тохадзе?

— Да...

— Может быть, это сплетня?

— Что вы! Мне сам Евтихий сказал.

— Да, но почему же?

Дгебуадзе сощурил глаза и, выдержав паузу, покачал головой.

— Говорят, не сошлись характерами. Поспорили из-за какой-то ерунды, а он взял да и ушел. Не оценить такого человека, как Евтихий Тохадзе! Теперь вы понимаете, какое сокровище этот Тархнишвили. Спутался, наверное, с кем-нибудь, внешностью бог не обидел...

— Неприятно, очень неприятно... Не ожидал я от Лаши. Но где он живет?

— Не знаю. Да по правде говоря, и знать не желаю.

— А что школа в Глдани не готова к сдаче, это ты, по крайней мере, знаешь? — чуть повысил голос Лабадзе.

— Не может быть!

— Сегодня утром прораб обещал мне, что

— Он что, свихнулся? Как мы оправдаемся перед министром просвещения, если сроки будут сорваны?

— Поручаю тебе лично этот объект.

— Несторович, вы мне уже поручили проверить технический отдел.

— Дзуку, за строительство школы будешь ответственный ты. Ясно? Через неделю она должна быть сдана! И об этом ты сам доложишь министру просвещения.

— Вы будете проверять исполнение работ?

— Ежедневно. Это, пожалуй, самый серьезный наш объект на сегодняшний день.

— Понятно, Несторович, понятно, — вымученно улыбаясь, произнес Дзуку, мысленно кляня прораба.

В это время дверь кабинета отворилась и вошел Тархнишвили. Он медленно подошел к длинному столу, приставленному к столу Лабадзе, и смущенно поздоровался сперва с ним, потом с Дгебуадзе. Лабадзе оглядел крепкую ладную фигуру Тархнишвили и невольно поднялся ему навстречу.

— Где вы пропадали, молодой человек! — спросил он улыбаясь.

— Прошу прощения, Самсон Несторович, вчера никак не смог прийти.

— Ничего, ничего, все бывает, — Лабадзе потрепал Лашу по плечу, бросив косой взгляд на Дгебуадзе. Тот сидел в глубоком кресле, с деланным интересом просматривая свежий номер «Комунисти».

Лабадзе усмехнулся и деловито спросил Лашу:

— Знаешь, зачем я вызывал тебя?

— Да.

— Будешь строить дворец культуры?

— Благодарю за доверие.

— Почему же ты не появлялся? — упрекнул его Лабадзе и снова посмотрел на углубившегося в чтение газеты Дгебуадзе.

— У меня была причина. Я объясню...

— Ладно, после поговорим. — Лабадзе подошел

к шкафу, вынул свернутые в трубку чертежи. — С проектом знаком?

— В общем-то нет, слышал о некоторых деталях

— Вот ознакомься. Дзуку, он не помешает тебе, если сядет в твоём кабинете?

— Пожалуйста, пусть хоть кресло мое займет, — Дгебуадзе бросил газету на стол, встал и стремительно вышел из кабинета.

Лабадзе посмотрел ему вслед, но не остановил.

— Значит, ознакомишься с проектом, — повторил он, — может быть, у тебя возникнут замечания. Проектировщики — люди молодые, как и ты. Только не придирайся. Проект выполнен на очень высоком уровне. Потом я познакомлю тебя с авторами. Поговорим, поспорим. Нам еще предстоят баталии в министерстве. Дворец должен быть монументальным, красивым и современным. Одной недели на ознакомление тебе достаточно?

— Думаю, да... У меня небольшая просьба.

— Слушаю.

— Могу я ознакомиться с проектом где-нибудь в другом месте?

— Кабинет Дгебуадзе тесен для тебя? — улыбнулся Лабадзе, закуривая. — У него ведь не кабинет — целый ипподром. Двое свободно могут работать, не мешая друг другу.

Только сейчас Лабадзе заметил, что у Лаши очень утомленный и подавленный вид. «Нет, он совсем не похож на счастливого влюбленного, скорее он производит впечатление убитого горем человека», — невольно подумал он. Лабадзе нажал на кнопку звонка и приказал секретарше:

— Вызови Ангию. Пусть отвезет Тархнишвили домой.

Выйдя в приемную, Лаша столкнулся с Дзуку.

— Где ты до сих пор?

Лаша покачал головой и, не останавливаясь, пошел к выходу.

— Ангия ждет вас в коридоре, — сказала ему секретарша.

Дгебуадзе преградил Лаше дорогу.

— Что здесь происходит? — удивился он. — Почему не идешь в мой кабинет? При чем тут Ангия?

— Самсон Несторович разрешил мне взять чертежи на дом.

— На дом? — у Дзуку от изумления глаза не вылезли из орбит.

Схватив Лашу за рукав, он потащил его к своему кабинету.

— Вы помирились? — он понизил голос. — Да зайди наконец ко мне, расскажи, как и что...

Лаша нехотя вошел вслед за Дзуку в кабинет, прижимая к груди рулоны чертежей.

— Да брось ты их на стол! Садись, рассказывай... Значит, помирились? Вернулся, блудный сын? С тебя магарыч!

— Откуда вы взяли? — Лаша пожал плечами.

— Ты же сам сказал — несу чертежи домой!

— Ну да... туда, где я сейчас живу. Что тут непонятного?

Дзуку на мгновение остолбенел, и вдруг его лицо перекосилось от злости. Он посмотрел на Лашу из-под бровей и процедил сквозь зубы:

— А мой кабинет вам не подходит?

— При чем тут кабинет? Просто не хочу работать здесь.

— В моем кабинете, в моем присутствии — не так ли? — Дзуку поднялся с кресла и заходил из угла в угол. — Что тебе от меня нужно, Тархнишвили? Так и будешь без конца мучить меня из-за этого проклятого портсигара? Вернул я его твоему бывшему тестю. Теперь отстанешь? Чего еще хочешь? Скоро из-за тебя мне противно будет приходиться на работу.

— Правда, вернули? — Лаша недоверчиво смотрел на Дзуку.

— Как ты смеешь? Может, мне надо было расписку взять у твоего тестя?

— Бывшего тестя, не забывают; Дзуку Петрович. А если бы и взяли, ничего плохого в этом не было бы. По крайней мере, услугу бы мне оказали.

— Что? Какую еще услугу? — вспыхнул Дгебуадзе.

— А вот такую. Мне смерть как не хочется навещать бывшего тестя. Но придется, чтобы убедиться в

правдивости ваших слов, — Лаша, с трудом сдерживая улыбку, в упор смотрел на побелевшего Дгебуадзе.

— Ты пойдешь к Евтихию и спросишь, вернул ли я портсигар?

— Недаром говорится — доверяй, но проверяй. Этот портсигар камнем лежит у меня на сердце. Должен же я от него освободиться наконец.

— Ну так иди, иди сегодня же вечером! Нет, лучше завтра утром... — Дзуку нервно забарабанил пальцами по столу.

— Значит, портсигар еще у вас?

Дгебуадзе лихорадочно провел рукой по воротнику, поправил галстук и вдруг взорвался:

— Да, у меня. Но сегодня же вечером я избавлюсь от него!

— По правде говоря, я вам не верю.

У Дгебуадзе перехватило дыхание. Он чуть не задохнулся от злости. В совершенной растерянности снова провел рукой по воротнику и вытер платком лицо. Лаша взял над ним верх, и он готов был разорвать его на части. На своем веку Дзуку не раз бывал в разных переделках, но почти всегда выходил сухим из воды, так что порой сам диву давался.

Прямота и настойчивость Лаши сразили его. Он готов был расплакаться от сознания того, что он, бывалый человек, спасовал перед молокососом! Наконец он тяжело поднялся, открыл несгораемый шкаф, вынул оттуда завернутый в бумагу портсигар и бросил на стол.

— Вот, отнеси сам и успокойся...

— Можете не сомневаться, я с удовольствием это сделаю.

Лаша положил портсигар в карман, сунул под мышку чертежи и, видя, что Дгебуадзе сидит к нему спиной, вышел из кабинета, не прощаясь.

Лаша попросил Ангию отвезти его на улицу Палиашвили. У дома Тохадзе машина остановилась.

— Я мигом, только передам кое-что.

— Машина в вашем распоряжении, так сказал шеф.

Лаша быстро взбежал по лестнице и остановился у знакомой двери. Нажал на кнопку звонка и замер в ожидании. «Хотя бы дверь открыл Евтихий или Лола. Совсем не хочется встречаться с Цисаной...»

В это время дверь отворилась. На пороге стояла Цисана.

Нарядно одетая, холеная. Она, по-видимому, куда-то собиралась. «Ну вот!» — с горечью подумал Лаша и спокойно произнес:

— Позови отца. У меня к нему дело.

— Папа! Тут к тебе пришли... — крикнула Цисана и ушла в комнаты, оставив Лашу одного.

Вскоре в коридоре с дубовыми панелями показался Евтихий. При виде Лаши он от неожиданности побледнел.

— Это вам прислал ваш друг Дзуку Дгебуадзе, — Лаша вынул из-за пазухи портсигар и протянул Евтихию.

Евтихий почувствовал страшную боль в затылке. Он прислонился к двери, у него дрожал подбородок. Превозмогая боль, провел рукой по волосам и тихо произнес:

— Небось отнял у него. Сам он никогда бы с ним не расстался.

— Да, я отобрал его и теперь возвращаю вам этот свой долг.

Евтихий взял портсигар, опустил его в карман бархатной куртки и, словно пробудившись от тяжелого сна, взглянул на Лашу с прежней надменностью.

— Мне остается только поблагодарить тебя, — насмешливо произнес он. — Деньги, вырученные за него, будут потрачены на твоего сына.

Лаша не ожидал подобного выпада. Сердце его больно сжалось. «Ах ты, старый козел! Знаешь, как уколоть меня». Он круто повернулся и стал спускаться по лестнице. Но сделав несколько шагов, остановился и оглянулся на стоящего в дверях Евтихия.

— И я, в свою очередь, весьма признателен вам. Ваши слова еще более укрепили мое решение самому воспитывать своего сына.

Евтихий вышел на площадку, очевидно намереваясь ответить ему, но Лаша бегом бросился вниз по лестнице и даже не слышал, возразил ему Евтихий или нет.

Нана Канделаки. Ливень.

Через неделю Матэ и Ладó подвезли Лашу к зданию треста.

Лабадзе тут же принял его. Лаша по достоинству оценил проект, одобрил смелое решение ряда проблем, высказал свои замечания.

— Убежден, что авторы проекта случайно упустили из виду, что современное монументальное сооружение немислимо без вентиляции.

— Упустили?

— Самсон Несторович, они проделали такую громадную работу, что это вполне возможно. Кроме того, они не учли, что здание будет возведено на склоне Мтацминда к востоку от парка Победы, а подъезд к нему — узкая улочка. Но и здесь им можно найти оправдание, поскольку место стройки было утверждено в самый последний момент.

— Из вас вышел бы неплохой юрист. Продолжайте, — Лабадзе закурил.

— Третий и основной, на мой взгляд, недостаток проекта в том, что авторы, увлекшись внешним видом здания, деталями, интерьером, предусмотрев залы, бары и кафе, салоны для творческих встреч, подсобные помещения, библиотеку и так далее, забыли, извините, про туалет.

Лабадзе нахмурился и неожиданно расхохотался.

— Ну, а теперь оправдывай их, давай, начинай... Значит, мокрых точек нет? — Лабадзе продолжал смеяться.

Лаша улыбнулся.

— Есть, только по одной на каждом этаже.

— Когда ты хочешь встретиться с авторами?

— Хоть сегодня.

— Сегодня и завтра я занят... Давай встретимся в будущий вторник.

— Хорошо, во вторник.

— Потом вынесем проект на коллегия, после коллегии его рассмотрит министерство с творческими организациями, затем Совет Министров. И начнем строить.

Лаша стал собирать чертежи со стола.

Лабадзе с улыбкой наблюдал за ним и вдруг спросил:

— Прости меня, но можешь ли ты в двух словах

объяснить, что произошло между тобой и Дзуку в прошлый вторник? Секретарша сказала, что он почти насильно затащил тебя в свой кабинет.

— Да, так и было.

— После твоего ухода ему сделалось плохо с сердцем, скорую помощь вызывали.

— Я дал слово...

— Ну что ж. Слово надо держать.

— Я могу идти, Самсон Несторович?

— Иди...

ГЛАВА ВТОРАЯ

В конце июля Совет Министров утвердил проект Дворца культуры, окончательно доработанный и одобренный всеми инстанциями. Тогда же было принято постановление о начале земляных работ и закладке фундамента в первой декаде сентября.

Молодые авторы проекта решили отметить это радостное событие.

— Посидим где-нибудь, выпьем по стаканчику за нашу первую победу, Самсон Несторович, — предложил Леван.

— Да, да, в саду сейчас будет хорошо, — поддержал друга Дуту.

Лабадзе с улыбкой взглянул на Лашу.

— Заманчивое предложение, что ты скажешь?

— И отказаться неловко.

— Значит, едем! — в один голос воскликнули архитекторы.

Ресторан «Будапешт» оказался переполненным. Все столики заняты, казалось, яблоку негде упасть. Но Дуту тем не менее отыскал в укромном углу свободный столик. Официантка мигом накрыла его, принесла охлажденное вино, и, утолив первый голод, они осмотрелись. За соседним столиком молодые люди удивительно слаженно пели под гитару. Звуки песни доносились и из сада.

— Хорошо поют, — сказал Лабадзе и провозгласил тост за молодежь. — Вы — наше будущее и наша надежда. За вас, Лаша, Леван, Дуту, и в вашем лице за них, что поют сейчас так удивительно, так пронзительно...

— Спасибо, Самсон Несторович, — сказал Лаша, вставая.

Леван и Дуту последовали его примеру.

— Я очень рад вашей победе, — продолжал Лабадзе, — и для меня честь провести этот вечер с вами.

— Спасибо, Самсон Несторович, — поблагодарил Дуту.

— Грузия всегда славилась своими зодчими, и, к счастью, время сохранило творения их рук: Светицховели, Джвари, Метехи, Кватахеви, Гелати, Вардзиа, храм Баграта и многие другие. Но мало гордиться прошлым, надо творить настоящее. Современный человек нуждается в современных сооружениях. Много уже построено, строится и будет выстроено. Вот и ваш проект утвержден. А Лаша Тархнишвили воплотит его в жизнь... Я пью за нашу талантливую молодежь — зодчих, строителей, певцов, художников, врачей, агрономов, писателей — созидателей, славящих наш сегодняшний день! За ваши будущие победы, друзья!

Леван, а за ним Дуту поблагодарили Лабадзе и выпили.

Настала очередь Лаши. Он взял бокал, поднял глаза на Лабадзе и замер в поисках слов, которыми можно было выразить чувство, переполнявшее его сердце.

Вдруг кто-то сзади обнял его за плечи и поцеловал в щеку.

— Рамаз! Какими судьбами? Самсон Несторович, друзья, прошу любить и жаловать — Рамаз Геловани, талантливый молодой художник.

— Простите, что я так бесцеремонно нарушил ваше уединение.

— Садитесь, — Самсон указал на стул, — будьте нашим гостем.

— Большое спасибо, но я пришел к вам с контрпредложением — присоединиться к нам, — Рамаз улыбался.

— Куда ты нас зовешь? — спросил Лаша.

— Слышишь пение? Это Лана празднует день своего рождения. Сегодня 29 июля, ты забыл? Все сливки консерватории здесь. Прошу всех, окажите нам честь. Лаша! Я хочу сделать Лане сюрприз...

— Да, 29 июля, — пробормотал Лаша и поставил бокал на стол.

— Это вы услаждаете наш слух пением? — спросил Лабадзе. — Чей день рождения?

— Сестры моего друга. Его семья в студенческие годы была практически моей второй семьей.

На мгновение Лаша ушел в свои мысли. Совсем недавно он получил от Цисаны письмо, в котором она сообщала, что подала на развод. Он послал письменное согласие в суд, подчеркнув, что оставляет за собой право платить алименты и навещать ребенка. В те дни работа над проектом почти вытеснила мысли об этих судебных формальностях, и сейчас, заговорив о семействе Нацвлишвили, Лаша почувствовал, как они всей своей тяжестью навалились на него.

— Что это за семья? — спросил Лабадзе.

— Профессора Нацвлишвили. Бесариона Нацвлишвили, — ответил Рамаз. — Мы празднуем день рождения его дочери. Прошу всех в сад, на воздух! — Рамаз шел впереди. Они вышли в сад, Рамаз вскочил на первый же свободный стул и громко произнес:

— Лана Бесарионовна, приветствуйте своих гостей!

Танцующие остановились, музыка прервалась. Наступившую тишину прорезал восторженный возглас Ланы:

— Лаша! Друзья, это Лаша Тархнишвили! Рамаз! Поухаживай за гостями. Садитесь, пожалуйста! Лаша, как я рада!

— Спасибо Рамазу! Это он привел нас сюда!

— Рамаз! Душка! — Лана послала ему воздушный поцелуй. Он весь засветился от счастья. — Тамада, мы ждем тоста за вновь пришедших! Это Лаша, инженер-строитель. Гостиница «Мтацминда» — его детище. Его друзья... — она взглянула на Лашу и спросила: — Они тоже строители?

— Дуту и Леван — архитекторы, а Самсон Несто-

рович — наш шеф, управляющий строительным трестом.

— Признайся, Лаша, ты забыл про сегодняшний день?

— Забыл... — он потрепал ее по волосам.

— Перестань, я уже не маленькая. Сегодня девятнадцать исполнилось.

— Я все-таки на десять лет старше.

— Что такое десять лет? Прошу тебя, не говори мне ничего обидного... я сегодня такая счастливая!

— Это все из-за вина, не надо было пить!

— Сегодня день моего рождения как-никак!

— Ты опьянеешь, не пей больше.

— Только один бокал... За твоё здоровье! — она залпом выпила и крикнула: — Давайте песню, мою любимую: «Что за день, тот день, если я тебя не встречу...»

Молодежь затянула песню.

Жалобные звуки гитары, казалось, всколыхнули ночной мрак, затаившийся в глубине сада.

— Как поют... как поют! — в упоении произнесла Лана и без всякого стеснения поцеловала Лашу. — Знаешь, как я счастлива сегодня!

— Почему ты празднуешь день рождения в ресторане?

— В нашем доме сейчас не разгуляешься — панихидное настроение.

Лаша удивленно посмотрел на Лану.

— Гиви и Цисана вчера расписались. Папа был категорически против, а мама тоже заявила, что никогда не примет ее. Вот они и уехали вчера. Видимо, Гиви ждал этого и позаботился обо всем заранее.

— Куда они уехали?

— В Кобулету. Гиви там будет строить гостиницу. Твои лавры не дают ему покоя. Но папа сказал ему вчера, что в сравнении с тобой он — ничто.

— А аспирантура? Диссертация?

— Не знаю, что она с ним сделала. Околдовала, что ли? Кроме нее он ни о ком и ни о чем не думает. Бедные мои родители... А сегодня утром эта каланча, — она кивнула в сторону Рамаза, — заявила к нам с огромным букетом цветов и напомнила им о моем существовании. Папа выдал двести рублей и

сказал, чтобы мы отметили этот день в ресторане, но ты же видишь, этот псих добавил столько же и закатил пир горой. Сумасшедший!

— Рамаз — хороший парень, не говори так о нем.

— Я люблю другого.

— Прекрати валять дурака, а то отшлепаю.

— Ну и отшлепай... отшлепай... отшлепай... — слезы выступили на глазах у Ланы.

— Ты опьянела и не понимаешь, какую чушь несешь.

— Давай встретимся завтра, и я повторю слово в слово.

— Дурочка, не ценишь своего счастья.

— Я люблю другого! — упрямо повторила она.

— Скажи мне, — он перевел разговор на другую тему, словно не слышал ее слов, — Нику они тоже взяли с собой?

— Цисане Тохадзе делать больше нечего, как омрачать свой медовый месяц Никиным писком, — зло бросила Лана и залпом выпила бокал вина.

— Самсон Несторович, не вернуться ли нам к нашему столу? — спросил Лаша, наклонившись к Лабадзе.

Лабадзе украдкой бросил взгляд на Лану. Она сидела, спрятав лицо в ладонях, плечи ее вздрагивали. Лабадзе решительно поднялся. С бокалом в руке он поблагодарил молодежь за внимание и пожелал всем радости и веселья.

— Уходите? Лаша... — Рамаз посмотрел в Ланину сторону и осекся.

Лаша крепко сжал ему руку.

— Надо отвезти ее домой, — сказал он Рамазу.

— Она не уйдет. Тем более сейчас... — Рамаз расстроился вконец.

— Хочешь, открою одну тайну? Женщины не любят, когда с ними цацкаются, им нравятся сильные мужчины. В один прекрасный день она хлопнет дверью перед самым твоим носом, а может и прищемит его. Я пошел, а то меня заждались, — и Лаша направился к залу.

— Ну вот, мы все в сборе, — обрадовался Дуту,

протягивая Лаше полный бокал. — Я хочу провозгласить тост за этот чудесный вечер, за прекрасную компанию, которую мы только что оставили, и, в частности, за прелестную девушку, которую ты почему-то огорчил...

— А у меня другое предложение, — прервал его Лаша. — Я предлагаю выпить за Самсона Несторовича. Мы все годимся ему в сыновья, а он весь вечер провел с нами... как с равными, и в том, что этот вечер удался, большая его заслуга. Выпьем за настоящего человека, знающего толк во всем — и в деле, и в радости.

Молодые люди дружно встали и подняли свои бокалы.

— Самсон Несторович, ваше здоровье! Многое можно было бы добавить к словам Лаши — вы столько хороших дел сделали и продолжаете делать. Об одном хочу вас предупредить. Не удивляйтесь, если вот он, — и Дуту указал на Лашу, — в один прекрасный день станет нашим начальником. Он инженер — первый класс!

— Дай бог! — Лабадзе, смеясь, поцеловал Лашу.

Тот с упреком посмотрел на вконец захмелевшего Дуту и залпом осушил свой бокал.

Лаша провел беспокойную ночь. Стоило ему закрыть глаза, как перед ним возникал Ника.

С первыми лучами солнца он поднялся и, не завтракая, отправился на винный завод, где работал Бежан.

Рабочий день еще не начался, и он стал ждать у ворот.

Наконец показались белые «Жигули» Бежана.

Едва успев затормозить, Бежан выскочил из машины.

— Ты с ума сошел? Чего под колеса лезешь?

— От радости, что наконец увидел тебя....

— Что ты здесь делаешь?

— Жду тебя.

— Цисана вышла замуж, слышал?

— Это меня не касается. Где Ника?

— В Шови с мамой. Она тяжело пережила ваш развод. Ты же знаешь, она тебя любила и уважала.

— Новый зять гораздо лучше меня, привыкнет и его полюбит, — ответил Лаша, озираясь по сторонам. Увидев свободное такси, он взмахом руки остановил его и уехал, оставив опешившего Бежана в полном недоумении.

Лаша остановил такси у здания треста. Лабадзе просматривал бумаги, что-то отмечал карандашом в календаре. Как только Лаша вошел в кабинет, он отодвинул в сторону все папки и бумаги.

— Хочешь сегодня же начать комплектование бригад? — спросил он Лашу.

— Во всяком случае прошу не забыть ни одного из моих прежних бригадиров. Но я не за тем пришел. Отпустите меня на три дня. Мне надо съездить в Шови.

— А что там?

— Там мой сын. Хочу повидать его.

— Ангия отвезет тебя, — Лабадзе нажал на кнопку звонка.

— Что вы, Самсон Несторович!

В кабинет вошла секретарша.

— Хатуна, скажи Ангии, пусть подготовит машину. Отвезет Тархнишвили в Шови.

— Как мне отблагодарить вас за все, Самсон Несторович...

Лабадзе махнул рукой.

— Квартиру пока не смог тебе дать... Так за что же благодарить?..

— Начнем строительство, устрою себе что-то вроде бытовки.

— Скромность, правда, красит человека, но не всегда, — улыбнулся Лабадзе.

Через полчаса черная «Волга» Лабадзе неслась по пригороду Тбилиси. Тут Лаша вспомнил, что едет к сыну с пустыми руками. Он попросил Ангию вернуться и подъехать к центральному универмагу.

— Хотя бы мяч куплю ребенку...

— Там заместителем директора моя землячка работает, она поможет нам, — Ангия с радостью готов был услужить Лаше.

— Мяч — прекрасный подарок, — живо откликну-

лашь заместитель директора на Лашину просьбу, — тем более, только что завезли мячи ленинградского производства. А сколько лет мальчику?

— Три года.

— Тогда я могу предложить детский плащ.

— Но мне нужен еще один — для восьмилетнего мальчика, — Лаша вспомнил о Зурии, — и мяча тоже два.

— У нас есть и женские плащи чешского производства... Возьмите для супруги, они сейчас в большой моде. Какой размер она носит? — деловито осведомилась заместительница.

Лаша словно язык проглотил. С недоумением посмотрел на Ангию, потом на его землячку. И вдруг вспомнил Даману, стройную, смеющуюся...

— Она выше вас и, пожалуй, тоньше, — смущенно проговорил он.

— Значит, сорок шестой, — улыбаясь Лаше, заместительница директора вызвала по селектору заведующего секцией, который не заставил себя ждать. — Завсекцией проводит вас и поможет выбрать товар.

— Большое спасибо, — Лаша пожал ей руку.

Через полчаса, нагруженные покупками, они были уже в кондитерской, где покупали конфеты «Птичье молоко».

Когда подъезжали к Игоэти, Лаша, смущаясь, сказал:

— Извини меня, Ангия, но у меня к тебе еще одна просьба. Заедем в Кавтисхеви. Это тут же, после Каспи.

— Я хорошо знаю эти места. У меня друг отсюда. Сказали бы раньше, поехали бы через Дзегви, это гораздо ближе. Но мы же никуда не спешим, правда? — и Ангия свернул на Каспи.

— В Кавтисхеви у меня почти что родственники живут... Часть подарков для них предназначена.

— Я недавно там на свадьбе гулял. Красивое село.

— Да, очень красивое. И богатое, — подтвердил Лаша.

Они въехали в деревню, и вскоре машина остановилась у ворот усадьбы Мелано. Лаша подошел к забору и заглянул во двор. Зурия лежал в траве — играл со щенком. Вдруг, как если бы кто-то позвал:

его, он приподнялся и посмотрел в сторону ворот. Увидев Лашу, замер на мгновение и, тут же забыв о щенке, с криком бросился к нему.

На крик прибежали перепуганные соседи. А Зуриа, обхватив Лашу за пояс, прижался к нему лицом, твердя: «Это вы? Это вы?». Лаша с трудом оторвал его от себя, поднял на руки, поцеловал.

— Где мама?

— На работе. Сейчас сбегаю за ней.

Подошли соседки.

— Мальчик только о вас и говорит...

— Вот радость для Зурии, — смеялись женщины.

— Не ходи. Мы уже послали за матерью.

И действительно, вскоре появилась Мелано. Она запыхалась от быстрой ходьбы, лицо выражало нескрываемую радость.

— Вот не ждали... Кабы знала, что приедете сегодня, шагу со двора не ступила бы... Сейчас на стол накрою, покормлю... Зуриа, сбегай за водой.

— К роднику? — Зуриа взялся за кувшины.

— Конечно, к роднику, — поддержали его соседки. Они удовлетворили свое любопытство и теперь расходились по домам.

— Нет, нет, мы спешим. Как-нибудь в другой раз еще навестим вас... Я тут кое-что привез... может, понравится...

— Хотя бы фрукты попробуйте, персики, сливы. Зуриа, возьми плетеную корзину и в сад! — распорядилась Мелано, покрывая стол белой скатертью.

— Фрукты здесь замечательные! — заметил Ангия.

— Зури! Ты что стоишь, как обалделый?! — крикнула Мелано сыну.

— Куда идти, не пойму, за водой или за фруктами? — Зуриа был растерян.

Все рассмеялись.

— Ладно уж, я схожу в сад, а за водой пошлю кого-нибудь; тебя, я же знаю, силком отсюда не уведешь, — Мелано взяла плетеную корзину, — а ты посмотри, что тебе привез твой дядя Лаша, и не забудь поблагодарить... Подумать только, как он уста-

вился на вас, словно на икону какую-нибудь, ^{клянусь,} он и не слышит меня. — Мелано со смехом ^{потрепа-} ла сына по волосам. ³⁰⁴¹³⁵³⁴⁰
³⁰²³⁰¹⁰³³³

— Посмотри, Зуриа, что я тебе привез, если не понравится, заберу обратно, — Лаша подтолкнул его к свертку и вместе с ним стал раскрывать его.

— Мяч! А это... плащ! Мама, я видел такой в журнале! — Зуриа быстро натянул на себя плащ. — Можно я надую мяч? — и, не дождавшись ответа, стал надувать его.

— погоди, Зуриа. Ты с этим не справишься. У дяди Ангии есть ручной насос. Он в два счета тебе надует.

— Пошли, — сказал Ангия, увлекая мальчика к машине.

— Сними плащ, Зуриа, а то тебя засмеют, оденешь в дождь! — крикнула Мелано.

— А это вам, Мелано, — Лаша протянул ей кашемировую шаль.

Мелано всплеснула руками, покраснела.

— Это уж совсем лишнее.

— Зимой пригодится. Носите на здоровье. Это вот Дамане передайте, — Лаша почему-то понизил голос.

— Горе мне! Она сегодня утром уехала!

— Куда?

— В Тбилиси. Поехала послушать какого-то пианиста. Говорят, на гастроли приехал... Надо же было ей именно сегодня уехать, сколько времени она о Тбилиси и слышать не хотела...

— Ну, передадите, когда приедет. А нам пора. В Шови еду, к сыну.

— Как же я отпущу вас так? — огорчилась Мелано.

— Мы возьмем с собой персики.

— И свежий хлеб. Вчера испекла.

Мелано завернула в белую бумагу хлеб, большой кусок сыру, потом спустилась в сад, собрала персики и сливы и сложила все на заднем сиденье машины.

— Приезжайте, дядя Лаша! — крикнул Зуриа, когда машина тронулась. Он махал машине вслед до тех пор, пока она не скрылась, а потом, прижавшись к матери, разрыдался.

До самого Цхинвали Лаша не произнес ни слова.

Ангия тоже притих.

«Может, оно и к лучшему, что я не застал Даману. Вряд ли я решился бы подарить ей плащ. Скорее всего не подарил бы. Наверняка! И вообще что за идея — покупать ей плащ?!». Как она меня спросила, эта заместитель директора: «Какой размер носит ваша жена?» А я непонятно почему вспомнил вдруг Даману...» Неожиданно им овладело какое-то странное волнение.

«Дамана, Дамана...» — мысленно повторял он и, закрыв глаза, вызвал в памяти ее образ, чувствуя при этом, как теплая волна радости переполняет его.

«Когда это началось? Когда...»

Нет, он никогда не заглядывался на Даману. Ему, правда, нравился ее взгляд испуганной газели, но Дамана беззаветно любила Гиви, и это было для него свято.

Он хорошо помнил тот вечер — день рождения Ланы, когда она попросила его: «Уведи меня отсюда».

Она ушла, оскорбленная, без кровинки в лице. Даже не позволила проводить себя. «Он сказал, что не любит меня», — Лаша как будто слышал ее голос. Пытался думать о другом, но не мог. Убеждал себя, что главное для него сейчас получить квартиру и забрать к себе Нику. Но мысли упорно возвращались к Дамане.

У заправочной станции они остановились. Ангия залил бак, протер тряпкой лобовое стекло.

— Здесь на редкость красивые места, — сказал он, садясь в машину. — После Джава вдоль реки сплошные леса. А дальше будем подниматься все выше и выше в горы, вплоть до альпийских лугов. Источники на каждом шагу. Вода такая студеная, зубы ноют.

В селе Эрцо их застал проливной дождь. Они находились уже на высоте 1800 метров над уровнем моря. Неожиданно поднялся ветер и сразу похолодало.

— Поднять стекла, Лаша Симонович?

— Нет, нет! Наконец-то стало прохладно! А горы как будто коврами устланы.

— Альпийская зона. Здесь сплошь такие места.

Когда они спускались к Кваиси, из-за облаков

неожиданно выглянуло солнце и как будто распугало их. Небо вмиг очистилось, и на изумрудном его фоне засияла пышная радуга.

— Смотрите, радуга! — восторженно воскликнул Ангя.

— Действительно, чудо! Красота!

Ангя остановил машину, выскочил из нее и протянул руки к радуге.

— Что ты делаешь? — Лаша не мог сдержать улыбки.

— Если задумать желание, дотянуться рукой до радуги, оно обязательно исполнится! Разве вы не слышали об этом народном поверье? — Ангя смеялся как ребенок. — Выходите, дождь уже прошел.

Дождь действительно прекратился.

Воздух был чист и прозрачен. Радуга медленно таяла у них на глазах.

— Выходит, наши с тобой желания должны исполниться? — Лаша тоже протянул руки к небу. Он знал, что все это шутка, и все же подумал о Нике.

— Вы дотронулись до нее! — смеялся Ангя. — Я видел, вы дотронулись!

— И ты тоже?

— И я, конечно!

— Выходит, нас ждет большое счастье?

— Конечно! Смотрите, какая красавица, она не всегда появляется после дождя...

— Да, редкое зрелище... Далеко до Шови?

— Не очень... час езды.

Лаша взглянул на небо. Радуга растаяла, но счастливое волнение не покидало его и в ушах все еще звенел смех Ангя.

В Шови они приехали после полудня.

Стояла ясная, солнечная погода.

Воздух был насыщен ароматом хвои, дышалось легко, высота совсем не ощущалась.

Ника сидел с Лолой на лавочке в сосновой аллее.

Лаша вышел из машины.

— Ника! Ника-а! — он бежал как юноша.

Мальчик замер, услышав знакомый голос, и вдруг, с криком соскочив со скамейки, бросился навстречу отцу, обхватил его ноги и прижался к ним.

Лаша поднял сына на руки.

Лола стояла как статуя, молча глотая слезы.

— А где мамочка? — встрепенулся мальчик и посмотрел в сторону машины. — Мамочка не приехала?

Лаша растерялся.

— Мамочке некогда, — только и смог выговорить он.

— Это твоя машина?

— Нет, это дядина машина.

— Можно я сяду в нее?

— Конечно, — Лаша опустил мальчика на землю, и он бегом пустился к машине.

Лола, глядя вслед внуку, утерла платком слезы.

— Хорошо, что ты приехал, — пробормотала она. — Вот уже два дня, как он только о тебе и спрашивает. Кто бы мог подумать, что все так обернется...

Лаша ничего не ответил. Потом спросил:

— Сколько времени вы пробудете здесь?

— До середины августа, наверное. Потом хочу съездить к сестре в Чохатаури. Бежан отвезет нас.

Услышав имя Бежана, Ника закапризничал.

— Не хочу Бежана, не хочу, я папочку хочу... — он прижался лицом к Лашиным коленям.

— Что ты делаешь, Ника? Брюки грязные, а ты... — Лаша взял его на руки. — Посмотри, что я привез тебе из Тбилиси.

— Что, папочка?

— Давай вместе раскроем и посмотрим...

— Мячик! Красный мячик! Бабуля, посмотри... — Ника был в восторге.

Лаша вытащил сверток с плащом. «О мамочке спрашивал... Любит свою мать. Ничего удивительного, каждый ребенок любит мать. Но Цисана... как она могла уехать, не повидав его?! И не вспомнила о нем. Никто ей не нужен, кроме Гиви, никто, даже сын».

Лаша развернул плащ.

— А ну-ка примерь. Посмотрим, впору ли.

— Ой, у меня есть уже такой! Бабуля, смотри, что мне папочка купил. Когда тот плащ намокнет, я буду надевать этот.

Лаша помог мальчику надеть плащ, и тот вытянулся перед бабушкой.

— Этот тебе больше подходит, детка, — сказала она, — а тот плащ мы кому-нибудь подарим.

— Да выбрось его, — распорядился Ника и, держа под мышкой мяч, решительно направился по аллее к корпусу.

— Он очень возбужден. Соскучился по тебе. Надеюсь, ты останешься на ночь?

— Придется переночевать, Ангия устал.

— Твоя машина?

— Нет, моего управляющего.

— В машине вы замерзнете, надо попросить директора, он устроит вас.

— Мы так и сделаем.

— Не хочешь взглянуть, как мы живем? Отдохните немного у нас.

— Вы идите, Лаша Симонович, а я тут повожусь с машиной и заодно место подыщу для стоянки.

— Через полчаса я буду здесь, Ангия, никуда не уходи.

Лаша вынул из машины сумку с фруктами, коробку с конфетами и последовал за Лолой.

На фасадной стене корпуса он увидел мемориальную доску:

«Строил архитектор И. Колчин.
1924-27»

Лаша отступил на шаг и оглядел здание. В памяти невольно всплыло фото из журнала, изображавшее один из уголков высокогорного курорта в Швейцарии.

«Да, хороший был архитектор... Настоящий памятник воздвиг себе в Шови. Это и есть признание — когда детищем твоих рук любят потомки». Лаша бросил взгляд на соседнее строение, примитивное, типовое. И снова — на творение Колчина. «Для таких мест, как Шови, редких по своей красоте, надо создавать специальные проекты, чтобы строения гармонически вписывались в природный ансамбль... и не уродовали естественной красоты...»

Голос Ники вывел его из задумчивости.

— Папа, поднимайся, бабуля зовет...

Лаша взбежал по широкой каменной лестнице, поздоровался с группой отдыхающих, с любопытством взиравших на него, и вслед за Никой вошел в комнату.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Лаша явился в трест на другой же день после приезда из Шови.

— Самсон Несторович, с первого сентября собираемся начинать земляные работы.

— Давай, начинай.

— Сейчас загляну в плановый отдел. Посмотрю, все ли они приготовили.

— Не души их, они свое дело делают.

Начальника планового отдела на месте не оказалось, но главный калькулятор отдела сказала, что все расчеты произведены и дело теперь за техническим отделом.

В коридоре Лаша столкнулся с Дгебуадзе. Оба замешкались.

— Как здоровье? — наконец прервал молчание Лаша.

Дгебуадзе с недоумением взглянул на него.

— Тот день не прошел для меня даром, — Дзуку пригласил Лашу в кабинет. — Мне плевать на этот портсигар. Но...

— Не будем об этом вспоминать, — успокоил его Лаша.

— А я думал, ты скажешь обо всем Лабадзе. Он бы мне этого не простил. Такой уж человек — сам не ест и другим не дает.

— Хороший он человек.

— Я знаю, ты уважаешь его.

Они помолчали.

— Ты сам отнес портсигар Евтихию? — спросил

Дзуку.

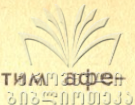
— Конечно.

— И что он сказал?

— Он был неприятно поражен.

Дзуку раздавил сигарету в пепельнице.

— Теперь у меня нет ничего общего с этим аферистом.

Лаша еле сдержал улыбку. Молча встал и направился к двери.

— Надеюсь, ты никому об этом...

Лаша кивнул и вышел из кабинета. Настроение было безнадежно испорчено.

Погруженный в свои мысли, Лаша не спеша шел к площади Ленина. Вдруг кто-то окликнул его. Он обернулся и лицом к лицу столкнулся с Ланой.

— Куда ты?

— Домой.

— А где этот твой дом?

— Там, где я живу. Дом моего друга.

— Ты все еще веришь в дружбу?

— Да.

В это время подошел Рамаз.

— Лаша, мы приглашаем тебя на концерт органной музыки, — Рамаз преданно посмотрел на Лану.

— Спасибо. Но сегодня я что-то не настроен слушать музыку. Да и одет не для концерта.

— Ты же любишь орган, — обиженно протянула Лана, — и твой наряд тут ни при чем.

— Меня ждут...

— Пойдем, Лаша, — подал голос и Рамаз.—Органист из Германии!

— А хоть с луны, не пойду.

— Не пойдешь и не надо, — взорвалась Лана. — Тебе, видимо, на роду написано жить бобылем. Гиви уже строит новую гостиницу! Цисана стала солисткой Аджарской филармонии, и первого октября у нее концерт в Батуми. А ты скитайся по чужим углам и лопайся с досады! Ты недостойн любви! И потому твой ближайший друг увел у тебя из-под носа жену, — Лана разрыдалась.

— Рамаз, немедленно уведи ее! Еще одна подобная сцена, и вам обоим не поздоровится! — Разорвав кольцо любопытных, Лаша быстрым шагом пошел прочь.

— Лаша! Лаша! — он слышал, как, надрываясь,

звала его Лана, но даже не повернул головы и, ускори́в шаг, растворился в толпе гуляющих.

Первого сентября, как и предполагалось, на строительной площадке взревели бульдозеры.

Земляные работы были закончены на два дня раньше срока, и сразу же приступили к закладке фундамента.

Подъемный кран, на котором должен был работать Матэ, смонтировали за три дня и в конце сентября начали возводить стены будущего здания.

Лаша поздравил всех с этим знаменательным событием.

— Сегодня для нас особый день! Но я, конечно, собрал вас не только ради этого. У меня есть предложение превратить нашу стройку в очаг культуры строительных работ. Пусть она будет похожа на ухоженный дом, у которого есть заботливая хозяйка. Никакого мусора на строительной площадке. Все работы — на высоком уровне. Работаем без потерь! И еще: вызовем на соцсоревнование все строительные объекты города!

На мгновение воцарилась мертвая тишина. И вдруг за спинами собравшихся раздался громкий возглас:

— Да здравствуют строители Дворца культуры!

Все как один обернулись. Возле голубых «Жигулей», размахивая шапками, стояли авторы проекта — Леван и Дуту.

— Это ты здорово придумал, — Дуту поцеловал Лашу.

— Любое дело надо делать добротнo! — отозвался Леван.

— Да, да, пусть наша стройка будет похожа на заботливо ухоженное жилище, — присоединил к остальным свой голос и Ладó Угрехелидзе.

— Каждая стройка начинается с таких благих намерений, а потом все идет самотеком, — усмехнулся молодой рабочий, стоявший рядом с Матэ.

— Здесь этого не будет, — строго ответил Матэ. — Ты, верно, не знаешь Лашу Тархнишвили.

— Он что, с другой планеты?
— А ты говори, да не заговаривайся! Сам уви-
дишь, — спокойно ответил Матэ, подошел к крану,
поднялся в кабину.

Тишину прорезал шум мотора, и через мгновение в воздухе поплыл первый симкар.

На стройке начался обычный рабочий день.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Сентябрь подходил к концу, но дни все еще стояли погожие. Воздух был по-летнему прозрачен, только небо казалось пустынным. Птицы улетели в теплые края, и лишь изредка запоздалые стаи проплывали в синеве.

Краски осени вкрались в городской пейзаж, но солнце было по-прежнему щедрым.

На редкость мягкая осень как нельзя более была на руку строителям. Они прикладывали все усилия, чтобы график работ и взятые обязательства неукоснительно выполнялись.

На территории строительства царил безукоризненный порядок. Не проходило и дня, чтобы за опытом сюда не приходили представители других строительных объектов города.

Гости пожимали плечами, удивленно переглядывались.

— Как вам удалось добиться этого? Стройка — такой сложный организм, не семья же какая-нибудь!

— В том-то и дело, что семья! Мы проводим здесь целый день. А в пыли, грязи и неразберихе какое удовольствие от работы?! Да и польза какая? Следовательно — нужен порядок!

— Сколько людей на стройке — столько характеров, как тут с каждым договориться?

— А мы упрямец не задерживаем. Не хотят подчиняться правилам, принятым коллективом, — скатертью дорожка. Нам некогда упрашивать да уговаривать.

— Все начинается с дисциплины! И вот в этом ме-

сяце мы, кажется, первые среди городских строителей, — с гордостью сообщил Угрехелидзе.

В это время из конторы позвали Лашу — звонил Лабадзе, просил срочно прийти.

Лаша взглянул на часы. Он хотел присутствовать при возведении первой стены на склоне Мтацминды. Часы показывали три. «Успею вернуться», — подумал он и крикнул шофера.

Лабадзе был бледен и не на шутку взволнован.

— Что-нибудь случилось, Самсон Несторович? Вам нехорошо?

— Хатуна дала мне валидол. Сейчас полегчает, — с натугой произнес Самсон Несторович.

— Посидите спокойно, и все пройдет, — успокоил его Лаша.

Лабадзе откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. Немного погодя он сказал:

— Дгебуадзе арестован! Часа два назад явились сюда. Открыли его стол, сейф. Три сберкнижки нашли. А дома, оказывается, еще пять. В ящике стола — пачки денег. А ведь все время плакался. Дача во Мцхета — настоящий дворец — оформлена на имя свояченицы. Машина... У кого сейчас нет машины! Но он и это скрывал. Прибеднялся... Слепец, слепец я, Лаша! Как я ошибся в нем!

Лаша молча слушал потрясенного Лабадзе.

— Я вижу, тебе не интересно, откуда у него такое богатство? Он, оказывается, продавал справки...

— Какие справки?

— О трудовом стаже. Дзуку выдавал их за приличную мзду. Ты знал об этом?

— Нет, об этом я не знал. Но лично меня он принял на работу в трест за взятку.

— Что ты сказал?..

— Дзуку получил за меня взятку.

— А я-то думал — ты человек порядочный, — Лабадзе расстегнул ворот рубахи.

— Так уж случилось. Только потом, узнав об этом, я отобрал у Дзуку эту вещь и вернул хозяину.

— Как, он и вещами брал? — глаза у Лабадзе расширились.

— За услугу, оказанную моему бывшему тестю то есть за мое трудоустройство, он получил от него золотой портсигар.

— Почему ты скрыл от меня это?

— Я решил, раз инцидент исчерпан... И потом я обещал ему ничего не говорить вам...

— А я-то думал...

— Виноват, Самсон Несторович.

— Выходит, я ничего не понимаю в людях... Теперь бегай по судам, оправдывайся...

— А вы при чем? Это же он подписывал справки?

— Ну нет. Не так просто обстоят дела. На то и начальник, чтобы быть за все в ответе. Кстати, в пяти справках фигурирует твой бывший объект — гостиница. А всего таких справок выдано сто тридцать три.

— Значит, сто тридцать третья и погубила беднягу Дзуку? — Лаша засмеялся.

— Ты еще можешь смеяться?

— Но ведь хорошо, что этого Дзуку разоблачили?!

— Как ты наивен, Лаша. Многие ведь уходят от ответа. Но гораздо хуже то, что я теряю доверие к людям. Это страшно...

— У зла руки коротки. Вы ведь убедились в этом на примере Дгебуадзе.

— И все же я переживаю... Я ведь доверял ему... Лаша посмотрел на часы.

— Я, пожалуй, пойду. У меня еще дела...

— Иди... — буркнул Лабадзе. Но только Лаша взялся за ручку двери, как он остановил его. — Эта история с Дзуку совсем выбила меня из колеи! Обо всем остальном позабыл! Беги сейчас же в исполком за ордером на квартиру.

Не помня себя от радости, Лаша бросился к Лабадзе, пожал ему руку.

— Самсон Несторович! Я не знаю, как благодарить вас! Правда, не знаю!

— Потом поговорим. Когда новоселье будешь справлять.

Лаша получил ключ от квартиры, и друзья решили поздравить его. Леван и Дуту купили шампанское, пирожные, Матэ захватил из дому вареную курицу, огурцы, помидоры, Ладо — хлеб, соль, зелень и несколько

ко тарелок. Вся компания со смехом и прибаутками ввалилась в новую квартиру.

Матэ наспех разложил угощение на подоконнике в кухне, разлил шампанское по стаканам.

— Мир этому дому! — Дуту первым поднял свой стакан.

— А место какое! Багеби! Ты, брат, как на курорте! — воскликнул Леван.

— Чтобы эти стены поскорее услышали Никин смех, — пожелал Матэ.

— И увидели хорошую, заботливую хозяйку, — поставил точку Ладо.

Дуту затынул «Мравалжамиэр», остальные подхватили...

Лаша украдкой разглядывал свою квартиру. «Эх, поскорее бы сюда Нику». И тут же подумал о Дамане: «Поеду к ней и скажу...»

Друзья и не заметили, как распили все шампанское.

— Ребята, пора расходиться, уже десять, — сказал вдруг Леван.

— У меня еще один тост: выпьем за этот сентябрь, он был счастливым для нас, — Дуту явно не хотелось уходить.

— За вас, друзья! — Лаша поднял свой стакан. — Спасибо вам за все.

— А ты с нами не едешь? — засмеялся Дуту. — Прости, но где и на что ты ляжешь?

— Видишь этот узел? Это моя постель. Я купил сегодня все необходимое.

— Что, я скажу Санате, что ты лег на голый пол? — Матэ был в растерянности.

— Ничего с ним не будет, — махнул рукой Дуту, — на дворе тепло, а эта ночь как-никак первая в новом доме.

— Дуту прав, — поддержал его Ладо, — все-таки ночь под собственным кровом что-нибудь да значит. Разве он уйдет отсюда?!

— Слышите, дождь пошел, — Матэ превратился в слух.

— Разве твоя машина протекает? — Дуту прищурил глаза.

— Ну уж нет, она у меня новенькая.

— Ну так и моя не течет, и волноваться незачем.

— Вот и кончилось лето!

— Езжайте осторожно, — предупредил Лаша.

— Ты думаешь, мы пьяны?

— Есть ехать осторожно! — Дуту вытянулся перед Лашей, повернулся кругом, щелкнул каблуками и широким шагом направился к двери. — За мной, ребята!

Лаша остался один. «Завтра первое октября. Цисана дает сольный концерт в Батуми», — неожиданно вспомнил он и разозлился на себя за это.

Он еще раз прошелся по комнатам, вышел в лоджию, проверил в ванной краны. Ему все еще не верилось, что это его квартира.

За окном лил дождь. Лаша открыл все окна. После дневной жары ночная прохлада была особенно приятна. Он прибрал на кухне, завернул в газету остатки еды и аккуратно сложил в углу в коридоре вместе с пустыми бутылками. «Утром вынесу», — решил про себя.

Только он расстелил в лоджии на полу постель, как послышался стук в дверь.

«Забыли что-то», — подумал он и пошел открывать.

Перед ним стоял незнакомый человек.

— Вы Лаша Тархнишвили?

— Да, заходите, пожалуйста.

— Нет, уже поздно... Я с трудом отыскал вас. У меня письмо для вас, — молодой человек круто повернулся и стал спускаться по лестнице.

Лаша вскрыл конверт.

«Дорогой Лаша! Хотела прийти к тебе, но не смогла. Решила написать. Сегодня я вышла замуж за Гулбата Чивадзе, врача, который спас меня. Я догадывалась о твоих планах. Поверь, о лучшем я и мечтать не могла, но их тени всегда стояли бы между нами, и, кто знает, не обратилась бы наша совместная жизнь в сплошную муку. Ты достоин большой любви, я верю, найдешь ее. Вечно помнящая и уважающая тебя Дамана».

Лаша несколько раз перечел письмо. От прежнего радостного настроения не осталось и следа. Он подошел к окну и долго смотрел на улицу. Затем принялся ходить из угла в угол по пустой квартире.

Шел дождь. Он стучался в окна и спугивал сон. Лаша так и не сомкнул глаз в ту ночь.

Утром он принял душ, наспех проглотил ломтик хлеба с сыром и отправился на работу.

По-прежнему шел дождь, но было тепло, и Лаша с удовольствием подставлял лицо каплям.

У ворот его встретил сторож.

— Вас в кабинете шурин дожидается. Он с ребенком, я его и впустил, не мокнуть же им под дождем.

Лаша остолбенел.

«Бежан? В такую рань, да еще с ребенком?»

Он бегом пересек двор и влетел в свой кабинет.

У окна стояли Бежан и Ника.

— Папа, папочка! — мальчик бросился к Лаше. Тот поднял его на руки, прижал к груди. Бежан стоял, опустив голову.

— Что привело тебя в такую рань?

— Несчастье, Лаша, большое несчастье...

Лаша, широко раскрыв глаза, смотрел на Бежана.

— Что случилось?

— Мама и Цисана погибли...

— Погибли? Как? Когда?

— Утонули. Сегодня у Цисаны должен был быть сольный концерт в Батуми. Мама с папой вылетели вчера, а я собирался сегодня...

— Дальше?

— Они были на репетиции, потом пообедали в ресторане и вышли на берег моря. Цисана захотела покататься на лодке. Папа и Гиви остались на берегу, они немножко выпили, и мама боялась, как бы их не укачало в лодке. Это, наверное, рок — иначе что толкнуло ее перед самым концертом сесть в лодку, — Бежан и не пытался сдерживать слезы, — они заплыли не очень далеко. Вдруг откуда ни возьмись — моторка. Летела как пуля, сказал Гиви. Цисана, видимо, растерялась, короче, они столкнулись...

Лаша стоял перед ним как оглушенный, и в его памяти невольно всплыла картина: Цисана и Дамана в лодке безуспешно борются с веслами. Лодку уносит от берега, но вместо того чтобы позвать на помощь, они весело смеются.

Ему было бесконечно жаль обеих. Он взглянул на сына, который что-то бормотал про себя, прижавшись к его груди. «Надо вызвать маму...» — промелькнуло в мыслях, и он тут же с грустью подумал: «Я сам к ним собирался, а теперь, видимо, старикам придется сниматься с места...»

— Вчера ночью позвонил Гиви... — продолжал Бежан. — Папа в больнице. Он мне сказал, чтобы я отвел Нику к тебе. У моей жены сейчас дел будет по горло. Я отсюда—прямо на аэродром.

— Ника останется со мной навсегда, понял? Я и так собирался взять его к себе.

Бежан опустил голову.

— Мальчик нам не помешает, ты это знай, но ты ни за что не уступай его. Ника—твой сын и должен жить с тобой. Я знаю, отец сделает все, чтобы вернуть его, но ты держись... — с этими словами он выскочил из комнаты.

Лаша осторожно опустил Нику на пол, погладил его по голове.

— Папочка, я хочу к тебе... — мальчик был бледен. Лаша присел на корточки, и он прижался к нему щекой. — Я хочу быть с тобой всегда.

Он был еще очень мал, чтобы понять, какая беда разразилась над ним, что он больше никогда не увидит маму и бабушку, которых любил больше всех на свете, но разговоры и слезы старших пугали и настораживали его, и мальчик подсознательно чувствовал, что отец — единственная его защита и опора.

В горле у Лаши застрял ком. Он распахнул окно настежь. Из-за туч проглядывало солнце.

Он вспомнил радугу на шовской дороге и слова Ангии: «Если дотронуться до радуги, исполнится твое желание»...

●

О святая Природа, мой тотем!
Я твой раб до конца своих дней.
Одинокая ветка, я родом
Из твоих наболевших корней.
В свою крону прими, твоя воля!
Разветвлюсь и листвою обросту,
Все печали твои обезболю,
Буду холить твою красоту.
Диких засух суровая жрица,
Дивных ливней нежнейшая мать!
Подскажи, как опять научиться
С полуслова тебя понимать.
Возлюби и прими в свое лоно, —
Из веков призываю в мольбе
Дни, которые так неуклонно,
Так умело служили тебе.
О богиня-Природа, ты птица!
Я лишь твой неразумный птенец.
Как мне выше летать научиться,
Над собою взлететь, наконец?
Как бежать в голубые апрели
От бетонных домов и оград,
Чтоб деревья внизу шелестели
Про счастливый ухоженный сад?
Укрепи мою душу, как крылья,
В этот век, непонятный, как сон,
Дай мне горстку сегодняшней пыли
Донести до грядущих времен.

●

Д. Бедианидзе

Освобождаю поля от границ и оград.
Освобождаю сегодня навеки
Лес от корней, а потом от садовника сад.

Освобождаю теперь на пути все подряд
От берегов утомленные реки.
Освобождаю от времени ночи и дни,
Освобождаю разлуку от боли,
От постоянства любовь и от окон огни, —
Пусть, где им нравится, светят ночами они.
Всех отпускаю сегодня на волю!
Освобождаю от звездного неба луну,
Освобождаю звезду от созвездья,
Ветер от бури, от вечных волнений волну,
От неподвижности сон и от сна тишину,
Освобождаю вину от возмездья.
Освобождаю от мастера кисть и резец, —
Пусть испытают безмерной свободы,
Каждый из них, как еще неумелый творец,
Станет сначала учиться всему, наконец,
Только у мудрой искусной природы.
Освобождаю от хищности волка и льва,
От очередности зиму и лето,
От одиночества Солнце, пусть будет их два.
Всем возвращаю долги и бывшие права,
Все отменяю табу и запреты.
Освобождаю весь мир и надеюсь на чудо.
Радуюсь, каюсь, боюсь и не знаю, как буду
Жить в этом хаосе и наважденье,
Но продолжаю освобожденье.

Время скитается в тихом бреду,
Ночи и дни табунами гоня.
Я не скрываюсь, я весь на виду, —
Что же вы ищете вечно меня?
Видите ясно: я рядом, я ваш, —
Что же вы где-то в другой стороне
Ждете меня, как в пустыне мираж?
Что же вы ищете вечно во мне?
Всё обыскав — от любви до стихов.
Ищете нечто, что мне не под стать,
Сколько опасных заслуг и грехов
Вы сговорились во мне отыскать?
Женщины жаждут упорнее всех
Вызвать меня на безжалостный суд:
В письмах мой почерк, при встрече мой смех

Ищут, исследуют, опознают.
Всё перебрав — от печальных потерь
До беззаботных счастливых часов,
Вы уже рветесь в закрытую дверь,
Не замечая тяжелый засов.
Кто-то из тени на солнечный свет,
Взяв меня за руку, смело ведет, —
Но ведь меня еще, может быть, нет,
Или я есть, но, возможно, не тот!
Я не гордец, я признаться готов,
Кто я, куда я иду, для чего,
Но среди тысячи колоколов
Не различаю пока своего.
Среди бегущих на сбивчивый звон
Я узнаю себя множество лет;
Вижу, как падаю, слышу свой стон,
Но ежечасно теряю свой след.
Где этот неуловимый беглец,
Тот, кто зовется по-прежнему мной?
Время спешит, приближая конец,
И оставляет меня за спиной.

Древние колхи косили траву
В дождь и в жару целый день.
Древние колхи косили траву
И на земле — свою тень.
Колхам казалось, что дни под косой
Тоже ложились у ног.
Воздух, пропитан кровавой росой,
Тихо окутывал стог.
Колхи косили. Над их головой
Небо копило свой гнев.
Колхи косили и стали травой,
Чёлу печально пропев.

Мы дожди.
Наша жизнь начинается с неба,
Чтобы кончиться сразу, достигнув земли.
Мы шумим от весны и до первого снега,
Но однажды пройдем, как другие прошли.
Может, что-то успеем сказать, понимая,

Что от туч до земли — расстояние одно,
Даже яростным ливням цветущего мая
Очень мало успеть в этой жизни дано.

Мы дожди...

Перевод Ларисы ФОМЕНКО

СЛУШАЯ ГЕНДЕЛЯ

Опять, бесшумно оставляя след,
приходит сновиденье — вестник мрака.
О жизнь моя, минуло столько лет,
а ты все так же для меня — загадка.
День сумрачный, дождливый, день осенний...
Концерто Гроссо... Плачет Гендель.
Вы мне сулили счастья звездопады...
Зачем? Когда оставили взамен
не солнце, а его скупую тень,
размытую на бледном небосводе.
И вот со дна уже вздымается душа,
чтоб выплеснуться жаркими слезами.
О боже, сколько весен миновало!
Но кто дошел до нынешнего дня?
Какие призрачные грезы и страданья
в заезженных повозках сберегли!
О изнуренные недугом братья,
нас только музыка способна исцелить
и, может быть, любовь и светлая печаль,
что тихой дрожью наполняет тело.
Но сколько предстоит еще шагать,
чтобы достичь желанного предела,
пока сквозь ночи и дожди тоска
дойдет до человеческого слуха
и перельется в сердце вашей мукой,
и озарит покоем небеса.
О ночь, ты все окрасишь черным цветом —
и юный взлет, и зрелые черты.
Как безысходно причитает флейта
у колыбели новорожденной луны
о том, что годы канули бесследно...
Я тоже болен. Древняя печаль
и скорбь осенняя переполняет вены.
А сколько предстоит еще понять.
Стучит в мой дом и отворяет двери

моя родня — мечты и сновиденья.
Концерто Гроссо... Как срывается аккорд
над пропастью полуночного мрака.
О изнуренные дорогой мои братья,
вас только музыка к живым вернет
и может быть, любовь,
подаренная этой музыкой...

●
Все сокровенное, что я хоть раз поведал,
Уже другим, не мне принадлежит.
Потусторонний свет скользит по стенам,
И на ладони лунная слеза звенит.

Словами, цветом, изваяньями и рифмой,
Святынею, надеждою и сном —
В других я постепенно перелился.
И постепенно стал я невесом.

Я растворюсь в чужом многоголосье,
Как сонное дыхание реки.
И проживу лишь тем, что остается
Во мне, еще незримого другим.

●
Не печалься...
Давай дождемся утренней звезды.
И в водопадах встреч утонут расставанья.
Я верю — счастье нас отыщет
в лабиринтах жизни,
чтоб озарить сияньем жизни наше бытие.

Не печалься...
Пусть увядают дни, как листья.
Судьба сулит нам яркие рассветы.
А этих звезд лиловые соцветья
когда-то были красными гвоздиками,
которые сорвали мы в земных садах
и в поднебесье бросили богам.

Перевод Елены ЮДКОВСКОЙ

ИЗ ЦИКЛА «ОКРЕСТНОСТИ ДУШИ»

«СЕЙЧАС ВЫЛЕТИТ ПТИЧКА!»

Он был затейливо украшен
 Рельефами лозы и башен,
 Тот незабвенный аппарат,
 Над коим старичок старинный
 Посредством черной пелерины
 Свершал магический обряд.
 Что было? Три ноги циклопа
 Да звуки модного галопа
 По-над базарной суетой.
 Что было? Влажный отпечаток
 И обжигающий початок
 От соли бледно-золотой —
 Он рядом, давний день удачи:
 Базар, фотограф, цирк бродячий,
 Готовый свой шатер свернуть,
 Хотя, конечно, то, что было,
 Что сердце бедное любило,
 Не повторить и не вернуть,
 К нему влечет неодолимо,
 Но жажда в зной неутолима,
 А счастье мимо, мимо, мимо,
 Как радужных надежд пыльца —
 Трагическую маску мима
 Я не могу содрать с лица,
 За мифом миф, за стычкой стычка —
 Так и не выпорхнула птичка
 Из объектива детских лет,
 И не смогла на том базаре,
 Где пили, пели и плясали,
 Заветный вытянуть билет!
 Что было? Все слабее след...

ДЛЯ НИХ

Прохладно-терпким винным духом
Пропитан временный приют,
И кажется, под самым ухом
Цикады вечности поют —

Под вывеской в подвале винном,
Скажи, что можно изменить,
Когда в накале половинном
Краснее угольная нить,

А в помидоре запеченном
Еще скворчит горячий сок,
Хоть забулдыги за бочонком
Вздремнуть решили на часок?

Для них реальность иллюзорна,
И на деревьях за окном
Во тьме гранатовые зерна
Горят мистическим огнем,

Для них сливаются моленья
В один протяжный тихий вздох —
Малиново цветут поленья
Под пеплом медленных эпох,

И чрево черного камина
Для сырых чад струит уют,
И перстней дивные каменя
Сияньем своды обдают...

СИРЕНЬ

Нырря в плеск и пенье
Весны без берегов,
В махровое кипенье
Горчащих лепестков,

Я от восторга, мнилось,
Слезами изойду,
Поверив в божью милость
В сияющем саду!

Ознобом било кисти
От клятвы на устах,
От врубелевской кисти,
Увязнувшей в кустах,

Где вспышки озарений
Метались в миг любой
От розовой сирени
До густо-голубой —

Сирень была лилова,
Была белым-бела,
И даже, право слово,
Сиреневой была...

ТАМ КЕРОСИНОМ ТОРГОВАЛИ...

Там керосином торговали,
И мелом, и мылом,
Смеялись, головой кивали,
И юность вспомнив, толковали
О смелом и милом —
Та лавка чем-то вроде клуба
Служила, по сути:
В ней петь и спорить было любо,
А керосин дрожал и хлюпал
В луженой посуде...
По стертым по семи ступеням —
В обитель таланта,
Где с ускореньем постепенным
Клиентам давним и степенным
Острилось галантно,
Где соль и синьку продавали,
О жизни судача,

В иголку нитку продевали,
Чубук янтарный продували —
И шла к ним удача!
Еще я жив, чудак последний,
И слиты со мною
Тот полумрак подвальный летний,
Те изречения, клятвы, сплетни —
Всей тягой земною:
«Ушедшие, не иссякайте!» —
Кричу я безгласно,
А в окна лавки на закате
Слетают лепестки с акаций,
И юность прекрасна...

ОБРУЧЕНИЕ

Сегодня так лютует зной,
Так все живое им томится,
Что над Курой балкон резной
Потрескивает и дымится.

Но вот часам к семи как раз
Жара спадает, образуясь,
И зажигают площадки глаз
Коты в чердачных амбразурах.

Тифлиссских сумерек прибой
Уже колышет занавеску —
Рог осуши, как песнь пропой,
За жениха и за невесту.

Согласья юным пожелай,
Как щедрости корням и кроне,
Чтоб виночерпий пожилой
Вдруг прослезился на балконе,

Чтоб за столом восславил хор —
И голоса, и подголоски —
Невесту — украшенья гор,
И образ жениха геройский...

Нет, тост не просто пара фраз:
«Живите дружно! Не старейте!» —
В нем ритуальный парафраз
Любви и мудрости столетий.

Бессмертен тост, а потому
Священны мифов облаченья!
...Я на статиста потяну
В высоком цирке обрученья.

ВЕЧЕРНИЙ ЗВОН

Пили, пели: «Землю распушите,
Чтобы взять в грядущее билет,
День за днем надежды распишите
На двенадцать дюжин зим и лет,

Черенок у дома посадите,
Косточку заройте в добрый час —
Кто не хочет, сами посудите,
Жизнь прожить, со счастьем обручась?»

Звезды в небе таяли бездонном,
Иссякали хор и пир мужчин,
И скала ловила свет за домом
Паутиной каменных морщин.

Дали детства были необъятны,
Вечная скала — голым-гола...
Благовестный, вечевой, набатный —
Отзвонили все колокола,

В бренном мире сущий, я не вечен,
Но готов побиться об заклад:
Зацвела скала под самый вечер,
Лишь задернул занавес закат...

1. ЖИВ Я, ЖИВ...

Жив я, жив, пока творю
И любовь боготворю —
Что с того, что не пришелся
Я кому-то ко двору?

Мы на совесть, не за страх
Веселимся на пирах,
Смерть приходит — обращает
Нашу радость в тлен и прах,

Кто тоскует, жизнь влача,
Кто привык рубить с плеча —
Все равно весною каждой
Зацветает алыча,

Все равно судьбе назло
Надо петь, чтоб повезло,
Надо славить жизнь стихами —
В том ашуга ремесло,

Оттого, устав тужить,
Говорю вам: надо жить,
Чтобы в сердце жар священный
Навсегда не потушить!

Жив я, жив, пока не стих
Неразлучный с песней стих,
День и ночь стучит мне в сердце
Пепел мудрых и простых...

2. РАЗВЕ ТОЛЬКО...

Ясным днем и отходя ко сну,
Лютой казнью я себя казню:
Нищий духом, как я умудрился
Растранижить целую казну?

Синей ночью и лазурным днем
Постоянно помню об одном:
Никаких сокровищ после смерти
Не оставляю я в краю родном,

Разве только, как настанет срок
И в окошко постучится рок,
Обнаружат в комнате банкрота
Две-три сотни стихотворных строк,

Разве только мне в родных местах
Засияют розы на кустах
В час, когда два-три моих напева
У потомков будут на устах...

ОКРЕСТНОСТИ ДУШИ

Оставь перо и лампу потуши —
Пора, пора! По взгорьям и оврагам
Давай уйдем в окрестности души
Раздумчивым, неторопливым шагом,

Давай с тобой побродим по полям,
По дремлющим осенним перелескам,
Где ключ вечерний с горем пополам
Утешит нас своим прощальным плеском,

Где внятна связь начала и конца,
Ничто и нечто, смерти и рожденья,
Где помнят след тернового венца
Таинственные тени и растенья...

Загадочна опавшая листва,
Все полнозвучней в сердце оробелом
Шестое чувство кровного родства
Всего со всем на этом свете белом,

В тускнеющих окрестностях души,
Когда предметы зыбки и нечетки,
Ах, до чего ж в тумане хороши
Шиповника коралловые четки!

ОСЕНЬ желтым маревом легла на город.

Осень мягко окрасила сады и луга. Долина Курры поблескивала на солнце. Зеркало воды уносило рассыпанные ветром лепестки отгорающих тюльпанов. Нарядные цветы в садах осыпались. Пастель роз поблекла. Гиацинты стояли, поникнув головами. Облако цеплялось за куст жасмина. Засыпали опьяненные поздней сладостью пчелы. Реже скользили в прозрачном стекле воздуха ласточки. Летела и терялась в облаках золотая паутина. Неугомонный ветер все еще жаркими порывами налетал с юга, из-за Триалетских отрогов. Ветер давно превратился из озорного мальчишки в сердитого подростка. Загорелый подросток мчался к городу сломя голову.

О чем злобно мечтал ветер, сверкая покрасневшими глазами? О холоде ли шипел он, швыряя в людей пыль, или о войне, что шла за ветром по пятам?

Город настороженно притих. Словно птица.

Обнаглевший ветер но-

Иван **ОГАНОВ**

ОСЕННЯЯ БИТВА

ФРАГМЕНТ ИЗ КНИГИ
«ОТКРОВЕНИЕ РОЗЫ»

сился по кривым улочкам. Хватал за горло умирающие нарциссы, осыпал листья чинар, теребил яркую бахрому ковров, свисающих с круглых балконов.

За ветром с хриплым лаем погналась собака. Кто-то бросил в спину ветра камень.

Закричал ветер, хватаясь руками за кровоподтек на спине. Кувырнулся вниз с крепости Нарикала. За ветром катилась ягодка.

Ветер рассердился на горожан. Не хотели они слышать голоса беды. Сгорбился ветер и, вытирая пылающими рукавами слезы, притих.

Устало побрел на базар. Шайтан-базар шумел голосами.

На рассвете спустили цепи с Ишачьего моста.

Ветер погладил щекой корзину со сливами. И спрятался в звонком винограде. Поблескивали обидой наивные глаза ветра. Как слезы, горели на янтарном солнце горы изумрудно-стеклянного винограда. Ветер через кожу поцеловался с виноградиной. Нагретый сок синел.

Сентябрьский виноград еще не успел насладиться ветром. Виноград отяжелел за лето без ласки. Вот отчего он с такой радостью отозвался на любовь. Только синица раз как-то клюнула его. И улетела. Но разве можно было это считать любовью?

Внезапно заблестели росой стыдливые гроздья.

Ветер шелестел в шершавых листьях. Жаловался на камень, брошенный в его спину. Затем он угомонился, растеряв вокруг несколько зерен нагретой пыли. Ветер разомлел от девственных поцелуев.

Маленький Кахетинец, седовласый старик, плыл на коне в затихшем, настороженном лесу. Лес ронял багрянец.

Горела под копытами коня голубая вода неба.

Голубые слезы светились на ветвях. Лозины сквозили вокруг. Голова царя-воина была высоко поднята. Царь был в своих боевых доспехах. Стальной остроконечный шлем, кольчуга. К седлу приторочен колчан со стрелами. Через плечо надет лук. Огромный меч лежал на крупе гнедого коня. Меч блестел.

Маленькое лицо старика съедено морщинами. Побелели ресницы. Шуршали под копытами сухие листья. Слеза пылала на дряблой щеке. Сжав поводья, он мол-

чал. Не мог царь остановить коня, чтоб раздавить слезу. Пусть она остудит его возбужденный зрачок. Сколько слезинок он смахнул за свою боевую жизнь. Она прятал от воинов свою обнаженную скорбь. Хрустальный, красный лес слышал плач слезы. В сухой яме под желтыми листьями заплакала девочка. Слеза, заснувшая на реснице, вздрогнула. Она была голой, стыдливой девочкой. За восьмидесятилетнюю жизнь старика она не потеряла своей невинности.

...Голой пустыней ехал к городу со своим стотысячным войском скопец. Копье он сжал под мышкой. Войско Ага Мохаммед-хана было разношерстным. Персы в зеленых тюрбанах с длинными копьями. Хмурые, запыленные туркмены на кривых лошадках. Почерневшие от солнца афганцы с булавами. Много диких племен-кочевников. Армия двигалась в Грузию. Волы тащили в пару громадные, тяжелые пушки. В обозах сидели женщины с грудными детьми. На ослах медленно ехали оруженосцы, повязав головы от солнца платками. Сомкнувшись в стройные колонны, угрюмо шагала мазандранская тяжелая пехота.

Время от времени армия останавливалась и кричала: «Аллах! Аллах!»

Люди обессилели. Скрипели колеса телег. Ревели быки. Громадное колесо раздавило синего жука. Обезглавленное тело жука дергалось лапками. В телеге лежала старуха. Лицо старухи выветрилось, как мел. Это была мать шаха Фатима. Она ездила за сыном на все войны. Она боялась оставить его одного. Все ее сыновья были убиты. Их оскопили, вырвали глаза, отрезали им носы. Отрубили руки и ноги. Ей надоело хоронить детей. Ага Мохаммед самый младший, самый несчастный и злой. Старуха держалась за него, как за последнюю сухую ветвь. Ездила за ним, чтоб не убить себя. Старуха, чучело из лоскутков, уныло тащилась по пыльным дорогам смерти, вслед за колесом. Тряпичная головка чучела смешно билась затылком о дорогу. Фатима горько любила покалеченное тело своего озверевшего сына. Она любила держать его за холодные, потные руки и смотреть в его вдавленные глаза. Глухой, потемневшей

яростью дышали эти глубокие глаза. Фатима сидела в телеге, обхватив седую голову в черном платке руками. Никто из солдат не видел, как безмолвно кричал ее рот. Сын ехал убивать. Фатима не могла вспомнить взора сына в детстве. Она уже не помнила, что мальчик родился с гиацинтами вместо глаз. Но потом они потемнели. Фатима все надеялась, что ей удастся молитвами отогреть их. Глаза тирана желтели, как мертвые женщины. Мать ласкала пальцами лицо сына. Она не боялась кобры. Кобра могла искушать старуху.

Колесо раздавило жука.

Фатима слышала, как звонко плачет жук.

Старуха подняла руки и закричала. Армия остановилась. Несколько всадников подскакали к телеге с оголенными шашками. Плавно катилось в зеленом небе солнце.

— Что случилось? — громко спросил перс.

Старуха молча поглядела на него и ткнула пальцем под колесо.

— Мы раздавили жука!

Всадник сердито стегнул плеткой вороного коня. Конь вздыбился на задних копытах. Заржал.

Босой иранец достал мертвого жука из пыли и на ладони отдал старухе. Старуха выжила из ума. Сломанные крылышки блестели. Старуха опустила голову. Никто не стал бы хоронить сейчас жука посередине дороги.

Облака горели. Облака неслись к холмам. Пустое пространство дышало ржавым запахом жатвы.

Голая земля остывала. Поле было ровным, как ладонь.

Снова заскрипели колеса. Ревели быки.

Белая чалма шаха качалась.

Войско вошло в Соганлуги и остановилось, был разбит лагерь.

Утром Ага Мохаммед-хан двинулся на Тбилиси.

Уходя в бой, он собрал чернь Борчало и Казаха.

— Свяжем по рукам и ногам оскорбителей ислама, — говорил скопец с белого коня. — Истребим горсть грузин, как плотник гнилую стружку. Превратим эту страну неверных в горсть праха!

Он тоскливо глядел в пустое небо.

Ржали кони. Иранское войско шло настороженно. Шах побаивался Маленького Кахетинца.

Передовые отряды врага вышли на Крцанисское поле.

Царевич Давид совершил легкий набег на один из вражеских отрядов и вернулся со своей конницей к склону Сололакской горы, где он разместил артиллерию. Шесть плохо стреляющих пушек.

На левом фланге грузин стоял феодал Мухран-батони.

Авангард возглавил царевич Иоани. Маленький Кахетинец отдал Иоанну ядро своего войска. Но чем мог поделиться с ним царь?

Грузины наспех собрали пять тысяч человек против стотысячной армии. На помощь Тбилиси пришли жители Арагвской долины, 300 арагвинцев, поклявшихся умереть, но не отдать родной земли. С гор спускались маленькие отряды хевсуров, пшавов и тушин. Их привел Человек-Тур. К ним присоединилась горсть имеретинцев. Накануне сражения собрались ополченцы города. Это были ремесленники, мастеровые, разносчики товаров и беднота. Они выбрали своим командиром музыканта и поэта, общего любимца Мачабели.

Ага Мохаммед-хан занял возвышенности Соганлуги и разбил свою армию на четырнадцать отрядов. Он поставил между ними пушки. За отрядами шли отборные части туркменов. Шах считал их самыми надежными в своем войске. Они должны были останавливать бегущих и убивать. За спинами туркменов выстроилась тяжелая мазандаранская пехота. Главный резерв шаха.

Скопец сидел на белом коне с длинным, опущенным в пыль копьём. Сощурившись, он глядел на город-жертву.

В Крцанисских садах, на берегу золотой Куры, догорали тюльпаны осени. Таял жаркий воздух.

Прозрачная паутина, пролетая мимо лица скопца, сняла с его ресницы и унесла ядовитую слезинку.

Скопец любовался пейзажем.

Желтое облако стояло над скопцом. В этом городе была из земли горячая серная вода. В банях мож-

но исцелить любую болезнь. А вновь вернуть мужество? Сжечь немощь? Чтоб снова ощутить произвольную ласку женщины?

Сладкогубый виноградный ветер проснулся в опрокинутой корзине. Он бросился звать людей. Но все опустело.

Женщины и дети прятались в погребах.

Колыхались синие флаги иранцев.

Ужаснувшись, ветер бросился к знаменам Ираклия. Забилось полотнище с Георгием Победоносцем.

Впереди шахского войска выступал с огромным мечом богатырь в белом саване. Это был дервиш-воин.

От отряда царевича Иоанна отделился Человек-Тур с копьем.

Круглое облако застыло над голым полем.

Царь стоял со своим отрядом у Сеидабадских ворот.

Мать шаха сжала в ладонях синего жука. Старуха закуталась в черную шаль. Старуха целовала жука.

Скопец шел убивать.

Вдруг оба войска задрали головы и стали глядеть в развалившееся небо. Голубела бездна.

Со стороны иранцев в небо взмыли соколы. Грузины запустили своих орлов.

Кружась и теряя перья, птицы бросались в смертоносную схватку.

Окровавленное перышко село на голову скопца. Скопец нахмурился.

Он не мог отколупнуть перо. Жестом позвал Хосрова.

Хосров прискакал на сером коне с влажными, печальными глазами. За спиной юноши ярко развеялся шелковый плащ. Губы его побелели. Дрожащей рукой он сорвал ястребиное перышко со лба вождя.

Шах удивленно взглянул в потемневший от зеленой тоски взор оскопленного им любимца.

— Что с твоей рукой? — вождь сжал маленькие, крепкие губы. — Она дрожит?

Он отпустил поводья и взял в свои волосатые пальцы хрупкий локоть Хосрова в белой перчатке.

— Ты боишься смерти? — с удивлением спросил он.

Мертвые птицы падали к ногам шаха.

Дервиш в саване бежал с мечом на Тура.

Круглое лицо Дервиша вспотело. Дервиш ^{глухо} _{визг} ревел и, несмотря на грузное тело, резво бежал ^{визг} _{визг} ред, раскручивая над головой меч.

Тур в своей волчьей шкуре рванулся ему наперез. Не останавливаясь, он метнул копьё в Дервиша. Копьё вонзилось ему в живот. Дервиш выронил свой меч в пыль. Сжал копьё обеими руками. Но копьё не вытягивалось. Взор Дервиша побелел.

Налетевший на врага Тур схватил меч и одним ударом отрубил его руки. Белый саван набух кровью. Крича от боли, Дервиш повалился на землю.

Тур бросился в бой. Он врзался в ряды легких пехотинцев и яростно рубил их. Иранцы с криками стали пятиться, разворачивая фланги. Визгливо заплакала зурна. Отчаянно били барабаны. С ополченцами гарцевал на коне поэт Мачабели. Он играл на чонгури. Он весело распевал, подзадоривал своих ребят.

Впереди грузинского войска брели по полю три слепых ашуга. Они спокойно шагали, сжав в руках сазы. Слепцы пели боевую песнь о судьбах Грузии.

Поскакала вперед конница Иоанна. Смяла иранцев, выхватила их флаги, приволокла царю, бросила к его пыльным сапогам.

Иранцы дрогнули, побежали.

Но шах развернул мазандаранскую пехоту.

Грузинское передовое войско с отвагой бросилось в новую контратаку.

Могучая кавалерия шаха в три тысячи сабель ринулась на царевича Давида. Царевич обстреливал ее с холма. Он отбил несколько конных атак, но не смог остановить всадников, которые окружали царевичей Иоанна и Вахтанга.

Осень буйно цвела. Осень бушевала.

Ужаснулся убийству ветер. Ветер метался среди звенящих сабель. Он лез голым телом на раскаленные ятаганы. Тело ветра обливалось кровью. Сентябрь дышал огнем. Ветер валялся под ногами умирающих. Ветер спасал оранжевые листья.

Мулла-предатель повел вражеские отряды тропин-

кой к Коджорской дороге. Эти отряды заходили в спину отчаянно бьющимся грузинам.

Грузины храбро дрались.

Глахука в разорванной одежде бил лезущих иранцев палкой по головам.

— Дети! Держитесь! — кричал он.

Огонь пушечных выстрелов. Грохот. Лязг булата. Истеричные вопли. Свист. Хохот.

На склон Сололакской горы карабкались конники.

Из шести пушек стреляли уже только три.

Командовал пушками князь Георгий Гурамишвили, крестник царя. Человек маленького роста с добрым лицом и светлыми, застенчивыми глазами. Он был весь черный от пыли и пороха. Лицо его горело.

В самой гуще персов сражался Человек-Тур. Тур бросался на мечи и копья с голыми руками. Он душил врагов, сворачивал головы, разрывал глотки. Он стоял на горе трупов.

— Что это за волк терзает нас? — удивился скопец.

Послал на него ораву. Озверевшие солдаты размахивали саблями.

Хосров сидел на коне бледный как мрамор.

— Почему не убиваешь? — нахмурился скопец. И вдруг отшатнулся.

По белому лицу Хосрова ползла муха смерти.

— Я боюсь тени Вероники! — дрогнули его губы.

— Убей тень! — прошептал скопец.

Один за другим валились насмерть арагвинцы. Только три воина вырвались из кольца. С ними царевич. Он весь был забрызган кровью. Мазандаранцы овладели холмом. Они сталкивали в обрыв одну пушку за другой. Пушка давила людей. Катилась по телам.

Орлы в багровом небе бросали вниз камни.

— Собаки эти грузины! — пробормотал скопец.— Собаки!

Мазандаранцы с мечами со всех сторон окружили последнюю пушку. Около пушки стоял Гурамишвили и три юных воина.

— Умрем, но не побежим? — весело спросил он.

— Отцы наши не были изменниками, — закричал юноша.

— Да будет мать сыра-земля причастием перед смертью! Огонь!

Персы бежали на гору. Один за другим падали грузинские юноши. Все были убиты.

Гоги Гурамишвили, весь простреленный пулями, лег на пушку грудью. Он обхватил ее руками и зажмурился. Десятки сабель стали кромсать его спину.

С камнями бежали на врагов женщины.

— Собаки! — шептал Ага.

Тур отбивался. На голову его накинули веревку. Он разорвал ее, выхватил из-за пояса нож.

— Кто не трус? — взревел он.

И бросился грудью на копьа. Мечи обрушились на него.

Снова веревка села на горло, и под дикие, радостные крики понеслось за лошадьё окровавленное тело.

— Я же говорил, что это волк, — пробормотал Ага.

Брошенное к белому коню тело дымилось. Шах отвернулся.

Грузин теснили к городским воротам.

Ветер, обхватив голову, сидел на мертвых листьях и с ужасом глядел на окровавленный виноград.

— Виноград убили! — кричал ветер облакам.

Старый царь, обогранный кровью, бросился в рубку.

Как хищные звери, обступили его иранцы.

Царевич Иоани вырвал его из рук смерти. Иранцы гнались следом, рассекая воздух кривыми саблями.

Белые волосы Ираклия кровоточили. Рот старика дрожал.

Ага Мохаммед-хан поскакал вперед на белом коне.

Гудели деревянные трубы.

— Мы очистим Грузию от терниев и щепок! — кричал скопец, захлебываясь горячим воздухом.

Конь его гарцевал на трупе обезглавленной осени.

Голова осени откатилась и замерла. На мертвом лице ее краснели слезы.

— Мы наденем на Грузию алую одежду рабства!
Саранча летела над полем.

— Сколько их? — билось в висках Глахуки.
Он сломал свою палку о головы и отбивался каменьями.

Персы гнались за Маленьким Кахетинцем.

Озверевшие персы рвались в город.

С маленьким отрядом в сто человек Ираклий поспекал через Авлабарский мост. Спрыгнул с коня у часовенки мученика Або.

Прижался к часовенке лбом.

— Ты видишь, как я страдаю! — тихо сказал он, опустив веки. — Я хотел спасти город.

Царь поднял ладони. Он разжал их в мягком, коричневом свете. Он не мог понять, отчего свет не чернеет.

Он не хотел верить в пожар.

Ираклий сел на коня.

— Куда я еду? — пробормотал он, тронув рысью. — Мне, старику, спастись, когда дети мои умирают? Я хочу к ним! — закричал он.

Царь развернул коня. Пришпорил. Но воины преградили ему путь.

— Во имя спасения родины! Царь!

Маленький Кахетинец побледнел и взмахнул плетью.

Конь поскакал в горы — к Ананури.

Женщины с криком волочили трупы детей.

Обезумевшие от крови ястребы бросались на трупы.

Полуголые женщины в лохмотьях бросались на птиц.

Безумно кричали женщины. Их валили в песок.

Белый конь Ага Мохаммед-хана несся к Гянджинским воротам. Толпа людей бросилась на колени.

— Не убивай детей!

Глаза скопца утонули в черепе. На губах блеснула язвительная слюна.

— Вы должны ждать такого правосудия, как на судилище аллаха, — нервно засмеялся он, — где каждый отчитается в своих грехах!

Белый конь летел в город.

Толпа людей бежала прятаться в церквах и мече-

тях.

Бедняки бросали в завоевателей камни.

Водонос обливал персов кипятком.

За красильщиком Гургеном погнались солдаты.

Он спрятал детей в своих тканях.

Маленькие кинжалы вонзались в шелковый халат, вздувшийся парусом. Гончар дрался кувшинами.

Саят-Нова в черном монашеском одеянии с крестом на груди брел по умирающему городу.

Перс бросился с топором на чинару. Монах перехватил топор. Монах посмотрел в глаза воина.

Чинара тихо плакала за спиной.

Женщины падали на колени, бросали детей в Куру.

Как сумасшедшие в разорванных платьях. Они кричали.

Хосров бежал в толпе безумных солдат. Он громко кричал, плакал, звал тень Вероники. Вдруг он увидел гордую спину седого монаха.

Но обрушилась стена.

Мученик Або улыбался из горящей часовенки.

Персы в алых шароварах ворвались в церковь Анчисхати.

Они гнались за юной женщиной. Княжна убила кинжалом двух насильников. Ее задушили. Надругались над белым телом. Девушек в подвале сожгли живьем.

Они связались косами, чтоб умереть вместе. Одна из девушек хотела освободиться. Мать толкнула ее в огонь.

— Что я наделал! — вопил мулла-изменник.

Мулла видел, как из его мечети вытаскивали и резали детей.

— Мусульмане! — хрипло кричал он с минарета.

Раздался выстрел. Мулла упал на камни. В аду он обменялся телом с Рафаилом.

Персы поймали палача Сатара, заставили его надеть синий халат и втыкать ножи в сердца матерей. Палач отбивался от персов молотком. Молоток отняли и разбили им его зубы.

Иван Оганов. Осенняя битва.

— Будешь свежевать тела! — кричали ему.
потом уведем тебя в Иран. Нам нужен заплечный мастер!

Саят-Нова с серебряным крестом в руке медленно шел в храм.

Окровавленный ветер, громко рыдая, схватил его за колени. И кричал о том, что грудь осени изрублена на куски. Потрясенный ветер бил себя камнем в висок.

Пыль выела глаза Хосрова. Он тер их кулаком.

— Где прячется поэт? — клевал его коршун ревности.

Из разгромленного дворца мародеры волокли ковры, кувшины, золотые цепи, блюда, распятия.

Детей связали. Заставляли плевать в богоматерь. Дети плакали. Им рубили головы.

Краснощекий толстяк с топором улыбался.

Митрополит тбилисский Досифей заперся с духовенством в Сионском соборе.

Выломав двери, воины ворвались в собор.

Они убивали священников, сожгли иконостас, расхитили святыни. Седобородого, распухшего от слез старца сбросили в Куру с балкона.

Могучий дьякон вынес на своих плечах икону Иверскую. Он отдал ее крестьянам в предгорьях. Крестьяне спрятали икону среди мычащих коров.

Саят-Нова вырвался из объятий ветра.

Ветер валялся на камнях с разбитой головой.

— Беги, Саят! — плакал ветер.

Монах брел к армянскому храму. Ветер, застонав от боли, поволочился за ним, окутав его светящейся пылью.

Убийцы отпрянули от облака. Они не видели монаха.

Чучело совы летало над пожарищем. Накинув на палача веревку, персы тащили его в Иран. На грядущие казни.

Саят-Нова зажмурился.

Он думал, что это не огонь пылает, а белый сад.

Кровоточила музыка.

Монах обхватил голову. Текли к нему отовсюду красные ручьи. Они хором пели свою песнь. Надо было снасать горло поющего сада.

Двери храма захлопнулись за поэтом.

— Авва! Спаси нас!

Он стоял в толпе. Дымились свечи. Овцы забрызганы кровью. Овцы отовсюду глядели на него.

— Скоро будем в саду, — дрогнули губы монаха.

Кто-то дал ему своего ребенка. Монах обнял его.

— Неужели это звенит огненный сад! — думал он.

— Сад растет.

Ветер стучался кулачком о дверь храма. Ему не открыли.

Скопец парился в серной бане.

В предбаннике с ворохом шелковых одежд сына пригорюнилась Фатима.

Она обмотала лицо черной шалью.

Маленький жук синел на белой рубашке.

Хосров, гремя саблей, ворвался в баню.

На стенах играли капельки влаги.

Скопец сидел в горячей воде. В круглой мраморной ванне. Голый череп блестел. Скопец задыхался от ярости.

Он обнимал маленького голого мальчика.

Но, не ощущая удовольствия, плакал.

Хосров в сапогах бросился в воду. Он обхватил голову скопца и всадил ему нож в мокрый живот.

Горячая вода стала красной.

Жук шевелился на белой рубашке.

Саят-Нова стоял в храме.

Он вспомнил, как боялся петь ангелу.

Он боялся, что песнь его стала холодным светом.

Монах улыбнулся.

Люди улыбались ему. Саят-Нова зажмурил глаза и увидел, как поет напоенный солнцем, прозрачный нарцисс.

Поэт погладил ладонью горло нарцисса.

Нарцисс пел поэту.

Вот зачем принесла поэта птица в стеклянном зерне!

Дыхание народа и Саят-Нова слилось.

Это был цвет крови.

Ангел с нарциссами вместо крыльев кувыркался в воздухе.

— А ты боялся света! — смеялся ангел.

В двери храма стучали.

Люди и престарелый седой монах опустили на колени.

— Откройте! Откройте! — ломали дверь.

Воины с саблями ворвались в алтарь.

Сабля никак не могла дотянуться до свечи под куполом.

Ветер обнимал колени поэта.

— Прощай, — прошептал ветру поэт.

Белый сад целовался с красным садом.

Мать шаха везла его голову в черном платке.

Фатима никому не отдавала сына. Она не могла его похоронить.

Старуха брела в пыли за телегой. Громко кричала она.

Но земля не принимала убийцу.

Чтоб спасти сына, она вырвала его глаза.

Она бросила слепую голову в яму и забросала кровавыми листьями.

В плачущих губах мертвого синел жук.

Жук не мог всплыть в бессмертие.

Поэта обступили со всех сторон и выкололи глаза саблей, которую поворачивали в окровавленных орбитах.

Этой же саблей ему отрезали язык и выбили зубы.

— Иди к своему Христу! — шумно хохотали воины. — Пусть он тебя спасет.

Ветер рухнул телом на плиту и зарыдал. В волосах ветра пламенели осенние листья.

Каждый лист был сорванной жизнью Саят-Нова.

Ослик звал своего хозяина.

Женщины-плакальщицы громко кричали, царапая свои лица.

●
 Какое ж мужество, какое
 В самом себе?

(В руке граната?!)

Я знаю, эта песня — чудо,
 В ней поступь Времени, «Гренада».

Но я молю, земное чадо:
 Какое мужество,
 Какое
 Оно,
 Когда кровопролитье —
 Плод сумрака и непокоя.

Даруй мне власть иного лада,
 Неведомое!

(как наитье...)

О, мне не надо, мне не надо
 Сердцебиенья пуль, «Гренада»!

Багряным эхом мир грохочет.
 Тропа. Здесь женщина не плачет.
 У родника рукав замочит —
 Кувшин всю женственность означит.
 Всю тяжесть — денно, ночью пенье: —
 Чревато мужеством терпенье.

●
 Десех... Детство мое!
 Не от тебя ли любовь
 К лошадиным горячим бокам...
 К сердцу моей темноокой
 сестры,
 К бабушкиным рукам?

Да, в той деревне, дивной дальней дали,
 Чьи взгорья отпечатками запали,
 В початки вгрызлись зубы напролом

И возраста коварный перелом
Выламывал всё штучки....

Что ни номер,

Кто б видел — так бы со смеху и помер,
Шла детства разлихая карусель!

Губами — шлеп в смородинный кисель.

Он бабушки волшебными руками

Варился, растекался берегами

По вереску... По детству по всему.

И был нам так по сердцу и уму.

Мой брат летел на скакуне ретивом,

Я — на блажном. Но столь необратимом —

Что, как ни бейся, вспять не повернуть.

А взлез — то всё, подскакивай, как ртуть.

А под сестрой брюхатая кобыла,

Сестра сползает —

воплъ! —

И только смех

Ей эхом... А сестру любила

Я, кажется, на свете больше всех.

Я, помнится, дрожала за нее

В любом ее предмете, как в предсмертье,

И этот смех в какой-то нервной взмети

Вонзал в нее безумия копье.

То дикое ребячье торжество

Мы много лет спустя с ней отпевали

И по глотку за память отпивали

В прекраснейшую ночь под рождество...

Что значит имя ветхое Десех

Пред именем нетленным Туманяна!

Но с именем иным не подменяла

Мне жизнь — души, любимой больше всех.

●
Качаюсь на ветках,

на тенях от веток,

Ажурных, старинных,

что кружево в летах.

Ступаю по ним

осторожно, по-рысьи,

Но нету добычи — и нету корысти.

По крыше скольжу огнеокою кошкой.
Повыше — и вовсе
 подстегнутой стежкой.
За пазухой кроны —
 смыкающей вежды —
Качаюсь на ветках,
 на тенях надежды...

Прильнувшей к плечу с очертанием выси
Курою укрытого тела Тбилиси —
Я вся наводняюсь,
 вся наполняюсь,
Как взвар, треволнением
 острых коллизий...

...Над Теремом башня. И тропка змеится
всё круче. И путник успел утомиться,
царица Тamar!

Раби Давид Ильян — потомок древних ассирийцев, расселившихся после падения Ассирии по странам Ближнего Востока и Закавказья. Скромный педагог, всю жизнь посвятивший воспитанию и обучению детей, Раби Давид, то есть учитель Давид, родился в 1910 году в г. Саида, в Ливане, в семье учителя. Оттуда Ильяны переехали в Турецкую Армению, а во время резни 1914 года — в Гянджу. С 1954 года Раби Давид живет и работает в Тбилиси. Одно из его крупных произведений — поэма «Мамшалу» — вышла на ассирийском языке

в Москве в 1938 году, а в 1962 — на ассирийском и немецком в Висбадене. В 3-томную «Историю ассирийской литературы», недавно вышедшую в Иране, вошли и отрывки из поэм Раби Давид Ильяна. Основное содержание его произведений — история родного народа. Одна из поэм — «Непобедимый Тбилиси» — посвящена Грузии. «Сафра мудрости» («Книга мудрости») — это собрание занимательных рассказов и притч, написанных в характерных для восточной литературы стиле и манере. Предлагаем фрагмент из этой книги в переводе автора.

Раби Давид ИЛЪЯН

МАЛЬЧИК, КОТОРЫЙ ПЬЕТ СОЛНЦЕ

По всей Ниневии прошла молва, что в городе появился какой-то загадочный мальчик, который пьет солнце.

Люди удивлялись: как можно пить солнце? Ведь солнце — не жидкость!..

И все спрашивали друг друга, пытались хоть что-то разузнать об этом необыкновенном мальчике, и все хотели его увидеть. Хотели хотя бы раз поглядеть, как же это он пьет солнце?! А никто не знал толком, где вообще он находится, и не было человека, который бы сказал: вот я видел этого мальчика там-то и там-то.

Наконец в один из дней пронесся слух, что его видели на рынке. Потом некоторые сказали, что он гулял в парке... то ли на площади...

Кто-то еще сказал, будто мальчик бывает в храме богини Иштар, что за крепостными стенами... Говорили, что он с книгой в руках бегал вокруг храма и кричал во всеуслышание: «Эй вы, жрецы, эй вы, неведжды, пейте солнце! Пейте солнце!»...

Так из уст в уста передавали небылицы о мальчике, который якобы пьет солнце, и люди повсеместно искали его.

Но вот однажды дети, возвращавшиеся из школы писцов, сказали, что только что видели его в библиотеке храма Ийана, что неподалеку от дворцовых ворот.

И пришли все к храму, и когда открыли дверь в библиотеку, увидели самого обыкновенного мальчугана лет пятнадцати, смуглого, с карими глазами и вьющимися черными волосами.

Он сидел на полу, скрестив ноги, и не спеша переворачивал таблички книги, которые читал сосредоточенно и внимательно. Еще увидели, что перед ним стоит глиняный кувшин для воды и рядом — красивая пиала.

— Эй, мальчуган, это ты солнце пьешь? — крикнул кто-то из толпы.

Мальчик поднял голову, посмотрел на людей и, кивнув утвердительно головой, сказал:

— Да, я пью солнце.

— А как? Из чего? Из этой красивой пиалы? — засмеялся кто-то.

Мальчик не растерялся и серьезно ответил:

— Нет. Из этой пиалы я пью воду; а солнце я пью вот из этой!

И, сказав так, он встал, выпрямился во весь рост, обеими руками поднял свою большую и тяжелую книгу с клинописями и повторил:

— Вот из чего я пью солнце!

Люди сперва удивились, но постепенно поняли, что означает «пить солнце».

С того времени они стали учить своих детей «пить солнце».

А по прошествии многих лет мы узнали, что мальчик, который пил солнце, был дедом Ахикара Премудрого¹.

¹ Ахикар Премудрый — один из мудрецов Древнего Востока.

Всякий раз, когда царь Синахериб¹ со своей свитой отправлялся на охоту, Ахикар Премудрый провожал его до ворот Ниневии и в напутствие говорил так: «Владыка земли, пускай путь твой будет счастливым и благополучным, но помни: где бы ни бывали ты и твоя свита, не загрязняйте родника, там протекающего, ибо на дне родника ночуют звезды...»

ОСЛАМ И ПЕТУХАМ ЗАКОН НЕ ПИСАН

Однажды молочник Джиб-Джиббу зашел во двор знатного Бит-Бартуту, привязал своего осла к дереву, а сам отправился в чайхану.

Вдруг петух, разгуливавший на крыше курятника, слетел оттуда, уселся прямо на спину осла и во все петушиное горло заорал: «Ку-ка-ре-ку!».

Осел с перепугу шарахнулся, а петух продолжал кричать свое «кукареку». Осел заметался, пытаясь бежать, оборвал привязь и заревел во всю мочь. А был тихий час, «тахра»², Бит-Бартуту сладко почивал. Рев осла разбудил его, и спросонья он выбежал в халате во двор и принялся колотить осла, выгоняя его со двора и громко браня при этом его владельца.

Заслышав рев своего осла, Джиб-Джиббу выскочил из чайханы и бросился на Бит-Бартуту. Завязалась драка, на шум сбежался народ, поднялся страшный переполох. Бит-Бартуту был весь в кровоподтеках.

Тут явились блюстители порядка. Виновных повели к Ахикару Премудрому. Он выслушал со вниманием историю драки и сказал: «Кто из вас прав и кто виноват, судить нельзя, ибо ослам и петухам закон не писан».

* * *

Не бойся умного и сильного, а бойся глупого и слабого.

Пока искали правду, ложь творила свое зло, и трагедия свершилась.

¹ Синахериб — ассирийский царь.

² Тахра — полдень.

СВОБОДЫ БЕЗ РОДИНЫ НЕ БЫВАЕТ

Во время тяжелой войны Ассирии с Египтом, твои ассирийских воинов, братья-близнецы, попали в плен.

Фараон помиловал их и отпустил на свободу, строго наказав при этом немедленно покинуть пределы Египта.

Вскоре они прибыли на родину.

Мать, несмотря на то, что оба ее сына вернулись живыми и невредимыми, принялась горько их оплакивать и облачилась в траур, зная жестокую участь своих детей, — их ждала неминуемая смерть. Весь тот день, день их возвращения, она проплакала и размышляла: что ей делать, как спасти детей?

Завечерело.

Взошла луна.

Пропели первые петухи.

Глаза несчастной матери не сомкнулись ни на миг, и сна не было у ее ложа.

Пропели вторые петухи.

Она встала, закуталась в черное покрывало, тихо, бесшумно выскользнула из дому и исчезла в густой тени сада.

Пройдя Аллею пальм, она достигла Малого дворца, где проживал Ахикар Премудрый. Дрожащими руками подняла колотушку, ударила один раз — и упала без чувств.

Старшая жена Ахикара Премудрого, Эспагни, услышала стук колотушки и поспешила к дверям. Увидев лежавшую у порога женщину, она разбудила мужа. Вдвоем они подняли неизвестную, внесли в переднюю комнату, Эспагни зажгла светильник, посмотрела в лицо женщине, все еще находившейся в глубоком обмороке, и тотчас признала ее: «Это Зульфида, жена Бит-Аднана, который героически погиб при взятии Экрона¹, — сказала она. — Бедняжка, что же такое с ней приключилось, почему она оказалась здесь в глухую ночь, да еще потеряла сознание?»

Эспагни побрызгала ее водой, влила ей в рот какое-то лекарство, и вскоре Зульфида пришла в себя.

Несчастливая мать пала ниц к ногам Ахикара и, ры-

¹ Экрон — город в Палестине.

дая, поведала ему о своем горе. «О мудрейший из мудрых, Ахикар, будь милосерден, помоги мне, не то сыновья мои завтра же погибнут!», — молила она.

Ахикар задумался. Наконец он заговорил и сказал так: «Утром, в такой-то час, ты и дети твои в траурных одеждах придете к воротам Большого дворца. Я встречу вас там и проведу в приемную залу, к владыке нашему, царю Синахерибу. Ты, Зульфида, опустишься перед ним на колени, и сыновья твои также, по левую и правую руку от тебя, и будете стоять с опущенными долу головами. Когда царь обратится к вам, вы молчите, вместо вас ответчу ему я».

Затем он велел Эшпагни позвать раба, чтобы тот проводил Зульфиду домой.

Утром в назначенный час Зульфида с сыновьями пришли к воротам Большого дворца, где встретил их Ахикар, тоже в черной траурной одежде.

Все было так, как он сказал.

Синахериб внимательно выслушал рассказ своего писца. Когда тот умолк, царь устремил долгий взор на коленопреклоненных мать и ее сыновей. Потом обратился к Ахикару и сказал так: «Ахикар, чти память моей матери и своей...»

Ахикар понял щедрость души царя Синахериба и, почтительно поклонившись ему, проговорил: «О великий царь, мудрость твоя беспредельна и милость твоя безгранична! Пусть же фараон знает, что свободы без родины не бывает! И прости твоего грешного Ахикара».

* * *

У человека одна мать и одна родина.

ИДИ, ПОКЛОНИСЬ ШАМАШУ

Рассказывают, однажды Гильгамеш, царь и правитель Урука, поздним вечером в веселии и благорасположении возвратился домой — в верхний дворец.

Перед ужином трижды вымыл он руки, но все равно они казались ему грязными...

Тогда он обратился к матери своей, мудрой Нинсун, и спросил ее, почему это так? Нинсун, внимательно посмотрев на лицо и руки его, сказала: «Они не

грязные, сын мой, тебе кажется, что они грязные. но
это вовсе не так. Сегодня ты согрешил и позабыл о
своей совести, что не подобает правителю, вот в чем
все дело. Иди, поклонись великому Шамашу, моли
его о прощении и не впадай больше в такой грех,
не то несчастья нагрянут на весь наш род и на весь
Урук! Ступай».

Гильгамеш внял словам матери. Пав на колени пе-
ред Шамашем, он шептал тихо и горячо: «О вели-
кий Шамаш, бог моих отцов, прости меня, прими мое
раскаяние...»

Лишь после того, как Гильгамеш искренне раска-
лся в содеянном зле, Нинсун дала ужин сыну.

...Вот о чем прочел Ахикар в старой книге клино-
писей, и с той поры всегда руководствовался поучени-
ем Нинсун.

* * *

Не злоупотребляй слабостью другого — это грех.
Зло ищи прежде в себе.

Ия МЕСХИ

МАТЬ СОЛДАТА

НАГРЯНУЛИ МЫ В
село Охурей близ
Очамчира к колхозному
бригадиру Ване Жвания и
спросили его, как говорит-
ся, в упор:

— Вот воевал ты под Новороссийском, в общем-то недалеко отсюда. А бывал там после войны? Не был. А Женя была? Не была. Интересно сейчас поехать туда? Конечно же, интересно! Сам на такое за 40 лет не решился, домосед ты, домосед...

Назначили срок, когда кончаются неотложные работы в колхозе, чтоб Ване смог вырваться на недельку, и приехали к нему уже с маленькой телесъемочной группой. Предварительно в Очамчирском АТК договорились о «пазике» до Новороссийска.

Стояли прохладные, сырые, типичные для зимней Колхиды дни. В доме Ване все было взбудоражено. Собственно, дома как такового еще не было: на месте старого, разрушенного, поднялись стены нового, но еще без окон и дверей. А семья ютилась в пристройке с кухней, где в большом камине весело потрескивали крупные дрова. Двери этого единственно теплого жилища поминутно хлопали: каж-

дый вбегал погреться у камина, садясь на корточки и подставляя огню озябшую спину.

Жена Ваню, Медико, хлопотала во дворе возле курятника. Наметив жертву для заклания, она подзывала ее своим ласковым «Дрю-ше!.. Дрю чи-че!..» и хватала без всякой жалости. Ваню бегал к воротам встречать гостей. Впрочем, какие гости? Это были свои же, дети Ваню и Медико со своими женами, мужьями, детьми. Кроме одного, призванного в армию, все шестеро прибыли в Охурей из Очамчира, Гали, Сухуми. Появляясь во дворе, они тут же принимались искать Женю. А Женя сидела в другом конце двора в плетеной из прутьев летней пацхе. Посередине на земляном полу горел очаг, в большом чугунном котле варилось гоми. Женя непрерывно помешивала.

Ждали фотографа. Наконец прибыл и он, уважаемый заведующий очамчирским фотоателье, вывел все семейство во двор и усадил на фоне снежных гор. Памятный снимок перед путешествием был сотворен, после чего все уселись за стол. Сами понимаете, как можно в наших краях вершить какое-нибудь дело без стола, без того, чтобы вкусно поесть и вкусно поговорить, наслушавшись добрых напутственных речей?.. Суетился багровый от волнения Ваню. Тихо, молча волновалась Женя, его высокочтимая мать. Ей уже было далеко за 70. Но и сейчас она все еще была красива белокожим лицом своим с тонкими чертами и глазами, в ласковости которых можно было утонуть...

Наутро к воротам дома Жваня подкатил очамчирский «пазик» с табличкой «Заказ». Женя вынула из шкафа свое выходное черное платье, накинула на голову черный платок. Очень редко она покидала дом. По правде сказать, если не считать войны, дальше Сухуми не ездила. Оделся в новый костюм и Ваню, надвинул на брови новую кепку, и сразу его большие, как у матери, глаза скрылись под козырьком.

У машины сошлись ближайшие соседи, жены постаревшие подруги и друзья. Женя то улыбалась, то плакала: шуточное ли дело — какое время придется вспоминать! Подошел к машине председатель Охурейского сельсовета Варлам Лемонджава. Не по «протоколу», не потому, что надо, подошел. Он ведь и тогда, сорок лет назад, был здесь председателем сельсовета и именно от этих ворот провожал Женю в дорогу. Теперь он вспоминал, как (мальчишка еще!) старался держаться солидно и уговаривал Женю: «Куда едешь, жёнци-

на, в такое пекло! Одумайся, пока не поздно!» Но Женя, обычно очень тихая и послушная, и слушать не желала, только просила у Варлама какие-нибудь бумаги-документы, удостоверяющие ее личность. А то ведь без языка она едет: по-русски ни слова, да и по-грузински не говорит. А кому там будет знакомо мегрельское наречие, которым она вполне обходилась в Охурее?!.. Варлам напечатал справки, все чин-чином, нашел для Женни место в попутной арбе, которая направлялась в районный центр. Признаться, отправляя тогда лихорадочно возбужденную, почти спятившую с ума Женю, он не надеялся, что она вернется.

Под все эти разговоры мотор «пазика» свирепо заурчал, и машина покатила с высокого склона к дороге на Очамчира.

...Вот здесь, в Очамчира, Женя слезла с арбы, поставила на землю два тяжелых чемодана, наполненных домашней снедью и бутылками с вином, и впервые по-настоящему задумалась: как же ей быть? Поезда ходили в сторону Туапсе, но только военного назначения. Она попыталась пристроиться в теплушку, но тотчас же была отогнана. Очамчира нельзя было узнать, так все здесь преобразилось. На перевалах Кавкасион стояли немцы. Как Сухуми, как Поти, Очамчира стал прифронтовым: по дорогам катилась военная техника, повсюду сновали военные. Но удача пока что сопутствовала ей: подвернулся, как в сказке, едва знакомый шофер грузовика, который отправлялся в рейс в Геленджик. Он вез в кузове какие-то бочки. Женя достала из чулка тряпочку с деньгами и все отдала ему, лишь бы он посадил ее с чемоданами, спрятал среди бочек...

Да, Женни надо было в Геленджик, непременно в Геленджик. За прошедший месяц жизнь ее перевернулась вверх дном. Сначала умерла от менингита ее младшая дочь, сгорела в несколько дней. Женя осталась в доме одна. Она еще горячо оплакивала ее, как вдруг пришла с фронта «похоронка» на мужа. Погиб смертью храбрых. Она несла эти два горя, как несли свои беды другие ее подруги-односельчанки, терявшие родных. У нее еще был Ваню, и это держало ее. Но тут третий удар, как обухом по голове: Ваню написал, что ранен и лежит в прифронтовом госпитале. Земля закачалась под ее ногами. Слезы высохли. Она стала думать: Ранен? А может быть, уже нет в живых — сколько шло письмо! А может быть, плохо ему так, что только материнская рука ответит от него смерть? Наверно, надо накормить

его вкусной едой, подкрепить домашним вином. Где этот Геленджик, откуда пишет Ваню? Где бы ни был, а она к нему доберется!...И начала бегать по селу, наполнять чемоданы.

...Как и тогда, наверно, кричат и мечутся чайки над очамчирским берегом. Курортный городок в зимнюю пору кажется пустынным. Вырос и застроился за эти прошедшие мирные десятилетия. Едем по новой улице имени Володи Пачулия. Володя был юношей, совершившим на войне такой же подвиг, как и Матросов. Из Очамчиры родом счастливец Мелитон Кантария, Герой Советского Союза: ему довелось водрузить знамя Победы над берлинским рейхстагом. Ваню Жвания вместе с отцом своим тоже сделал первый шаг в войну от очамчирского военкомата. И у него своя военная судьба, в общем-то не похожая ни на какую из других.

Наш «пазик» минует Сухуми. Ночевка в Сочи, и снова путь вдоль берега моря. Не стану уверять, что весь этот путь полон воспоминаний, что сын и мать рассказывают нам или друг другу о том, как все это было тогда. В свое время они уже обо всем переговорили. Пережевывать же снова не умеют, не таковы. Для Жени этот ее десант на бочках, прыжки в канавы во время бомбежек с воздуха, встречи с обозами, идущими навстречу, — все это было так странно, так дико и жутко, что давно уже опустилось в самые глубины памяти и не хотело оттуда выходить. Ваню же ехал и зорко поглядывал из окна машины по сторонам. Он ведь тоже вырвался за пределы своего Охурейя в кои веки!

Да, это было явно, Ваню нравилась природа, довольно схожая с природой его родных мест. Но его удивляло, почему люди селятся под горами, а не ставят дома на горах или на склонах гор, как в его краю. С горы-то лучше видно, а человек создан, чтобы видеть и наслаждаться красотой! Проезжая самые северные чайные плантации, он хвалил краснодарских чаеводов, припомнив также, что их местный охурейский технолог с чаефабрики ездил сюда помогать краснодарцам. Это наполняет его душу гордостью. Отобедав однажды в захудалой придорожной столовой дрянными купатами и запив их кофе-бурдой, он со смущенным видом встал из-за стола и молча развел руками. Так деликатно выразил он чувство неловкости за тех, кто позволяет себе готовить из продуктов неудобоваримую для человеческого организма пищу. На каждой нашей стоянке он находил солидного, на его взгляд, собеседника и заводил с ним разговор о

Давно он не писал, давно. С чего это вдруг вспомнил? Она быстро пробежала глазами две тетрадных странички и, когда дошла до сути дела, скомкала письмо и швырнула его на пол.

— Поздно вспомнил. Надо было раньше...

Она зло посмотрела на Ладю.

— А тебя он ко мне заместо себя в любовники посылает, что ли? Тыфу на тебя, мальчишка! Не дорос еще, чтобы со мной любовью заниматься!..

Ладю опешил. Не знал, что сказать.

— Извините, но... Я совсем не знал... Мне бы угол снять на время, пока устроюсь...

— У меня углов нету. Я вся круглая. А ну, валий отседова!..

Ладю скатился вниз по лестнице, а вдогонку неслись слова, каких он еще не слышал.

Моросил дождь. А ботинки — дырявые...

Вторую ночь он провел на Савеловском вокзале. Как хорошо, что в Москве так много вокзалов!..

— Гражданин! — (Так называли его впервые). — Здесь спать не полагается. Ты куда едешь?

— В Архангельск!

— Так то с Ярославского вокзала, а это — Киевский. Здесь тебе делать нечего!

В самом деле, здесь ему делать нечего.

Зашел в туалет, ополоснул заспанные глаза холодной водой и вышел на привокзальную площадь.

Было раннее утро. Увидел трамвай. Нашел уютное местечко в уголке и уснул.

За три копейки он кружил по Москве три часа и видел волшебные сны.

Изо всех снов ему запомнился один: рыжий лохматый пес протягивает ему лапу, а глаза его полны слез.

Вышел неизвестно на какой остановке — да какое это имело значение!

Надо начинать все сначала.

Арбат.

Ладю протянул руку к звонку, но вдруг услышал звуки рояля.

Что-то давно знакомое вдруг нахлынуло на него. Он прислушался. Нет, это не Бетховен и не Шопен. Это — экзерсисы Ганона.

Когда-то и он играл их. В те мальчишеские годы он ненавидел эти экзерсисы — в них не было музыки. А теперь он стоял за дверью и слушал их, и они казались ему лучезарной музыкой, возвращающей ему детство и вселяющей надежду на будущее.

Ладо со всей силой нажал на кнопку звонка.

Дверь открыла девочка лет пятнадцати. У нее были небесно-голубые глаза, рубиновые губы и жемчужные зубы. (Боже, какие банальные сравнения! Но она в самом деле была такой).

— Извините, у меня письмо к Сокольским.

— Сокольская — это я!

— Вы?

Ладо сделал паузу. Он был смущен.

— Но, наверное, это письмо не к вам, а к вашим родителям...

— Мамы и папы дома нет. А я здесь. Давайте письмо!

Она вскрыла конверт, но потом, спохватившись, сказала:

— Да вы входите, чего стоите!

Ладо вошел.

Таких квартир он еще не видел. Высокие потолки. Сверкающий паркетный пол. На стенах картины. На окнах — гардины. Мебель, на которую он не осмелился бы сесть.

— Садитесь! — сказала она.

— Нет, благодарю, я постою.

Она раскрыла письмо. Быстро пробежала глазами.

— Вот оно что! Ну ты садись, садись, не стой, как чучело!

Это придало Ладо бодрости.

— Так ты — грузин?

Этого вопроса он ожидал меньше всего.

— Да, грузин.

— Ты не похож на грузина.

— Почему?

22 июня 1941 года. Не состоялось. По зданию прошла война: обрушенные стены, следы снарядов и пуль, зияют огромные дыры на фасаде. И здесь же, недалеко — остов знаменитого уже теперь товарного вагона, превращенного в решето тысячами осколков и пуль. Не требуется слов: здесь было очень горячо...

Именно в эту пору солдат Жвания выписался из госпиталя и вместе с другими шел на пополнение в район цементных заводов. Шел в пешем строю из Геленджика. В воздухе уже пахло весной. Рота вступила на восточную окраину города, слева — бухта, справа — горы. От шоссе видно, как тянутся в горы ущелья и балки. Роте следовало занять позиции в одном из этих мест. Канонада уже гремела совсем близко, цементные заводы видны, вот-вот командир Морозов отдаст приказ свернуть с дороги и двинуться по ущелью вверх.

И тут Ваню видит на дороге, где только военная техника, пилотки да бескозырки, сидит на чемоданах женщина. В следующее мгновение думает: «Странно. В черном женщина. Так ходят только в наших местах...» Потом губы его шепчут: «Дэди...» Тут же кричит во всю глотку: «Дэди!!!...» Женщина встает, простирает руки на зов, не видя, а только чувствуя Ваню. Рота — одно сплошное лицо. Забыв обо всем на свете, Ваню выбегает на обочину, они обнимают друг друга, бормоча бессвязные слова. Морозов останавливает роту:

— В чем дело, Жвания?!

— Это мама моя! Мама!!!

Времени на размышления нет. Что делать? Оставить женщину на такой дороге? Это бесчеловечно! Взять ее в окопы? Эх, была не была...

— Принять у женщины чемоданы, — приказывает Морозов, — Жвания, бери мать и пристраивайся в хвост....

Они сворачивают с шоссе и начинают подъем.

...Сейчас мы ищем это место. Не окажись на нем Женя в тот час и миг, не пройди мимо него рота в тот час и миг, все могло сложиться иначе. И сейчас, спустя десятилетия, трудно это место найти: все застроилось, изменилось. Ваню только помнит (он все-таки солдат!), что другие ущелья были сухие, а по тому, куда они свернули после встречи, журчала маленькая речушка.

Наконец мы находим улицу, крутую, в гору, по которой струится вода.

— Вот эта! — кричит Ваню и несется вверх. После того как место встречи найдено, он, до сего времени спокойный и задумчивый, приходит в сильнейшее возбуждение. Улица плотно застроена «малокалиберными» домишками всякого соблюдения архитектурных канонов. Горная окраина Новороссийска! Прохожих мало, но каждого Ваню останавливает, чтобы свериться, правильно ли мы идем и есть ли там, наверху, большое бетонное укрепление, блиндаж.

— Бассейн? — переспрашивают его. — Да, бассейн есть.

И долго смотрят вслед, догадываясь, что наверно солдатик здесь воевал.

Навстречу идет могучего сложения старик, не менее восьми десятков лет. Останавливается, от него сильно несет сивухой. Рассказывает, что цементником был, с цементного ушел на войну, на цементный вернулся с войны. Дочь погибла в морских частях. Сам танкистом Украину защищал.

— А тебя, друг, значит в нашей балке поливали свинцом?..

Еще выше на склоне — одинокая, хорошо ухоженная могила. Написано: «Солманида Ивановна Бунеева. Убита в 1942 году». И более ничего. Жители улицы ухаживают за ней. Для них это не могила одного человека, а могила всех, кто здесь умирал...

Женя подходит к ограде, останавливается, скорбит. Женя в противоположность Ваню замкнулась совсем, молчит и думает о своем. Только однажды, остановившись у речушки, разряжается единственной фразой:

— Она была красного цвета... от крови...

И вот улица кончилась, движемся по крутой тропе, ущелье вдруг ширится, образуя плоскую поляну, и на поляне видим большой резервуар с водой.

— Тут был штабной блиндаж, замаскированный накатом, — говорит Ваню.

Высоко над нами знаменитая Сахарная голова, на макушке которой засел хорошо укрепленный немец и беспрепятственно обстреливал все, что лежало перед ним. Как тут держались люди, уму непостижимо... Бывало, после налета самолетов на деревьях повисали трупы погибших солдат, подброшенных на ветви взрывной волной. А на смену им по «речной улице» шли новые пополнения: нельзя было оставлять ущелья, нельзя было отдавать врагу ни пяди земли!..

Вано исчезает надолго и появляется откуда-то сверху скатываясь с крутого каменистого склона: искал памятные места, куда его и других солдат посылал командир. Там они откапывали себе индивидуальные окопчики: ущелье стреляло, ущелье сопротивлялось как могло.

А что Женя? Женя то и дело обводит взглядом бугры, поросшие рыжей травой, склоны, выложенные слоистым камнем. Где-то, как ей кажется, может быть и тут, была ее первая землянка, а точнее берлога, которую откопал Вано: за первую ночь надо было вдоволь наговориться один на один, а Жени — наплакаться на сыновьем плече. И рассказать об Охурее, о домашних бедах. Рассказать, как добралась она до Геленджика, нашла госпиталь, а там сказали ей: «Здоровый твой сын, поправился, ушел снова воевать!».. «Куда ушел!?!» Махнули в сторону Новороссийска. Известие и обрадовало Женю, и огорчило, потому что не увидеть Вано она уже не могла. Да и как быть с чемоданами, наполненными едой? И снова она вышла на большую дорогу, лицом туда, откуда доносился грохот войны. Где пешим ходом, а где и подбрасывали ее, жалея, шоферы и танкисты, а пришла все-таки Женя в Новороссийск. И вот она здесь.

— Она здесь! — увидел ее на следующее утро командир Морозов и приказал подселить в землянку к девушкам-санинструкторам. Там кипела работа день и ночь. Что в это время делала Женя? Она стирала в речке белье, стирала бинты, помогала перевязывать. Никогда ни до, ни после не досадовала она так, что не знает языка, а то могла бы еще чем-нибудь помочь этим изнемогающим от усталости девушкам.

Вано появлялся редко, на несколько минут — почерневший, пыльный, страшный. Но и эти минуты были для Жени счастьем. Заглядывали к Жени и его товарищи, которых она потчевала в первые дни охурейскими лакомствами. Но, не умея общаться, они лишь смотрели в ее глубокие материнские глаза, наверно вспоминая своих матерей. А это, к слову сказать, не так уж мало и незначительно, хотя напрямик к военным операциям не имеет отношения.

Не помнит сейчас Женя, сколько времени прошло, может быть две-три недели, а то и месяц, подошел к ней командир Морозов вместе с Вано и попросил перевести матери, что он благодарит ее за все, что она здесь делала, но гражданскому лицу находиться в расположении войск недозволено. Он просит ее напоследок сопроводить группу раненых

в Геленджик, а дальше — отправиться домой. Женя глянула прощально в глаза Ваню, потому что поняла, что так там не прожить до. И за то спасибо, что дали успокоиться. Хотя, в общем-то, как можно было успокоиться, увидев это ущелье? И тем не менее было так: она возвращалась спокойной.

А Ваню продолжал воевать в этом и в других ущельях под Новороссийском, выбивая противника из города. Шел дальше на Тамань, Керчь, Севастополь до второго тяжелого ранения, вернувшего его в Охурей. И все это время не покидало его чувство, будто Женя рядом с ним и ничего плохого не должно случиться. Более того, о его матери то и дело спрашивали однополчане, даже те, кто никогда не видел ее, а знал, что и она была с ними под пулями и снарядами.

Пришел он домой с одной медалью на груди: «За боевые заслуги». Хорошая, считает Ваню, медаль. Хорошее имеет название. Если б можно было уточнить и расширить его, оно, возможно, выглядело бы так: «За боевые заслуги, выразившиеся в том, что он, Ваню Жвания, вместе с другими советскими солдатами стоял насмерть в самой горловине Сухумского шоссе и не пустил врага на нашу цветущую землю». Вот тогда понятнее было бы все, что появилось у него позже, в мирное время, за дела на этой сохраненной земле: два ордена Трудового Красного Знамени, орден Трудовой Славы, две золотые медали ВДНХ...

И все же, считает Ваню, во всем этом прежде всего «боевая заслуга» Женя, владеющей одним, но очень важным оружием — материнской любовью к сыну, к земле, к дому, к людям вообще...

...Вот так закончился наш короткий рейд в один исключительный случай на войне. Воспоминания — вещь нелегкая, особенно для людей, которые живут ясно и просто. Женя и Ваню утомило возвращение к тем дням. Это чувствовалось, и было перед ними как-то неловко. Но люди потому и люди — всё, что случается с ними, принадлежит не только им.

Амиран АБШИЛАВА

„ПОТИЙСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ“

ВРЕМЯ и люди... На-
верное, очень дока-
зательно, что сегодня в нау-
ке о развитии общества
человековедение как особо
значимая область знаний
выдвинуто на первый план.

При территориально-меж-
отраслевом объединении в
Поти создана социологиче-
ская служба (старшая —
Русудан Илашвили), кото-
рая на основе конкретных
социологических исследова-
ний подготавливает програм-
мы, рекомендации и соответ-
ствующие решения, перио-
дически собирает данные о
ходе осуществления про-
граммы социального разви-
тия, точную информацию о
ходе выполнения коллектив-
ных договоров входящих в
объединение предприятий и
организаций.

Эта служба путем систе-
матического опроса насе-
ления определяет и устанав-
ливает, на какие хозяйст-
венные продукты в городе
повышен спрос, дефицит ка-
ких товаров испытывают по-
требители или какой участок
сферы обслуживания вызы-
вает недовольство или, нао-
оборот, удовлетворение по-
тийцев.

Главной силой, резко

* Главы из книги. Продол-
жение. Начало см. в № 10.

повернувшей к успеху почти гиблое дело, явились, конечно же, люди. Основная движущая сила экономического эффекта опирается на нравственную. Экономика, народно-комплексно-синхронными знаниями, организационным и, конечно же, коммерческим талантом, требует от людей и предельной честности.

Хороший специалист, если он не обделен духовными ценностями, не изменит своим принципам, не смирится с ложью и лицемерием, не станет сыпать с трибуны словами.

Больше года пробыл я в Поти. Не скрою — больше всего времени мне потребовалось на изучение наболевших плановых и финансовых вопросов... Изучение — слишком громко сказано. Я мучительно старался получить общее представление, поскольку без этого не смог бы элементарно объяснить саму сущность эксперимента.

Добро наживается расчетливостью, экономией денег, бережливостью — это азбучная истина. В деле, связанном с бюджетом, деньгами, финансами, планами, стихийность должна быть исключена. Без тщательно продуманной научной методики работать здесь нельзя. Поэтому плановая, экономическая и финансовая области эксперимента в Поти являются самыми трудными участками.

Разобраться в этом деле мне очень помогали второй секретарь городского комитета партии Джемал Кахиани, заведующий финансовым отделом горисполкома Гурам Кодау и начальник планово-экономического отдела территориально-межотраслевого объединения Алексей Мясников.

Я делал записи, копался в словарях, читал протоколы, постановления, специальную литературу, и все равно до конца не разобрался.

Наконец, преодолев гордыню, пошел и признался Джемалу Кахиани о своей беде.

Джемал улыбнулся и снял телефонную трубку.

— Ироди, к тебе сейчас придет человек, и, прошу тебя, не поленись, объясни ему как следует все, о чем он спросит.

И вот я в банке. Управляющий Ироди Дараселиа оказался молодым и чутким человеком, который терпеливо и последовательно ознакомил меня с жизнью и работой банка, разъяснил вопросы, связанные с начавшимся здесь отраслевым экспериментом.

Несколько дней я провел у Дараселиа, у его сотрудни-

ков, стараясь не пропустить ничего значительного. Внимательно ознакомился с совместным постановлением Потийского городского комитета партии, Республиканской Госбанка, Центрального статистического управления и исполкома городского Совета народных депутатов Поти, с положением «Об осуществлении эксперимента по совершенствованию организации кредитно-расчетной работы в объединениях, на предприятиях, в организациях отдельных районов и в основанных между ними агропромышленных объединениях Грузинской ССР», следил за ходом сложнейших банковских операций, большинство которых, естественно, так и остались для меня тайной.

Расскажу о том, что сумел понять.

Общезвестно, что в современных условиях в деле управления народным хозяйством решающее значение придается так называемому инвестиционному комплексу, сказать яснее — объединению денежных интересов целого ряда отраслей в единый комплекс.

Иного мнения на этот счет сегодня не существует. Это — аксиома.

А механизм капиталовложений, финансирования, кредитов, существовавший в семидесятых годах, не в полной мере способствовал эффективности этого значительнейшего процесса народного хозяйства.

Возникла необходимость отыскания новых путей. В частности, перед финансистами встал вопрос — изыскать новые средства для повышения эффективности капиталовложений. По их мнению, банк должен был активно вмешаться в хозяйственную деятельность организаций, предприятий и вести ее оперативный контроль рублем, изменить принцип, оценки эффективности механизмов планирования, финансирования и кредита и устаревшие методы обработки информации.

Что же касается фонда зарплаты, финансисты, да и экономисты, настоятельно требовали, чтобы каждое предприятие вырабатывало его самостоятельно; это научит их экономическому мышлению и перекроет пути вредной тенденции — попыток как-нибудь добиться от государства уменьшения количественного плана и увеличения фонда зарплаты, — утверждали они.

Перспективно мыслят специалисты. Такая постановка дела, естественно, будет способствовать сочетанию интересов человека, производства и общества.

Да, но ведь возможно же и такое, что предприятие и

план выполняет, и продукцию выпускает качественную, но ее уже изготовлено столько, что потребителя и рынка у нее не стало. Каким образом сможет предприятие сохранить уровень зарплаты в этом случае?

— В такой ситуации, — советуют нам те же компетентные специалисты, — организация должна освободить работника и перевести его на другой действующий участок, испытывающий нехватку трудовых ресурсов. Правда, — предполагают они, — трудно себе представить, что предприятие займет такую позицию; если на продукцию нет спроса, оно вынуждено и обязано будет освоить выпуск нового вида продукции и обеспечить тем самым прочный, интенсивный рост производства.

Согласитесь, задача не из легких.

«Эксперимент куда труднее теории», — это говорит академик Капица.

Ведь эксперимент — это теза, которая должна подтвердиться на практике.

В чем же сущность и содержание этой тезы?

Как я уже говорил, мне трудно продираться в дебрях финансовых сложностей, и я снова хочу прибегнуть к специалистам этого дела. Управляющий республиканской конторы Госбанка Союза ССР Владимир Патеишвили в беседе с корреспондентом ГрузИНФОРМа А. Шаршуновым разъяснил:

— Цель нового банковского эксперимента — значительное совершенствование действия кредитно-расчетного механизма, повышение его эффективности в областях денежного обращения, финансирования, кредита с целью успешного выполнения народнохозяйственных планов. Иначе говоря, он предусматривает увеличение роли банка в достижении высоких конечных результатов в деятельности предприятий. Внедряется порядок регионального выделения кредита, что обеспечит более правильную и обоснованную аргументацию потребностей хозяйств в кредите.

То есть по новому правилу окончательный результат деятельности предприятий и организаций — главный оценочный показатель — определяется лишь дифференцированным кредитованием и расчетом. Если, согласно старому положению, банк за пользование кредитом заставлял платить одинаковый процент как хорошо, так и плохо функционирующие предприятия, то теперь предприятие с высокими экономическими показателями ставится в привилегированное положение.

ние — за пользование кредитом оно платит на двадцать процентов меньше прежнего. Зато на столько же больше прежней суммы будет платить за пользование кредитом плохо работающее предприятие.

В том же интервью, объясняя преимущества этого нововведения, управляющий республиканским банком привел такое сравнение: «...в прошлом году предприятия и организации Поти (и хорошо, и плохо работающие) заплатили в конечном счете банку за пользование краткосрочными кредитами 1,8 миллиона рублей. В условиях новой системы расчета хорошо работающие предприятия и организации города «сэкономили» бы 370 тысяч рублей, которые зачлись бы им как сверхплановая прибыль. Тем самым они способствовали бы хорошей работе и в финансовом смысле.

Банковский эксперимент в республике — начинание совершенно новое. Что же сделано для осуществления его именно в Поти? Есть ли у территориально-межотраслевого объединения какие-нибудь предоставленные государством привилегии, хотя бы в материально-техническом отношении?

Никаких, ибо в противном случае невозможно было бы установить эффективность эксперимента. Что же касается его государственного значения, то величайшее внимание, которым окружено каждое устремленное в будущее начинание у нас, — уже привилегия (всеобщая, а поэтому и государственная).

Государство доверяет новаторам-экспериментаторам.

И все же, в чем основная тайна эксперимента, его основная концепция?

На этот вопрос можно ответить по-разному.

Первое — это формирование самостоятельности мышления, что выражается в полном совпадении экономических интересов производственных и управленческих организаций.

Второе — и это является основным предзнаменованием успеха — в личной ответственности каждого участника эксперимента: каждому из них предоставляется полное право действовать на вверенном ему участке по своему усмотрению. Такая свобода в действиях полностью выявляет его способности и возможности. И оценка определяется конечным результатом.

Это уже и гарантия исполнительской дисциплины.

И третье — целый комплекс нравственных ценностей, определяющий то, что уже через два года потийцы убедит-

лись в перспективности своего начинания, его результативности и, что самое главное, справедливости.

«Тайну» успеха эксперимента можно объяснить еще одним составляющих его компонентов.

Стержень эксперимента, или, иначе говоря, основа — в партнерстве... А ведь оно может быть основано только на доверии и верности своему слову — неперемных условиях честности и нравственности!

К сожалению, в последние десятилетия этот значительнейший стимул деятельности людей — нравственность — заметно упала в цене, на арене появились гомо сапиенс нового типа, которые обходятся и без нее. Известный советский ученый, доктор философских наук В. И. Шубкин очень остроумно и справедливо называет их «компьютерными» (см. «Человек нравственный и человек компьютерный» — «Литературная газета», 10 ноября 1982 г.).

Может быть, и эту человеческую аномалию породила научно-техническая революция?

Нет, техника тут ни при чем, заверяет ученый. «Компьютерный» тип людей появился еще задолго до появления компьютеров, они, по его мнению, имеют следующие отличительные черты: все меряют на свой аршин, и в мыслях только одно — «выгадаю или проиграю... проиграю или выгадаю?» Конечно же, в народном хозяйстве нельзя и шаг ступить без расчета. Экономика требует именно такого оптимального и рационального подхода, но «человек компьютерный» смотрит на прибыль и потери не с общественно-экономической точки зрения, а сквозь призму собственных интересов.

Прав ученый, когда утверждает, что такие люди считаются с общественным делом до тех пор, пока видят в нем собственную выгоду, пока есть возможность урвать кое-что и себе.

Такой человек, по мнению того же Шубкина, почувствует выгоду, и глазом не моргнет — продаст и друзей-товарищей, и общественное дело.

Почему мы так подробно остановились на этой вредной, выражаясь языком медицины, эпидемной бацилле?

На наш взгляд, эксперимент можно считать и пробным камнем человеческой нравственности, испытательным стендом характеров, на котором компьютерный гомо сапиенс тут же становится виден. А поиску требуются люди чистые, честные и надежные. Именно такие люди создают в коллек-

тивах ядро единомышленников и здоровый рабочий климат

А «компьютерную» эпидемию ни собраниями, ни голо-
сованием не вывести; искоренение ее требует основательных
если угодно, радикальных мер.

Я не хочу сказать, что с экспериментом в городе воца-
рился идеальный порядок. К сожалению, это еще не так. Но
уже сегодня зарвавшихся деяг в Потти меньше, чем в дру-
гих местах. А вот рабочие руки поистине на вес золота.

Развитие экономического потенциала города тесно связа-
но с положением в капитальном строительстве.

«...Капитальное строительство все еще остается слож-
ным объектом для управления. На сегодняшний день оно ве-
дется на 54 объектах, сметная стоимость которых составля-
ет 66 818 тысяч рублей. Здесь работы ведут 25 строитель-
ных, 11 субподрядных организаций с аппаратом управления
в различных городах страны и республики. Подобная разъ-
единенность заказчиков и строителей, существование терри-
ториального управления резко осложняют выделение пла-
нирования и строительных работ, вызывают параллелизм и
путаницу в расходовании ресурсов» (Из материалов 45-й го-
родской конференции Потийской организации Компартии
Грузии).

Как вы сами убедились, положение в капитальном строи-
тельстве города тяжелое. А ведь к концу 1984 года должен
быть обеспечен ввод в строй цеха блоков на заводе им. С. Ор-
джоникидзе, 25 тысяч квадратных метров жилой площади,
детского сада на 140 мест, овощехранилища управления рыб-
ной торговли и первой очереди строительства завода круп-
ноблочных железобетонных изделий, производительность ко-
торого составит 37 тысяч кубометров в год и должна полно-
стью удовлетворить не только потребности городской жилищ-
но-строительной программы, но и потребности соседних райо-
нов. В 1985 году в строй должна вступить трикотажная фаб-
рика, которая станет одним из важнейших производствен-
ных объектов города.

Если ко всему сказанному добавить и городские улицы,
из которых лишь 47,4 проц. имеют твердое покрытие, а так-
же благоустройство, коммунальное обслуживание населения
и другие наболевшие вопросы городского хозяйства, требую-
щие упорядочения, то вы легко сможете себе представить
прямо-таки бедственное положение дел.

Потийские коммунисты много думали над этой пробле-
мой и на городской партийной конференции высказали мне-

ние о том, что в городе следует создать орган опять-таки по принципу сочетания территориального и отраслевого управления, который будет выполнять координационно-контрольные функции и объединит в двойном подчинении строительно-монтажные организации, предприятия строительной индустрии, транспортные, снабженческие и другие подразделения.

Такая структурная схема уже выработана и требует рассмотрения в соответствующих инстанциях.

Недавно я присутствовал на созванном у первого секретаря городского комитета партии собрании строителей.

— Неправильная информация есть неправильная ориентация, — прямо начал Бакур Гулуа, — поэтому давайте говорить начистоту: где у нас трудности и с чем они связаны?

И строители, как говорится, стали выкладывать все начистоту. Разговаривать иначе в этом кабинете просто невозможно. В этом я не раз убеждался лично.

Строители, наряду с другими проблемами, о которых мы уже говорили, сказали о нехватке рабочих рук.

— На сегодня, — говорит заместитель председателя исполкома городского Совета Гиви Хомерики, — наш город в разных отраслях народного хозяйства испытывает нехватку 1225 рабочих 60 различных специальностей.

Я много раз имел разговор на эту тему с рядовыми работниками строительных объектов, совхозов, и все, кого мне удавалось вызвать на откровенность, наряду с неудовлетворительным уровнем социально-бытовых условий, причиной нехватки рабочих рук и текучки в первую очередь называют низкую оплату труда. Если, говорят, рабочему не заплатишь вдвое больше положенного, не остаются, бегут.

— Ну и откуда же вы даете, из какой суммы? — спрашиваю я.

— Приписки, манипуляции всякие, «изобретательство», а что нам еще остается делать? — отвечали они.

А Хомерики, многоопытный инженер, смотрит в корень этой загадки.

— Не исключено, что нарушающий закон во время «приписывания», глядишь, и в свой карман потянет... Почему? Да потому, что оплата труда подсобного рабочего выше, чем средняя зарплата, скажем, инженера, учителя, врача или другого специалиста, — откровенно заявил он на собрании.

Конечно же, трудно работать на строительстве или, скажем, на плантации рабочим. Подсчитано, что для того,

чтобы собрать один килограмм побегов чая, рабочему надо сделать тысячу движений, но, как было отмечено чуть выше, невозможно закрывать глаза и на аргументы дипломированных специалистов — работников умственного труда.

Давайте подумаем: произошла научно-техническая революция. Умные машины, технические новинки требуют соответствующего управления. Ведь не самое же главное иметь технику, оказывается, не менее важно и то, кто и как управляет ею.

В связи с этим роль специалиста на производстве, его влияние, и, естественно, возможности возросли астрономически. Помимо того, что специалист должен знать экономику, технологию производства, электронику, должен уметь управлять современными сложнейшими электронно-вычислительными машинами, быть программистом, оказывается, необходимо также, чтобы он был нравственно совершенным, морально сформировавшимся...

И еще: он должен быть материально обеспечен.

— Если в денежной оплате рядового работника и инженера не будет никакой разницы, то инфляция инженерных кадров неизбежна, — утверждают социологи.

Над этой проблемой давно уже бьются и спорят социологи, экономисты, писатели, публицисты. Соответствующие выводы делают партийные, советские, профсоюзные, комсомольские работники, и результатом именно этих обсуждений явились те позитивные сдвиги, что так заметны стали в последнее время у нас в стране.

Вообще, если судить по задуманным партией и правительством мероприятиям, в случае решения этих проблем на основе единого, комплексного подхода, продиктованный совершенно иными обстоятельствами существующий хозяйственный механизм, само собой, изменится, отрезаны будут пути длящимся десятилетиями инерции и инертности, короче говоря, много сделается полезного, а вот проблема нехватки рабочих рук все равно будет существовать, и, возможно, более остро, чем в прежние годы. Об этом говорят нам демографические данные, и, что самое главное, научно-техническая революция выдвинула совершенно иной тезис: больший трудовой эффект с меньшими затратами физической энергии.

Именно этот фактор изменил в основном психологическое отношение человека к труду — он уже косо смотрит на тяжелую физическую работу. По правде говоря, логично. Тру-

довые резервы у нас, конечно же, есть, и их не так уж мало. «...Эти резервы надо искать в ускорении научно-технического прогресса, широком и быстром внедрении в производство достижений науки, техники и передового опыта» (из материалов ноябрьского (1982 г.) Пленума ЦК КПСС).

Может быть, уже настало время, чтобы каждое предприятие в своей деятельности руководствовалось в основном современными научно-техническими основами, смело внедряло самые передовые методы работы и соответственно решало бы проблему дефицита рабочих рук.

Потийские экспериментаторы выдвигают свои оригинальные доводы в этом вопросе.

— Мы тщательно изучаем, — говорит директор завода гидромеханизмов Ким Чиковани, — каждое хозяйственное начинание, зарождающееся в любом из городов страны, или передовой опыт, и если хоть какое-нибудь из них совпадает с нашими социальными или производственными интересами, то мы, естественно, перенимаем его.

Именно в результате учета современных достижений научно-технического прогресса родился отличный почин рабочих Потийского завода гидромеханизмов: «Максимальную продукцию — с минимальными затратами», нашедший широкий отклик на многих предприятиях республики.

На заводе интенсивно совершенствуются технологические процессы. Успешно прошел испытания крупногабаритный, оснащенный сложными конструкциями новый земснаряд типа М-3-11. Экономический эффект, полученный от внедрения рационализаторских предложений передовых работников В. Агапевича, Г. Абшилава, Г. Кавтарадзе, А. Забичука и других, составил 44,9 тысячи рублей.

Значительно увеличил в последнее время свой потенциал судоремонтно-судостроительный завод. Как уже отмечалось выше, выпущенная здесь продукция успешно выдерживает конкуренцию на зарубежных рынках и пользуется повышенным спросом.

Почин инженера-судостроителя под девизом «Решению экономических задач — инженерное обеспечение» внес определенный вклад в дело научно-технического прогресса на заводе. Этот почин быстро распространился по предприятиям города благодаря деятельности территориально-межотраслевого объединения: по примеру судостроителей инженеры строительного управления взяли на себя дополнительные обяза-

тельства по увеличению доли своего участия в проведении
строительно-монтажных работ. А в порту (начальник Георгий
Ватаев, секретарь партбюро Зураб Гулордава) взяли на се-
бя 32 инженера, в результате чего дополнительный экономи-
ческий эффект составил 11 тысяч рублей. А всего здесь за
десять месяцев текущего года от внедрения рационализатор-
ских предложений уже получен экономический эффект в 85
тысяч рублей.

Славные богатыми традициями портовики в свою оче-
редь дали начало новому почину. По предложению главного
энергетика порта Александра Проценко родилась новая иници-
атива: «Топливо-энергетическим ресурсам — экономный
расход».

Городская комиссия по экономии материальных и топ-
ливо-энергетических ресурсов одобрила это начинание и
сочла нужным повсеместное распространение метода порто-
виков на предприятиях и в учреждениях города.

Примечательны также мероприятия завода «Потизлек-
троаппарат» (директор Игорь Мамаладзе, секретарь партбю-
ро Валериан Кулуа), направленные на экономию и рацио-
нальное использование сырья, энергетических и других ресур-
сов, предусматривавшие применение экономического сорта-
мента и профиля, уменьшение материалоемкости и энергоем-
кости, использование отходов производства, сокращение сверх-
нормативных запасов материалов, цен, потерь, обусловлен-
ных браком, и непроизводительных потерь. Эти мероприя-
тия дадут заводу экономический эффект в 150 тысяч рублей
в год.

О культуре производства на «Потизэлектроаппарате» го-
ворит и тот факт, что темп роста чистой нормативной про-
дукции опережает выпуск товарной продукции.

Предприятие накопило также большой опыт в использо-
вании технической воды артезианского колодца вместо питье-
вой для технических нужд. Этот опыт уже внедрен в «Кол-
хидстрое», автотранспортном предприятии № 1, в троллейбус-
ном управлении, на объектах жилищно-бытового обслужива-
ния населения и др. К строительству артезианских колодцев
уже приступили на заводах судоремонтно-судостроительном,
гидромеханизмов, электромашинных усилителей, пивном и
фруктовых вод, винном, а также в управлении океанической
ловли, на хлебокомбинате, комбинате железобетонных кон-
струкций и др.

Осуществление этого мероприятия экономит 40 проц. всей питьевой воды города.

Ордена Трудового Красного Знамени Потийский мукомольный завод (директор Александр Хорава, секретарь партбюро Элгуджа Ткебучава) пока что единственное предприятие города, носящее почетное звание коллектива коммунистического труда. По итогам прошлого года работа завода получила большое признание на Выставке достижений народного хозяйства Союза ССР — за совершенное производство манной крупы высшего сорта и муки первого и второго сортов Главный комитет выставки наградил коллектив Дипломом третьей степени и бронзовой медалью.

За шесть месяцев текущего года здесь за счет совершенствования технологии подготовки зерна к помолу его сэкономлено 2 438 тонн, а электроэнергии — 214 тысяч киловатт-часов, тем самым завод заслужил звание лучшего предприятия Министерства заготовок республики, а в течение десяти месяцев на заводе сэкономлено 3 200 тонн зерна и 286 тысяч киловатт-часов электроэнергии.

На заводе электромашинных усилителей (директор Мурман Долидзе, секретарь партбюро Бадри Дгаркава) путем внедрения прогрессивных научно-технических методов достигнуты высокие темпы развития производства, превышающие среднереспубликанские.

Технический прогресс вторгся и в леса Колхиды. На непроходимых болотах в течение ряда лет сильно увеличилось количество престарелых деревьев, давно требующих рубки и с биологической точки зрения. Но с этим еще можно справиться, а вот вывоз их ввиду труднодоступности почти невозможен.

Выполнить эту операцию директор лесного хозяйства Автандил Ткешелашвили предполагает с помощью вертолета.

— Это будет рентабельно — потери исключены, — говорит опытный лесничий, — деревья будут выносить по воздуху необрубленными; бревна пустим на стройматериал, а ветви и щепу обрабатываем технологически.

К тому времени, когда эти строки будут напечатаны, думаю, и опытные работы будут уже завершены.

Одним из принципиальных вопросов, которые подчеркнул ноябрьский 1982 года Пленум, был вопрос широкого внедрения передового опыта — бригадного подряда — в производственную практику. В самые короткие сроки стала видна

его огромная роль в повышении главного показателя эффективности труда.

Как обстоят в этом отношении дела в Потти?

Из двадцати промышленных предприятий города форма бригадного подряда применяется на пятнадцати.

— По правде говоря, — сказал мне во время беседы на эту тему заведующий отделением промышленности и транспорта при городском комитете партии Петре Берая, — в период создания хозрасчетных бригад мы увлеклись процентами, что не дало желаемого конечного результата. А те положительные результаты, которые все же были получены, мы не сумели обосновать экономически. Конечно же, на ряде предприятий проделан анализ деятельности заново созданных бригад: на заводе гидромеханизмов, заводе электромашинных усилителей, на «Потиэлектроаппарате», где производительность труда с первого же месяца повысилась на 13 — 20 проц., а то и больше. Значительно сократились непроизводительные потери рабочего времени, правда, на отдельных предприятиях они остались на прежнем уровне.

— Причина?

— Чтобы у вас создалось определенное мнение по этому вопросу, — советует мне Берая, — хорошо было бы посетить 7-й цех завода им. С. Орджоникидзе.

Заметитель директора завода Темур Хохобая и мастер цеха Александр Мамаладзе встретили меня каждый на своем рабочем месте.

В цехе № 7 занимаются очисткой корпусов и других частей стоящих на ремонте кораблей от ржавчины, остатков масел и топлива, красят их, производят деревянные части такелажного оборудования, корабельной мебели и монтируют ее на месте, в процессе постройки кораблей на подводных крыльях. Кроме установки мебели и обеспечения теплоизоляцией, цех обязан проводить отделку салонов и всех остальных помещений кораблей современными отделочными материалами.

Цех в больших количествах изготавливает специальную тару для экспортной продукции. Перечисленные виды работ технологически сильно разнятся как по требующейся для их исполнения квалификации, так и самим способом исполнения.

— Если очистка и покраска поверхности корабля, — объясняет мне мастер цеха, — не производит на организм работающего заметного отрицательного воздействия, то вы-

полнение той же работы в насыщенных газах внутренних помещениях корабля, порой труднодоступных, происходило в труднейших, неудобных для организма положениях и, требует обязательного применения респираторов, и, несмотря на принятие всех необходимых мер безопасности, у нас все же были нежелательные случаи. Это касается условий труда.

Такое же большое различие и в квалификации исполнителей. К производству и монтажу корабельной мебели предъявляется куда больше требований как в отношении материала, из которого она изготавливается, так и в отношении исполнения, нежели к обычной, пусть даже самого высокого качества. Таким образом, квалификацию производителей этой продукции не сравнить с той, что необходима при изготовлении ящиков, даже экспортного варианта.

Берая, дает более конкретную оценку ситуации:

— Такое большое различие в условиях труда и квалификации, вызывавшее невыгодные диспропорции в оплате труда, являлось одной из основных причин текучести кадров.

— Часты были случаи, — продолжает Мамаладзе, — когда рабочие одной профессии простаивали, в то время как другие не успевали выполнять свои задания. Это приводило к штурмовщине, нерациональной трате фонда зарплаты и порой даже к невыполнению производственных планов. Это специфическое положение осложнило внедрение бригадного метода в цехе.

— Поскольку созданные сначала бригады простой структуры, — включился в разговор Хохобая, — не смогли внести перелом в производственный процесс, мы создали в виде эксперимента десять бригад «нового типа», которые объединяли всех рабочих цеха, включая и подсобных, с оплатой в соответствии с коэффициентом трудового участия каждого. На собрании цеха мы дали им гарантию, что на протяжении месяца их зарплата не уменьшится, если они будут работать в соответствии со всеми требованиями бригадного подряда. Все на практике убедились в материальной и технологической выгоде этого метода, в результате чего он прочно закрепился в цехе.

Может быть, наше обещание сохранить всем уровень зарплаты во время эксперимента и превышало наши служебные полномочия, но мы верили в наш коллектив, мы были уверены, что никто не будет работать, да еще во время эксперимента, вразвалочку, небрежливо, с нарушениями дис-

циплины, что означало бы получение зарплаты за счет товарищей, и наша уверенность, как оказалось, имела прочную основу.

Если говорить конкретнее, бригадный метод помог укрепить дисциплину в широком смысле этого слова, взаимопомощь и взаимозаменяемость стали законом. Стабильно выполняются производственные планы и взятые социалистические обязательства, более того, коллектив оказался в числе передовых. План девяти месяцев цех выполнил на 103,3 проц.

— И несмотря на напряженную ситуацию, ожидающуюся в четвертом квартале, я не сомневаюсь в том, что цех выполнит годовой план, не так ли? — обращается к Мамаладзе заместитель директора.

— Да, конечно... Если вовремя дадите нужные материалы, и, в первую очередь, древесину соответствующей кондиции... Тогда наша голова, ваш меч... А нет, так...

— Прав этот человек, — обращается теперь уже ко мне Хохобая, — если не дашь материала, что мастеру делать? Ведь бригадный подряд всецело зависит от материально-технического снабжения! Существование сверхнормативных остатков, прорывы в оборотных средствах и другие огрехи, за которые нас нередко критикуют, более всего вызваны слабостью материально-технической базы. Это — наша ахиллесова пята.

Того же мнения держится и опытный инженер-машинист Даниэл Магалашвили.

— Как помочь этому делу?

Не знаю, как будет решаться эта проблема в других местах, а эксперимент в Поти породил такую идею: создать в городе межотраслевой склад материально-технических ресурсов, в котором каждое предприятие города могло бы вовремя запастись любым нужным материалом и расходовать его в соответствии со своими нуждами.

— Эта идея уже реализуется, и мы не сомневаемся в том, что нововведение положительно скажется на промышленном потенциале города, — говорит Хохобая.

Когда я спросил его, что он думает об эксперименте, он ответил:

— Специфика нашей работы содержит много особенностей... Откровенно говоря, и мы, и наши вышестоящие органы именно поэтому медлим с принятием окончательного решения. Эксперимент, как известно, явление глобального масштаба, которое требует от нас, предприятия союзного под-

чинения, серьезного осмысления, более тщательного изучения.

А Даниэл Магалашвили ответил на мой вопрос 06.03.59
8994 сом же:

— Если бы всем нам давали право и возможность самостоятельного хозяйственного мышления и поиска, разве, позвольте спросить, стоял бы вообще на повестке дня вопрос о необходимости эксперимента?!

Не знаю, насколько прав Магалашвили... Мне же хотелось поделиться другим. Общаясь с этим человеком и его потийскими коллегами — потийскими хозяйственными руководителями — Георгием Ватаевым, Борисом Инасаридзе, Гурамом Долбая, Григолом Арчая, Вальтером Берая, Кином Чиковани, Александром Хорава, Автандилом Ткешелашвили, Шота Мегрелишвили, Гурамом Никурадзе и другими, я убедился в том, что имею дело с необычайно знающими, эрудированными людьми. Я уж не говорю о профессиональной подготовке — это специалисты в самом высоком понимании этого слова, они в курсе всех новинок не только специальной технической, но и классической зарубежной или родной литературы, они знакомы почти со всеми значительными произведениями современной литературы. Остается только удивляться, когда они успевают столько читать, следить за всеми событиями культурной жизни.

Примечательно, что у них к «Сакцигни»¹ претензий не меньше, чем к «Главснабу».

¹ «Санцигни» — «Грузкнига» (груз.).

Окончание следует

◆

Ирма ЧХЕИДЗЕ

ПРИБЛИЖЕНИЕ К „ПРИБЛИЖЕНИЮ“

Ни от чего не смог я отказаться —
 И в этом, право, не моя вина.
 Порою начинает мне казаться,
 Что жизнь — прибой,
 А я ее волна.

Все то, что уготовано судьбой,
 Все радости земные жаждал взять я!
 Возьмешь ли их, возьмешь ли их с собой?!

(перевод А. Межирова).

В этих строках, исполненных грусти и сожаления, — вся жизнь поэта с ее радостями и печальями. Когда Ираклий Абашидзе работал над циклом стихов «Приближение», он уже стоял на пороге полувека. Но это было приближение не просто к пятидесятилетию, а к чему-то более значительному, более истинному, если хотите, более возвышенному. И действительно, какой долгий путь надо было пройти поэту, путь, отмеченный борьбой и сомнениями, полный света и солнца, чтобы наконец вплотную подойти к своему «Приближению». И последующие циклы его стихов — «По следам Руставели», «Палестина, Палестина» — можно объединить под этим общим заглавием, как все ту же попытку приблизиться к недостижимому, совершенному.

Песня жизни моей!
 От рожденья грузинской всецело,
 Всем напевом своим
 Ты бесценно
 грузинской была.

Искушеньями юности
Сердце вскипало и пело,
И мечта вырастала,
Как сильные крылья орла.
Не желаю жалеть
Ни о чем,

 что растрчено мною,
И печали и радости
Канули в небытие,
Но душа сохранила
Дыханье июньского зноя —
Вдохновенье мое,
Основное богатство мое.

(перевод А. Межирова).

Немало радостей и печалей было на этом пути — «от цветенья роз до половодья», от материнской заботы до грозных лет войны, когда закалялся стих поэта. Эти годы оставили неизгладимый след в его творчестве, пронизанном любовью к жизни, жаждой борьбы за жизнь.

Цикл «Приближение» — своего рода подведение итогов на определенном этапе творчества. Это исповедь души поэта, посвященная родине.

Я оставляю тебе самое красивое,
Самое дорогое,
 чем я владею, —

Мое сокровище:
Тысячу бессонных моих ночей,
К которым приучили меня проклятые сомнения.

(перевод подстрочный).

В сдержанных по тону строках угадывается удивительная сила чувств. Так можно обратиться только к возлюбленной.

Для Ираклия Абашидзе всегда было характерно чувство долга и ответственности перед потомками — и на заре его творческой деятельности, когда поэт с увлечением создавал образцы публицистической поэзии, и позднее, когда со степенью умудренного жизнью человека он лепил свои строки.

Цикл «Приближение» покоряет своей возвышенной интонацией. В нем отразилась поэтическая душа автора. В од-

ном из стихотворений, посвященном Нико Алхазивили, И. Абашидзе с сожалением говорит: «Ни от чего не смогу отказаться». Но главное здесь не сожаление об этом, а воспоминание об апрельских утрах, о «траве голубоватой, осыпанной цветами алычи», о «медовой осени тбилисской» и «зеленых садах» на Верэ. «Все радости земные жаждал взять я! Возьмешь ли их, возьмешь ли их с собой?!»

«Приближение» отмечено грустью и печалью. Задумываясь над своей творческой участью, поэт с любовью и сожалением вспоминает об ушедших своих братьях по духу. Стихотворение «Монолог, обращенный к тениям» — своего рода отчет перед душами друзей:

Но куда живу,
Не окончится, не прекратится
Старый спор с божеством,
Не прервется и наш разговор.
Говорю вам:

доселе несу я по свету скрижали
Наших старых заветов,
Законы великие те!
На родимой земле
мы прекрасное вместе искали,
Лишь прекрасному вторили,
верили лишь красоте.

(перевод М. Синельникова)

В стихотворении, посвященном Паоло Яшвили, явственно слышна трагическая интонация.

Может,
и этот бедный листок
старой печали
взял бы с собой я:
молча уйти
должен мужчина.

Что же я дрогнул?
Что же уста не промолчали?

Груз полувека
на плечи лег —
вот в чем причина...

(перевод Ю. Ряшенцева).

Прошло много лет после гибели П. Яшвили, но поэт продолжает мучить вопрос: «...страшный твой выстрел для тебя зло или благо? Необходимость это была или беспешность? Бой или бегство? Боль или гнев? Страх или отвага?».

Эта трагическая интонация в стихах «Дух преследующий» и «Дух защищающий» получает обобщающий характер:

Дух боли,	Дух рассвета,
Дух теней,	Необходимо ли?
Дух ветра,	Необходимо ль это?

(перевод Ю. Ряшенцева).

У И. Абашидзе есть целый ряд стихов, посвященных памяти друзей, современников, выдающихся людей («Раздумья у Мтацминды», «Памяти Георгия Леонидзе», «Николаю Тихонову», «Миколу Бажану», «Один день у потерянной могилы Нико Пиросманашвили», «Памяти Бараташвили»). Все они отмечены особенной любовью и теплом. Перед глазами поэта встает прошлое, общее для него и дорогих ему людей. Он беседует с ними как с живыми, как со своими современниками, с которыми живет в одной реальности, а реальная действительность не что иное, как красота, отраженная в тайниках человеческой души.

Язык природы смею разуметь,
Понятно мне,
 о чем рыдает медь
Листвы осенней, сорванной ветрами,
О чем лепечет и молчит моя
Родная алазанская струя,
О чем вздыхает поле под парами...

(перевод А. Межирова).

Поэт радуется пестрым бабочкам в городе, его чарует аромат фиалок на тбилисских улицах, как некогда буйно цветущая алыча и «лампочки детства», ярко горящие над Риони. Он с грустью говорит:

Весне я не вышел навстречу —
 чарующих и летучих
Мартовских красок
Не видел.

Исчезли, ушли от меня
Журчанье ручья в ущельях
и таянье льдов на кручах,
Вершин восковое свечение
и догоранье огня.

(перевод М. Синельникова).

Но эта грусть исполнена надежды, поэт знает, что «быть может, впрямь есть мера у любви», но человек, пока жив, должен радоваться небу, земле, морю, лесу, и потому следующие его слова, как будто свидетельствующие о минутной человеческой слабости, обретают особенный смысл:

О, только не весной,
При солнце, в этот зной,

О, только не весной...
Зимой... зимой!

(перевод М. Синельникова).

С годами поэтическое слово И. Абашидзе становится весомее и значительнее. Оно обретает все большую страстность в сочетании с мудростью пожившего человека. Появляется новая интонация, но тема поэзии — все та же. Это судьба грузинского народа, его культура, его будущее. Поиски происходят в области духа, зрелость мысли сочетается с изяществом выражения.

Тема Руставели в грузинской литературе воплощает тему добра и любви. Оба цикла, посвященные великому поэту, — «По следам Руставели» и «Палестина, Палестина» — фактически представляют собой единый цикл.

«По следам Руставели» — своего рода дневник путешествия по Индии. Поэт рассказывает, с какими надеждами искал он следы великого поэта за рубежом. Путешествующему по сказочной стране, ему чудятся «испуганные голуби, взмывшие с древнейших крыш», «перед глазами оживает легенда»:

И корни древние мои,
в прах обращенные когда-то,

дрожат во глубине земли
в долине Тигра и Евфрата.

(перевод А. Межирова).

В цикл «По следам Руставели», помимо стихов собственно о Руставели, вошли также произведения, отражавшие впечатления поэта, впервые путешествующего по удивительной стране и не оставшегося равнодушным к ее красотам.

Особенного внимания, на наш взгляд, заслуживают два стихотворения — «Ласточки» и «О, как многие живут...», пронизанные тоской по родной земле. Кстати, это чувство характеризует весь цикл в целом.

Дуновение тепла,
В день зимы — виденье лета.

Но ведь ты совсем мала,
Так мала, как сердце это.

(перевод А. Межирова).

И. Абашидзе разрабатывает в своем творчестве совершенно новую поэтическую тему. Правда, идея создания подобного цикла возникла задолго до того, как поэт по следам Руставели отправился в Иерусалим. В 1934 году он пишет стихотворение «Образ Руставели в Колонном зале Дома Союзов», которое можно считать головным в цикле стихов о великом поэте.

«По следам Руставели» — это прежде всего «поиски исторического духа родной страны, попытка объяснить тайну бессмертия народа» (Г. Маргвелашвили). Поэтому уже в стихах этого цикла мы слышим голос самого Руставели («Голос Руставели в глухой пустыне»), как первое открытие и разгадка этой тайны, которая позже в цикле стихов «Палестина, Палестина» получает исчерпывающее объяснение.

«Палестина, Палестина» — новое слово в поэзии И. Абашидзе. Трудно выделить из всего цикла основное стихотворение, так неразрывны между собой Руставели и родина, родина и поэт. Стихотворение «Голос у стен Крестного монастыря» в какой-то степени интонационно перекликается со стихами «Дух преследующий» и «Дух защищающий». Цикл «Палестина, Палестина» начинается со стихотворения «Ты здесь...» Поэт призывает из вечности тень своего великого предка:

Здесь
твой последний след иссяк,
прервался на щербатых плитах

и отзвучал последний шаг,
последний вздох,
последний выдох.

(перевод А. Межирова).

«Все сердцем жаждал твой далекий потомок представить себе, что думал и переживал ты в последние годы жизни. Так зачти ему эти «голоса» как действительно услышанные им в грузинском Крестном монастыре Палестины, в твоем последнем убежище, спустя семьсот лет после твоего бессмертного исчезновения», — писал И. Абашидзе. И дей-

ствительно, полифония этих десяти превосходных стихотворений растворяется в голосе великого поэта, которого И. Абидзе призвал спустя 700 лет. Цикл «Палестина, Палестина» имеет эпилог — «Несуществующая надпись на грузинском пергаменте Палестины», который рассказывает о кончине Шота. Все стихотворения этого цикла написаны в форме обращения, их отличают возвышенная интонация и драматизм.

Поэт понимает, что если он и создал нечто совершенное и истинное, то только потому, что вера его обрела крылья, что ему выпало на долю своими глазами увидеть доселе не виданное, пережить доселе не пережитое. Поступился или нет поэт своими убеждениями, поправ душу свою или, наоборот, очистился, кем он был — властителем или рабом, построил что-нибудь или разрушил, какие грехи на нем, за что отвечал, что не смог уберечь, что потерял или что нашел?! Эти вечные вопросы великий поэт задает своим потомкам из мира теней, поскольку

Просто

был я сам собой,
думая о человеке,
человеческой судьбой
не повелевал вовеки.

В этом видел я свои
озаренья и ненастья,
был я данником любви
и рабом единовластья.

(перевод А. Межирова).

Следующее стихотворение из этого цикла посвящено родине. В представлении современного поэта Руставели — олицетворение Грузии.

Все, что, творец,

мне однажды тобою дано,
в плоть внедрено,
влито в кровь
через дни и сквозь ночи,
все, что потеряно,
прожито,
обретено, —
все безраздельно
принес я
на жертвенник отчий.

(перевод А. Межирова).

Одно из лучших стихотворений в этом ряду — «Голос у Катамона». Каждая его строка прочувствована сердцем. Язык должен быть предметом заботы и внимания всех народов всех времен, для того чтобы народ мог выстоять, выдержать превратности судьбы.

О язык мой!

Ты — дар,

ты — стремленье и взлет,

ты — сцепленье

наших скал,

наших глыб и камней.

Исцеленье

наших дней

от недугов...

Дыхание наших знамен.

Ты — родной,

нестареющий наш и старинный,

наш единый.

Ничем ты не можешь быть здесь заменен,

ты остался один

у меня

в час кончины.

(перевод А. Межирова).

Надо сказать, что особенная манера письма, характерная для этих двух циклов, прослеживается и в последующих стихах поэта, но публицистическая страстность их проявляется более откровенно. Ираклий Абашидзе с неослабным энтузиазмом ищет в глубинах истории все, что имеет отношение к Грузии. С этой точки зрения интересен цикл «Мы и баски». Сквозь века он зрит общее между грузинами и басками, поскольку «далеко ведут следы колхов, далеко ведут следы месхов».

Когда мы говорим об особой манере письма поэта, следует вспомнить стихотворение «Монолог, обращенный к теньям» и, в частности, стихотворение, посвященное памяти Галактиона Табидзе. С годами личность Галактиона обретает иной ореол, его бессмертный дух мыслится в иных пространствах, мы как будто начинаем понимать, что поэт носил некую таинственную маску, и роковой его прыжок представляется в иных масштабах.

Прекрасный стих «Всегда сначала» — своего рода ключ к тому волшебному миру, который заключен в поэте; с вы-

соты птичьего полета он показывает нам пролетевшие годы, «украшенные зноем и морозом», которые «свалены в том тумане, в том покое, там, за горами».

Каждое стихотворение этого цикла — раздумье не только о судьбе поэта и его полномочиях, но и о святом долге перед родиной. Интересно в этом отношении стихотворение «Только одно», продолжающее традиционную для грузинской поэзии тему высокой миссии поэта.

Поэту на все,
поэту на все
небеса на все дали права:
в бою шадить,
 чашу опрокидывать —
поэт — это полет и приземленье.
Терпеть, ждать,
страдать, надеяться,
плакать, голодать,
быть богатым...
Но только одного,
только одного
нет права у поэта — предавать.

(перевод подстрочный).

Цикл заканчивается стихотворением «Если ты истинный», перекликающимся своей интонацией со стихом «С любовью к жизни». «В Грузии тяжело стареть, в Грузии надо быть молодым», — пишет поэт, и каждая его строка убеждает читателя в том, что он еще не пережил все свои «весны, апрели дурманящие; сады, взлетевшие в небо из сердца земли».

«Если ты истинный» написано с той же энергией молодости и мудростью пожившего человека.

Подлинным украшением грузинской поэзии явились циклы стихов И. Абашидзе «Давай, продолжи», «Спокойные дни отдыха», «Смерть твоя, вечно дремлющая, жизнь твоя, вечно бодрствующая» — эта строка является ключом ко всему циклу «Давай, продолжи». Достаточно перечислить только названия стихов, составивших этот цикл, чтобы почувствовать, какая жажда поисков, какое желание увидеть завтрашний день обуревают поэта. Как просты и прекрасны следующие его строки: «И со стихом, со стихом будь юным так же, как с внуками ребенком чувствуешь себя» (пере-

вод подстрочный). Поэт, беседующий с дорогими тенями, живет «спокойными днями отдыха». Но не надо думать, что эти «спокойные дни отдыха» для творца действительно полны покоя. Печаль о быстротечности нашей жизни не оставляет его.

Нельзя не сказать особо о стихотворении «Пока еще». Отвечающее высшим канонам поэзии, оно посвящено жене и исполнено грусти и раздумий, и в то же время любви и юношеской энергии. В этом стихотворении ощущается второе дыхание, вторая молодость поэта, которые так характерны для последних его стихов. Оно заканчивается словами: «Надейся на меня».

Названия стихотворных циклов И. Абашидзе — «Приближение», «По следам Руставели», «Монолог, обращенный к теням», «Давай, продолжи», «Спокойные дни отдыха» — в значительной степени определяют его творческую биографию, показывают, как, какими путями пришел поэт к истинной поэзии.

И. Абашидзе живет интересами писателей старшего поколения, а также болями и надеждами писателей младшего поколения, ибо он живет «великой жизнью поэта». Счастлив творец, на протяжении всей своей долгой жизни ни на миг не изменивший вдохновению.

Р ОВНО двадцать лет прошло со дня смерти Лео Киачели. Срок этот не столь велик, чтобы мы в своих воспоминаниях о нем обращались к какой-то подчеркнутой интонации минувшего. Он был фактически нашим современником и словно бы только вчера ушел от нас.

Однако все, кто знал его лично, не могли не заметить и того, что вместе с тяжелым грузом лет в спокойном и безмятежном его взгляде дремал и слегка пригашенный огонь отшумевших эпох, и это в то время, когда все мы прекрасно знали, очевидцем и непосредственным участником каких бурных событий был этот большой мастер. Твердость в бедах и стойкость в испытаниях, сквозившие в этом взгляде, придавали его глубоким беседам и разговорам особую выразительность. «Был мудрец, возвышенный, высокозрящий...»

Действительно, начиная с рубежа нового столетия, Лео Киачели был одним из числа тех избранных, кто так стоически перенес все бури и ураганы, выстоял под напором коварных и соблазнительных подводных течений, не склонился под ударами судьбы, выпавшими на долю его самого и его семьи, выдержал все так, как это во-

Саргис ЦАИШВИЛИ

ЦЕНА ВЕЛИКОЙ ПРАВДЫ

•
НЕСКОЛЬКО ШТРИХОВ
ИЗ ЖИЗНИ И
ТВОРЧЕСТВА
ЛЕО КИАЧЕЛИ

обще достойно избранных, пронеся в чистоте и незапятнанности высокое и ответственное звание грузинского писателя.

Лео Киачели шагнул в наше столетие из XIX века. Его родному облику придавало особую красоту нечто таинственное и привлекательное, что мы связывали опять-таки с отошедшими в прошлое временами, когда закладывался фундамент нового здания грузинской культуры, широкой по своему масштабу и глубоко национальной (это было главным образом итогом и плодом животворной инерции XIX столетия), прокладывающей путь на меридианы новой европейской культуры.

Все творчество Лео Киачели было отмечено знаком этого счастливого сочетания, как говорится, своеобразного симбиоза разных начал. Такая точка зрения станет еще более ясной и осязаемой, если вместе с Лео Киачели мы здесь вновь вспомним имена Кеты Абашидзе, Нико Лордкипанидзе, Константинэ Гамсахурдиа, Геронтия Кикодзе и других, которые не только своими творческими интересами, но и самим стилем художественного мышления оказали неоценимое воздействие на формирование литературной атмосферы тех лет, абсолютно современной, находящейся на уровне всей тогдашней мировой культуры.

* * *

«Время перевалило за полночь, когда к разбушевавшейся в открытом море стихии добавился какой-то странный гул.

Словно клич, призывающий к бою, взбудораженную плоть непроглядной тьмы рассек ровный столб света, ворвался в гущу черного воинства волн и бесследно разогнал их на все четыре стороны.

Это был железно-стальной крейсер «Шмидт», который спокойно пробивался из морской глубины, вооруженный огнем, паром и несгибаемой волей борцов.

Раскачиваясь из стороны в сторону, перекачиваясь он по гребням волн, то проваливаясь в пропасть с головой, то ложась бортом на воду, но вновь вскарабкивался на гребень и с гулом и свистом прокладывал путь вперед.

На капитанском мостике стоял Кузьма-Грозный. Ухватившись левой рукой за железный поручень, правой он направлял прожектор.

Широкую грудь и лицо он подставил ударам ветра и, казалось, бросал вызов слепым стихийным силам»¹.

¹ Перевод цитат из произведений Л. Киачели здесь и далее подстрочный.

Перед нами — небольшой отрывок из «Хаки Адзба», одного из самых известных рассказов Лео Киачели. С каким динамизмом воссоздает здесь писатель атмосферу противоборства бушевавшей стихией, исполосованным огромными валами морем, кажется, будто разгулявшийся ураган и крейсер «Шмидт» звучат здесь каждый на свой лад и голос, которые контрапунктом совмещаются в непоколебимой стойкости Кузьмы-Грозного. Подчеркнутый пафос борьбы и неукротимости прямо указывает на главное: крейсер «Шмидт», «вооруженный несгибаемой волей людей» и вступивший в смертельную схватку с разбушевавшейся стихией, ожидает впереди много больших и грозных баталей. Вместе с тем тот же эпизод предстает и как своего рода подготовка к новой и не менее напряженной сцене, которая вскоре должна разыграться на палубе судна.

Единоборство крейсера «Шмидта» с морской стихией невольно воскрешает в памяти пафос, заключенный в замечательном романе Германа Меллвила «Моби Дик»: романтику борьбы, выраженную в стремительном движении.

На пути художественного воплощения действительности Лео Киачели, сочетая текст с подтекстом, достигает подлинного мастерства во владении сложнейшими изобразительными средствами. Он и с этой точки зрения предстает как один из новаторов в современной грузинской прозе.

Лучшие образцы творчества Лео Киачели представляют собой красноречивый пример старой-престарой и, должно быть, вечной истины: художественная правда прежде всего неотделима от правды и красоты реальной действительности: таковы «Хаки Адзба» и «Княжна Майя», в которых проявились лучшие писательские его качества, среди которых, надо прямо сказать, главное — необычайное чувство правды. Эта последняя и диктует писателю единственно верные решения темы. Именно поэтому ему нередко удается достичь таких высот, которые под силу лишь истинным художникам, отмеченным печатью вдохновения.

Я считаю излишним трудом вступать здесь в полемику с некоторыми исследователями творчества Лео Киачели, зачастую руководствующимися упрощенными и поверхностными критериями при анализе авторского замысла. Даже упомянутый выше рассказ «Хаки Адзба», насыщенный подтекстовыми ассоциациями и параллелями, не избежал подобного подхода.

По их мнению, пафос этого рассказа исчерпывается якобы тем, что руками Кузьмы Кильги, или того же Кузьмы-Грозного, осуществляется акт возмездия врагам революции. Некоторые исследователи даже доходят до того, что выставляют Уджуша Эмха

инициатором столкновения с морями, чтобы подчеркнуть его вину (как известно читателю, истинное положение вещей противоположно этому представлению, в чем и выражается мастерство писателя).

Художественные искания писателя на самом деле проникают в несравненно более глубинные пласты человеческих взаимоотношений. «Хаки Адзба» с исключительным художественным совершенством воссоздает и воскрешает не только атмосферу духовных перемен, принесенных с собой революцией, но и людей, на фоне неизбежного столкновения которых друг с другом возникают те волнующие коллизии, творческая реализация которых доказывает безошибочное художественное чутье и интуицию писателя.

И Кузьма-Грозный, и Уджуш Эмха, и Хаки Адзба предстают перед нами как художественно завершенные, монолитные образы, имеющие свою правду и чувство собственного достоинства.

Образцовым в этом смысле предстает яркий портрет Уджуша Эмха. С какой поистине сверхчеловеческой силой борется он против поднявшегося из глубины его собственной души фатального страха и предчувствия неизбежной обреченности, которые ни на минуту не покидают его душу ни во сне, ни наяву. Буквально в одной фразе показывает нам писатель, через какие адские муки и испытания довелось пройти в грозные годы гражданской войны вернувшемуся из России на родину офицеру-белогвардейцу Уджушу Эмха. Зато он вводит на страницы своего рассказа весьма красноречивую картину.

Уджуш спит, а его приятели в это время играют в том же номере в карты: «И сейчас, уже заснув в кресле, он еще метался и корчился, словно эти проклятые тени и во сне не оставляли его. Происходило и впрямь странное. Время от времени все его тело начинало трястись и содрогаться, а потом он замирал, словно сдерживая себя, чтобы не свалиться в пропасть. Непонятная гримаса кривила его губы. Обрывки чужих, непонятных слов срывались с губ. И он вновь застывал на месте, словно затаив дыхание, но в конце концов испускал такой стон, что даже вошедшие в азарт его приятели, услышав его, прекращали игру, удивленно поглядывая на кресло — что за крик обреченного слышался им?»

Когда это повторилось несколько раз, картежники не выдержали и все вместе окликнули спящего:

— Уджуш!

Он тотчас вскочил с кресла.

Уже стоя на ногах, но все еще не проснувшись окончательно,

он вытянулся во весь свой рост, словно приготовившись встретить врага, схватился за пояс, пытаясь нащупать саблю или хотя бы ножны. Не найдя ни того, ни другого, потянулся за револьвером, но вновь тщетно. Его была дрожь, от гнева он не мог вымолвить ни слова. И только крик отчаяния готов был сорваться с его губ, как игроки вскочили со своих мест и окружили его, успокаивая ласковыми, тихими голосами:

— Уджуш, что с тобой?! Мы здесь, не бойся! — но все же опасались приблизиться к нему.

Наконец Уджуш смог взять себя в руки, открыл глаза и оглядел друзей, сгрудившихся вокруг.

Зеленовато-красный свет, лившийся из его глаз, был неземным, нечеловеческим. Это был страх, какого никто из собравшихся еще никогда не видел.

Уже одна эта удивительно пластично нарисованная картина способна дать нам ясное представление о многом, в частности о тех тяжелейших испытаниях, которые выпали на долю Уджуша Эмха. Однако главное здесь все же в ином. Уджуш, личные качества которого все более ярко вырисовываются в ходе повествования, нигде ни на йоту не изменяет своим идеалам, тому кодексу человеческих достоинств, который он считает обязательным для себя. Разумеется, совершенно иное дело, насколько правильна его жизненная позиция в совершенно новой и незнакомой для него исторической обстановке. В качестве примера и доказательства этого достаточно вспомнить о его рыцарском поведении, когда он добровольно предает себя во власть расвирепевшего врага, чтобы избавить своих ближних от его всесокрушающего гнева. А из вышеприведенного отрывка хорошо видно, какой всеобъемлющий страх владеет Уджушом Эмха. Однако пройдет совсем немного времени, и мы уже видим, с какой вызывающей улыбкой встречает он неотвратимую гибель на корабельной палубе. Какие сверхчеловеческие силы понадобилось для этого мобилизовать!

Таковыми же достоверными и правдивыми штрихами нарисованы Хаки Адзба и Кузьма-Грозный. Главное все же заключается в том, что для Кузьмы так и остается непонятной некая, возведенная чуть ли не до мистических высот, верность и преданность абхазского крестьянина своему молочному брату (Кузьма даже называет это чувство «рабским»), так же как неприемлема и отвратительна для него аристократическая «избранность» Уджуша Эмха и других людей его круга. Возможно, Кузьмой-Грозным так же не до конца осознаны цели и задачи революции, но тем не менее он с каким-то священным благоговением верит в истин-

ность и праведность пути, избранного им для себя раз и навсегда, и именно в этом состоит его сила и непоколебимая стойкость.

Особенную привлекательность рассказу «Хаки Адзба» придает поразительная простота повествовательной манеры. Создается абсолютная иллюзия того, что перед нами подлинные хроники времен гражданской войны, а не художественная летопись, содержащая значительные обобщения. С этой точки зрения характерны те эпизоды, которые воспроизводят появление в Сухуми большевистского крейсера «Шмидт», бесхребетность и нерешительность представителей местных меньшевистских властей, животный страх «отцов города» перед грядущими историческими переменами. «Хаки Адзба» Лео Киачели занимает достойное место в ряду классических творений грузинской художественно-документальной прозы.

Наряду с другими факторами в таком высочайшем мастерстве владения художественным словом, на мой взгляд, сыграла определяющую роль богатая жизненная биография писателя. В волнующих перипетиях, которыми была так насыщена его жизнь, с самого начала главным и определяющим был закон действительной активности, и с молодых лет он смело окунулся в бурные волны борьбы и созидания.

Именно борьба и созидание учат человека той мудрости, которую он никогда не смог бы постичь с книжных страниц. Учат ценить жизнь, родину, любовь и уважение людей и особенно разжигают те драгоценнейшие дружеские качества, без которых жизнь человека вызывает жалость и сострадание.

Универсален закон жизни, гласящий, что только борьба и созидание делают человека человеком.

Богатый опыт, приобретенный еще на заре жизни, с годами, когда автор «Таризла Голуа» и «Хаки Адзба» полностью посвятил себя творческой работе, проявился с особой силой, вооружив писателя редким даром высокопоэтического художественного слова. Вера в человека, оптимизм освещают все дальнейшее творчество Лео Киачели.

Художественное слово Лео Киачели особенно привлекает своей простотой и безыскусностью. Оно остается таким даже при передаче самых острых и накаленных страстей и глубоко психологических пассажей. Разумеется, это редкое и трудно обретаемое достоинство берет начало прежде всего в самой внутренней природе писателя, однако при этом не следует забывать и того мучительного пути, полного творческих исканий и слож-

ностей, без преодоления которых невозможно создать ничего истинно ценного и значительного.

Наглядным отражением этих исканий являются его литературные шаги, ранние рассказы и эскизы, которые себе неизгладимый отпечаток столь распространенного и популярного в те годы художественного направления, каким был импрессионизм.

Общеизвестно, что в области художественного слова, так же как в живописи и музыке, это было новаторское открытие, необычайно расширившее ареал восприятия художника и обогатившее творческую палитру.

Следует вспомнить, однако, и замечание, высказанное по этому поводу Львом Толстым, который считал простоту и безыскусность главным стилистическим признаком указанного направления.

Здесь же надо сказать и о том, что ему же, колоссу, одному из величайших мастеров классической прозы, принадлежат сказанные на закате жизни слова, своего рода сожаление по поводу того, что подобные приемы письма лично для него оказались уже запоздалым открытием (в данном конкретном случае Толстой имел в виду прозу И. Бунина).

Это направление несомненно сыграло плодотворную роль в творчестве Лео Киачели, в формировании его стиля. Наряду с простотой и лаконичностью стиля, оно развило в авторе «Алмагира Кибулана» и «Княжны Майи» стремление к обострению глубоких подтекстов и потаенных чувств. Все это придавало его лучшим творениям весьма современный и своеобразный характер.

По моему убеждению, современная грузинская беллетристика несомненно многим обязана своим славным предшественникам (наряду с Лео Киачели в их числе в первую очередь следует иметь в виду Нико Лордкипанидзе). И это также является одним из первейших доказательств бессмертия подлинного таланта писателя.

* * *

Лео Киачели был великолепным мастером художественного отображения национальных тем, национального колорита. Вместе с тем характерно, что, говоря языком живописи, его мазок скуп и осторожен. Он вообще предпочитает путь своего рода сдерживания, ограничения художественной стихии. Обостренное чувство меры и такта перекрывают путь в его произведениях всему экзотическому и внешнему.

В этом отношении примечателен знаменитый рассказ «Княж-

на Майя», который и в смысле овладения материалом может считаться одним из наиболее характерных его произведений.

Лео Киачели является одним из тех, кто вновь возродил в грузинской литературе позабытую после античных времен тематику колхидских мифов (вообще животворный мифологический поток, — и я думаю, что это не должно подлежать сомнению, — особенно глубоко пронизывает творчество тех авторов, кто по происхождению связан с Колхидой. Для доказательства этого достаточно вспомнить имена Константинэ Гамсахурдиа, Тэдо Сахokia, Демны Шенгелая и других).

Туманный колхидский пейзаж, покрытая болотными топями таинственная земля — все это было для него родным и близким, знакомым с младенческой колыбели. Читатель ясно ощущает эту близость в каждой фразе, каждой картине. Отдельные детали точны и выразительны, этнографический и фольклорный материал органично спаян с основным художественным замыслом — крушением беспочвенных мечтаний, неотвратимостью самого строгого приговора, что на фоне острых социально-нравственных коллизий находит концентрированное и завершенное воплощение в сложнейшем художественном образе княжны Майи.

Наряду с человеческими добродетелями, зависть и коварство выступают в роли последней возможности того, чтобы Майя окончательно и бесповоротно не утратила своего человеческого достоинства, чтобы вслед за легендарной Медеей заставить всех навеки запомнить силу и страсть ее отмщения. Глубокий подтекст и какая-то порождающая искреннее сочувствие внутренняя тема (трагедия Майи воспринимается как неотвратимый удел всех людей ее круга, обреченных на гибель) придает необычайную поэтичность всему рассказу, который по праву принадлежит к числу жемчужин не только творчества Лео Киачели, но и всей грузинской литературы.

Наше поколение познакомилось с Лео Киачели уже на закате его жизни. Но он как бы оставил будущему свой портрет в одном из ранних своих творений, где речь шла о старом князе: «Несмотря на преклонный возраст, Бекирби Чачба носил аристократические достоинства своего происхождения с такой незапятнанностью и благородством, что каждый уважающий себя абхаз считал своим долгом и обязанностью подражать его неторопливой, вдумчивой речи и жестах, поведению и одежде».

Внешность Лео Киачели молодых лет описывается и в воспоминаниях литературоведа Соломона Цаишвили, большого почитателя его литературного таланта, а впоследствии близкого друга.

Наряду с другими фактами, он передает и впечатление от первой встречи с Лео Киачели:

«Стояла ранняя осень 1918 или 1919 года. Я попал на одно из учительских собраний в Зугдиди. Здесь было много молодых женщин, между которыми по какому-то поводу завязался оживленный разговор, привлекая и мое внимание.

— Неправда, с Лео никто не мог сравниться, — говорила одна из них.

— Что ты! — добавила другая. — О каком сравнении может идти речь, он, словно солнце, освещал все вокруг.

— Природа в самом деле удивительна, — заключила третья, — если уж одарит кого-нибудь, то ничего не пожалеет: ни образования, ни ума, ни таланта, тут тебе и красота, и редкий характер, человечность — все даровала одному человеку, тогда как для другого и на одно из этих достоинств может поскупишься!

Я вмешался в разговор. — Кто это наделен такой классической красотой? — спросил я и получил единодушный ответ:

— Вон кто — Лео Киачели (Шенгелая), автор «Тариэла Голуа».

— Где вы его видели? — спросил я заинтересованно.

— На собрании. Да и сейчас там, во дворце.

Через минуту я увидел его. Он говорил медленно, спокойно, приятным бархатным баритоном и на великолепном грузинском языке. Женщины оказались правы: моим глазам действительно предстала классическая красота. Пенсне с золотистым ободком еще больше красило его белое и тонко вылепленное лицо с изящными усиками, каштановая прядь волос иногда спадала на лоб, и он рукой откидывал ее назад. Пока собрание не закрылось, я не отрываясь глядел на него. В авторе «Тариэла Голуа» я искал черты характера Тариэла, Левана, Бежана и других героев этого произведения, проявления их страсти и душевного порыва. Однако мне показалось, что Лео олицетворял одновременно всех этих героев, взятых воедино, присвоив их грозный облик. Но еще более поразительным было то, что он оказался совершенно простым и доступным, лишенным какой бы то ни было грозности и чопорности, человеком необычайного внешнего и внутреннего обаяния. Возвращаясь домой, я радовался, что хоть издали увидел и услышал живого писателя. Тогда я был учеником средней школы, ни разу не бывал в столице и, естественно, в глаза не видел ни одного писателя.

Читатель, должно быть, обратил внимание на, казалось бы, совершенно неуместное здесь упоминание «грозного облика». В этом же воспоминании, фрагмент из которого был опубликован в 1954 году, Соломон Цаишвили одним из первых, как мне ка-

жется, «разоблачил» тайну появления псевдонима «Киачели», чем сам Лео Киачели почему-то хранил молчание.

«Киачи» — так называли икону святого Георгия в Метреили, где всех лжецов и нечестивых предавали ее власти. Приговор иконы неизменно был суровым и строгим, до сих пор вспоминают тамошние жители. Саму икону давным-давно перенесли из находившегося неподалеку от Очамчире села Киачи (сейчас на этом месте лишь сельбище) в родную деревню Лео Киачели Обуджи и поместили там в монастыре. Некогда владельцами этой иконы считались предки Лео Киачели — Шенгелая (по старым источникам — Шергелая), а тот околоток в Обуджи, где находилась грозная икона, впоследствии также стали называть Киачи. Именно отсюда, надо полагать, и берет начало псевдоним нашего замечательного писателя. Между прочим, сравнительно недавно вопрос об истоках происхождения этого псевдонима довольно широко осветил один из исследователей творчества Лео Киачели, к сожалению, ни словом не упомянув о вышеприведенном воспоминании, впервые раскрывающем «тайну» его создания. (См. Акакий Топурия. Лео Киачели. Жизнь и творчество, 1977 г., с. 93—101).

Четырехтомник сочинений Лео Киачели (1946—1955 гг.) предварен маленьким и лаконичным посвящением: «Сыну, другу, надежде Отару Шенгелая». В этих, на первый взгляд, простых словах автор выразил тяжелейшую трагедию, навечно поселившуюся в его душе чуть ли не с совсем еще молодых лет, когда он как бы издали предощущал свою будущую тяжелую судьбу и, в ее предчувствии, лучшие страницы своих произведений посвящал великому и всеобъемлющему чувству отцовской любви, которое столь же вечно и бессмертно, как само человечество.

Лео Киачели обогатил современную грузинскую литературу масштабными социальными полотнами и великолепными художественными образами. Насколько беднее оказалась бы она без этих привлекательных образов! Возможно, именно в этом и состоит наиболее верный и безошибочный критерий оценки истинного значения писателя.

Его творчество и в наши дни живет и активно участвует в современном литературном процессе в ряду с лучшими произведениями грузинской литературы. Хочу эту свою статью закончить словами самого писателя, заключающими глубоко символический смысл: «Тариэл Голуа стоял между ними, как стоит старый дуб — с обломанными ураганом времени ветвями, с покоренным стволом, но крепко пустивший корни в землю — в молодом зеленеющем подлеске».

интереснейшая страница советской партийной публицистики. Она заслуживает глубокого изучения, анализа. Говоря о Шагинян-газетчике, нельзя не упомянуть закавказский период ее журналистской работы, в частности ее участие в тбилисских газетах.

Еще в далекие дореволюционные годы (1915—1918) М. Шагинян становится штатным работником газеты «Кавказское слово» — ежедневного издания Тифлисского товарищества печатного дела (по существу — органа крупной армянской буржуазии).

По словам самой М. Шагинян, она «давала довольно много «Маленьких бесед» на различные культурные темы»¹. Статьи под такой рубрикой (их было 30) носили популярный, просветительский характер и писались особым «доверительным» языком, что, вероятно, нравилось читателю. «Со своими читателями у меня были тесные связи: грузины, русские и армяне ча-

¹ Из письма М. Шагинян автору работы. 27 февраля 1976 г. (Хранится у автора). Далее цитируется по данному источнику.

Ирина БИЧИКАШВИЛИ

**Мариэтта
Шагинян —
корреспондент
газеты
„Заря Востока“**

сто откликнулись на мои статьи письмами, а я в свою очередь давала «отклик» на «отклик», — вспоминала писательница.

Но, как считала М. С. Шагинян, она «по-настоящему» ративно стала работать в Закавказье лишь в 1926 году серьезными статьями на общественные темы», когда ее пригласил участвовать в «Заре Востока» Мамия Орахелашвили.

Закавказский период жизни писательницы эмоционально, но отрывочно предстает из ее «Дневников».

Живя с конца 1925 года в Ереване, М. Шагинян часто бывает в Тбилиси. Здесь она знакомится с сотрудниками «Зари Востока» Рубеном (Рубеном Мкртычяном) и Суреном Ерзинкьяном. По их настоянию Шагинян дает согласие работать в газете и присылать из Еревана материалы.

Вспоминая газету тех лет, М. Шагинян писала: «Это была очень разносторонняя, очень культурная газета широкого диапазона, охватывавшая проблемы не одной Грузии, но и соседних братских республик — Армении, Азербайджана».

Первые же публикации в «Заре Востока» — «Праздник из праздников», «Кое-что об очередях», «О милиции и милиционере», «О культуре и болезнях роста», «Об одной грузинской победе» — привлекли внимание Заккрайкома.

В середине марта 1926 года М. Шагинян встречается с Мамией Орахелашвили, который предлагает писательнице «съездить в Чиатура и проанализировать тамошнюю ситуацию».

В «Дневниках» об этом «очень важном» для М. С. Шагинян задании читаем следующую запись: «17 марта, среда. Нынче в 11 часов утра меня вызвали в Заккрайком, познакомили с молодым грузином, тов. Ираклием (Стуруа. — И. Б.) (инструктором-организатором), и сказали, что ночью в 12 часов мы с ним поедem в Чиатура. Я провела очень хлопотливый день: прочитала литературу по марганцу, побывала в правлении общества «Грузинский марганец», где имела длительную беседу с замом, тов. Тумановым: он мне сжато и содержательно изложил экономическую структуру концессии...»¹

История чиатурской концессии, изложенная М. Шагинян, показывает не только степень ее компетентности в области экономических проблем края, но свидетельствует о глубине проникновения в детали, что весьма характерно для исследовательской манеры писательницы.

¹ Мариэтта Шагинян. Дневники. 1917—1931. Л., 1932, с. 169.

По данным материалов съезда горнопромышленников (1890 г.), залежи чиатурского марганца могли бы обеспечить Европу и на 100 лет вперед

Легкость разработок (неглубокое залегание, отсутствие в рудниках воды и вредных газов) выделяло чиатурское месторождение марганца среди подобных в Европе.

После установления Советской власти были национализированы недра, а за промышленные установки бывшие владельцы рудников — французские предприниматели — затребовали 40 миллионов рублей выкупа.

Советское правительство вынуждено было сдать месторождение в концессию капиталистическим промышленным фирмам. Главный концессионер — американец Гарриман, взявший чиатурскую концессию на 20 лет, обязан был в течение пяти лет так переоборудовать рудники, чтобы свести потери руды к 2—3 проц., при тогдашних 20 проц.; кроме того, обязательства предусматривали строительство железной дороги, обогатительной фабрики и т. д.

В Закрайком стали поступать сигналы о полном пренебрежении концессионерами своих обязательств, о тяжелом положении рудничных рабочих.

Для проверки состояния дел была послана М. Шагинян. Это была не официальная проверка, а завуалированная инспекция. Красота тех мест вполне могла привлечь богатую туристку, под видом которой появилась в Чиатура М. Шагинян.

Пять дней (с 18 по 22 марта), проведенных в Чиатура, предстают из дневниковых записей предельно насыщенными деловыми встречами, детальным, прямо-таки наглядным описанием окрестных рудников, куда М. Шагинян входила вместе с рабочими.

С болью говорит писательница о способах добывания руды. Концессионеры, не желая идти на расходы, необходимые для организации культурного производства, заключили договор с местными частными владельцами, которые доставляли им готовую руду. Для добычи нанимали окрестных крестьян, платя им гроши за каждый добытый пуд. «Мы ехали вдоль выходов марганцевой руды, слева от нас зияли на каждом шагу черные дыры — это остатки варварских хищений руды, раскопки, произведенные крестьянами и несомненно производимые еще и теперь... Частные владельцы недовольны концессией, эти господчики практикуют повсюду попудную оплату... Ясно, что рабочий будет копать где и как попало,

лишь бы наскрести руды, и от этого марганец пропадает... Но самая большая беда этого места — безводие. Над рудником — селение Шукрути. В нем исчезла вода (общее явление: от копания руды усыхает и исчезает вода), пить крестьянам нечего, а на рудниках исключительно тяжелое положение от отсутствия воды»¹.

Дневниковые, «черновые» записи — заготовка для М. Шагинян. Большой материал, собранный в Чиатура, дополнялся обработкой специальной литературы.

Слияние живых, «неостывших» впечатлений и глубокого специального знания предмета вылилось в интересные, актуальные газетные выступления.

Уже через день после поездки сдана в «Зарю Востока» первая статья из будущей серии «Чиатура».

Общий для всех шести очерков тон — жесткий, прямолинейный, срывающий всяческие завесы с возмутительных фактов нарушения колдоговора концессионерами.

В очерке «Рудничный рабочий» (28 марта 1926 г.) читаем: «По колдоговору, заключенному нами по первое марта сего года (и уже истеченному), торжественно гарантировались не только разные постройки, но и точное количество саженей на каждого рабочего в столовой, в клубе, в палате... Но вот беда какая: ответственность за выполнение этого самого колдоговора падает, по странной нашей недоглядке, не на концессионера, а на подрядчиков. А попробуйте-ка сдерите что-нибудь с частного хозяина. На всякую угрозу у него есть в запасе слеза: такого не объехать и не выследить...

Итак, в вопросе о рабочих концессионеры избежали ответственности и не только не централизовали работы, а наоборот, поставили нас лицом к лицу перед армией своих подрядчиков. Это — продуманный вывод, и это надо запомнить».

Обычные для капиталистического делового мира увертки, стремление обхитрить и обжулить проявлялись в любой области деятельности концессионеров. Умышленно созданный замкнутый круг: договор принят, но его должны выполнить нанятые местные силы — частные подрядчики, а с них ничего не спросишь, они не обеспечены необходимой техникой и материалами.

В очерке «Поездка по отсталым рудникам» (30 марта 1926 г.) М. Шагинян писала об атмосфере, царящей в Чиатура

¹ Мариэтта Шагинян. Дневники. 1917—1931. Л., 1932, с. 180—181.

тура: «Мы очень интересовались концессионерами. Мы очень интересовались вопросом, что они делают на этих рудниках. Мы искали их культурные следы, как оброненную ^{будущее} можно сказать, ползая на животе (с малым преувеличением, если вспомнить рудники).

Но наши глаза этих следов не открыли. Все подрядчики отвечали нам в один голос: от концессионеров никакой помощи, ничего не прислано, оборудование не дают, не кредитуют (этот ответ оставляю на совести подрядчиков, потому что он невероятен), с рабочими расплачиваемся своими деньгами...»

И как общий вывод об увиденном и услышанном на рудниках читаем: «Всюду картина одна и та же: спешат вывезти, сколько могут, не думая о будущности месторождения в целом».

Факты, приводимые М. Шагинян, возмущали, можно сказать, потрясали своей откровенно разбойничьей сутью. Картины, встающие перед читателем, вызывали негодование. Но очерки писались не с одной только целью — обвинять и разоблачать. Они должны были помочь изменить обстановку, навести порядок на чиатурских рудниках. Вскоре после публикации Закрайком специально рассмотрел вопрос о чиатурской концессии.

Сама М. Шагинян так оценивала публикацию в «Заре Востока»: «Очерки о Чиатуре я считаю большой удачей своей журналистской работы. Там, на марганцевых рудниках, я получила боевое журналистское крещение. Мое обследование Чиатуры было напечатано затем на грузинском языке отдельной книжкой».

«Заря Востока» в разные годы опубликовала двадцать пять статей, очерков, отрывков из художественных произведений писательницы. Она по праву считала себя членом ее коллектива. Во время очередной поездки по заданию редакции на строительство ДзораГЭС М. Шагинян с гордостью отмечает оперативность газеты, одной из первых откликнувшейся на лозунг партии о самокритике: «Везу с собой «Зарю» с лозунгом о самокритике. Мы первые, кажется, на него отозвались» (подчеркнуто нами. — И. Б.).

В конце каждого года писательница любила подводить итоги проделанной полезной работы. Подытоживая значение 1928 года, М. Шагинян отмечает в своих «Дневниках», что он составил «содержательную полосу жизни». «Довольна со-

бой к концу 1928 года» — такова лаконичная запись за 31 декабря.

Анализируя газетные публикации этого года, видишь качественно новый уровень материалов. Некая беллетризованность, эмоциональность переплавлены в лаконичный, высокопрофессиональный стиль публициста, до мельчайших подробностей знающего разбираемую проблему, имеющего свою выверенную точку зрения. Таковы, в частности, очерки о ткварчельском угле, публиковавшиеся в «Известиях».

Известный цикл о ткварчельском угольном месторождении писался после сложнейших командировок на ДзораГЭС, многочисленных поездок по Армении (отчеты о них печатались в «Заре Востока»).

М. Шагинян называла ткварчельскую командировку «самой себе навязанной из хронической потребности работать без передышки». Но, конечно, дело было не в одной колоссальной работоспособности, а и в том, что благодаря своей природной любознательности и приобретенному журналистскому опыту она испытывала «хроническую» потребность быть живым, деятельным участником социалистического строительства.

Приступая к изучению «ткварчельской проблемы», М. Шагинян записывает в своих «Дневниках»: «Передо мной опять раскрывается музыкальнейшая картина хозяйства, и я чувствую знакомую «исследовательскую» дрожь — собрать мед и положить в чашечку сот... Проблема Ткварчели замечательна тем, что она требует организации комбината, это социалистическая проблема в полном смысле слова».

Для изучения дел в Ткварчели редакция «Известий» выдала М. Шагинян командировку на десять дней, но она затянулась почти на год — такой срок потребовался для аргументированного довода в пользу рождения нового промышленного района в Грузии.

Все сказанное выше касалось известных публикаций М. С. Шагинян. Но есть среди опубликованного в «Заре Востока» и не известная исследователям работа писательницы. Это первый материал, переданный ею в газету по телеграфу из Еревана. Он озаглавлен «Праздник из праздников»¹ и посвящен знаменательному событию в жизни Закавказья — второй сессии ЗакЦИКа.

Тема, требующая жанра отчета, тем не менее преподана

¹ «Заря Востока», 27 января 1926 г.

как несомненный репортаж, что обусловлено удивительной динамичностью, которую писательница чутко ощутила в атмосфере съезда, в настроениях людей. М. Шагинян обобщениями увеличивает силу воздействия описанного.

Репортаж «Праздник из праздников» больше не публиковался, не вносился в библиографические указатели, хотя несомненно этого заслуживает.

Период планомерного сотрудничества М. С. Шагинян в краевой газете «Заря Востока» не так уж долг — около трех лет. Но эти годы (1926—1928) пришлось на тот отрезок жизни писательницы, когда она пыталась осмыслить происходившие в стране социально-экономические изменения. По словам известного исследователя творчества М. Шагинян, «она в поездках искала для себя ответ на вопрос: «нужен ли, да и возможен ли возврат вспять или единственный исторически разумный путь — это путь социализма?»; поездки по Закавказью — не только географические перемещения, но и путешествия в глубь хозяйственных проблем»¹.

В газетных публикациях этих лет (имеются в виду материалы в «Заре Востока») можно проследить нарастание интереса к экономическим проблемам, к «философии хозяйства». «Всеохватность», желание обо всем поразмыслить, местами эмоциональная перенасыщенность сменяются стабильным, углубленным интересом к злободневным народнохозяйственным проблемам.

Как отмечала сама М. С. Шагинян, «по-настоящему» она стала работать в Закавказье «статьями на общественные темы». Имеется в виду цикл очерков «Чиатура», с созданием которых писательница связывает свое «боевое журналистское крещение». Хочется обратить внимание на слово «боевое», ибо на экономические темы ею до этого было написано уже не мало.

Но писать так, чтобы от результатов работы зависело решение экономической задачи или проблемы, писательнице до этого, пожалуй, не приходилось.

«Боевое крещение», полученное в «Заре Востока», вызвало к жизни последующие газетные публикации. Вслед за «Чиатурой» М. Шагинян пишет циклы хозяйственных очерков: «Зангезурская медь», «Ткварчельский уголь», «Восхождение на Алагез», печатавшиеся в центральной прессе. Опыт и впечат-

¹ Л. Скориню. Мариэтта Шагинян-художник. Жизнь и творчество. М., 1975, с. 109.

ления, накопленные в период работы над очерками о Дзора-ГЭС и ткварчельском месторождении, помогли писательнице создать затем роман «Гидроцентральный» и «Роман угля и леза».

М. Шагинян считала, что идейно-профессиональная перестройка писателя «начинается с уходом в газету, в новую область производственных отношений, в проблемы хозяйства», так как изучение экономических проблем «приводит к необходимости теоретически овладеть ленинизмом-марксизмом».

Годы плодотворного сотрудничества с краевым органом партии — газетой «Заря Востока» — М. С. Шагинян считала «счастливой порой» жизни.

ХРОНИКА

КОНТАКТЫ РАСШИРЯЮТСЯ

В ГЛАВНОЙ редакционной коллегии по делам художественного перевода и литературным взаимосвязям при Союзе писателей Грузии состоялась встреча грузинских писателей с представителем крупного норвежского издательства «Алтера» Кирианосом Хрисостомидисом.

Он возглавлял группу сотрудников этого издательства, которые приехали в нашу страну с целью ознакомиться с национальными литературами народов СССР.

Председатель Главной редакционной коллегии Отар Нодия познакомил гостей со структурой и деятельностью

коллегии, отметил большое значение подобных встреч, рассказал об изданиях произведений норвежской литературы в Грузии.

В свою очередь, норвежские издатели преподнесли хозяевам в дар антологию грузинской поэзии, выпущенную в Осло два года назад. Там же изданы труды норвежского картвелолога Ганса Фокта — «Диалекты грузинского языка» и «Кавказские языки».

В беседе приняли участие секретарь правления Союза писателей Грузии Т. Чиладзе, главный редактор журнала «Мнатоби» А. Сулакаури, редактор издательства «Мерани» Г. Гвердцителли, поэт Т. Чантурия и другие.

Тариэл ЧАНТУРИЯ

ДВА ПОРТРЕТА

«КРАСОТА ТВОЯ ПЕРЕЖИВЕТ СТОЛЕТИЕ»

меется, в Грузии есть и другие, также самые красивые женщины, и это не парадокс!

Смотришь на Медею, — между прочим, прекраснейшая дочь Колхиды, наверное, должна зваться непременно Медейей, — смотришь на Медею Джапаридзе и начинаешь понимать, почему многострадальна красота грузинки: она ведь веками носила в перстне яд для защиты...

Согласно общепризнанному мнению, Медея Джапаридзе — самая верная мать и супруга! Разумеется, есть и другие, также самые верные матери и супруги, и именно это всегда являлось гарантией спасения Грузии!

В рассказе И. Бунина «Господин из Сан-Франциско» выведена влюбленная пара — красивый юноша и прелестная девушка. Никто из пассажиров не знает, что они наняты хозяином корабля специально для того, чтобы создавать атмосферу влюбленности, настраивать окружающих на любовный лад, внушать им идеи верности и любви, красоты и единения.

Не знаю почему, но при чтении этого рассказа у меня перед глазами стояла Медея Джапаридзе. В ее лице богиня любви как бы совершила коррекцию того злосчастного чувства, что разгорелось на корабле аргонатов, дабы показать всей Колхиде, всему царству Аэта образец истинной верности.

Великое благо — кинематограф! Он может донести до далекого будущего информацию о несравненной красоте. И

через тысячу лет увидевший киноленту «Кето и Котэ» поверит, что Медея Джапаридзе была самой красивой женщиной наших дней. Благодаря тому же кинематографу он сумеет узнать, что в наше время в Грузии было много других, также самых красивых женщин!

Обо всем этом и приблизительно так думал я ноябрьским вечером 1981 года, сидя у голубого экрана телевизора, — одетая в голубое Медея Джапаридзе читала Бараташвили, Галактиона и стихотворение Гоглы Леонидзе «Красота твоя переживет столетие».

Я сидел и повторял про себя: «И твоя красота переживет столетие!»

В семье Медеи Джапаридзе бытует мнение: публично читать стихи должен только поэт! Кто слышал, как читает свои стихи Мухран Мачавариани, не колеблясь разделит эту мысль. И в то же время ее начисто отвергнут все те, кто слышал, как плохо читает свои шедевры, истинные жемчужины грузинской поэзии... нет, не буду называть.

В тот вечер одетая в голубое Медея Джапаридзе с голубого экрана читала стихи вместо тех, кто хорошо читает их, вместо тех, кто плохо читает их, вместо тех, кто никогда не прочитает их.

Лично для меня это был чудесный памятный вечер, озаренный воспоминаниями, насыщенный незабвенными строками.

«Мой сегодняшний репертуар составлен не по какому-либо литературно-методологическому принципу. — просто, актриса читает свои любимые стихи». Такова была, если не ошибаюсь, первая фраза Медеи. Но ее любимые стихи оказались и моими любимыми стихами. Вспомним некоторые из них: Галактион Табидзе — «Помнишь или нет», «Те розовые дни я вспомню вновь», «Персиковая ветвь», «Июньское солнце» и др., Паоло Яшвили — «Матери», «Поэзия», «Как хлопанье паруса», Георгий Леонидзе — «Нине Чавчавадзе», Тициан Табидзе — «Сергею Есенину», «Итак, победа», Анна Ахматова — «Автопортрет», «Из Теофиля Готье», Александр Блок — «Пела девочка», Марина Цветаева — «Прохожему», Сергей Есенин — «Письмо матери», Руставели — «Послание Нестан-Дареджан возлюбленному».

Ее чтение — не просто декламация влюбленной в поэзию актрисы. Это исповедь человека, пришедшего из мира поэзии, открывающего его панораму, приобщающего к миру исполненной тайны Колумбины — музы Тициана, девочки

со странным именем Танит, легендарного Есенина, несравненных Пастернака и Белого, дорогих Галактиона, Паоло, Гоглы, Тициана..

Медея Джапаридзе рассказывает, и перед слушателями устных мемуаров встают пожелтевшие страницы прошлого — Аргети, где родился Паоло Яшвили, с речкой Извари и крепостью Модинахе, лекарь и общественный деятель Вано Гомартэли, Луарсаб Мачавариани — дедушка Мухрана, Сеит Яшвили, семья Абдушелишвили и под конец — «В то лето, когда он ушел навеки...» Только навеки ли?! Нет! И непреложное свидетельство тому то, что сейчас, в эту минуту, нам читает стихи Паоло влюбленная в его поэзию актриса.

На голубом экране открывается новая страница воспоминаний.

...Ованес Туманян — маститый поэт, варпет — просматривает вечернюю газету. Его внимание привлекает одно объявление: гость Тбилиси русский поэт Городецкий доводит до сведения общества, что будет читать свои новые стихи.. на квартире Тициана Табидзе. Ованес поражен — разве Тициану до приема гостей, когда его семья почти голодает! Подобные же мысли одолевают самого Тициана, а еще более хозяйку дома — Нину Макашвили. В который раз они просматривают газету, в который раз читают объявление русского поэта! Именно в этот момент неожиданно открываются двери и посыльные вносят в дом огромные ящики, а в ящиках все необходимое для приема многочисленных гостей — от вина до бокалов, от продуктов до дорогого сервиза! Олень оленю протягивает траву, любящее сердце армянина — грузину!

На голубом экране перелистывается страница.

Марина Цветаева говорит Нато Чхендзе, уезжающей в Грузию: «Какое счастье, там так тепло!»

И странная печаль овладевает телеаудиторией; и Марине Цветаевой причиталась частичка того тепла, которым так щедро одарила Грузия Пастернака и Заболоцкого, Тихонова и Антокольского...

И вновь воспоминания.

Мы привыкли к тому, что актер обычно читает чужой текст. Может быть, поэтому нам трудно поверить, что эта молодая женщина — свидетель и очевидец многого. (Вспомним посвященное Нато Вачнадзе стихотворение И. Гришашвили: «Вот уж тридцать лет, как тебе семнадцать»).

...Три письма Нины Макашвили к Толстой, Эренбургу и

Пастернаку, пересланные через Медею Джапаридзе, и следовательно, три глубоко памятные встречи!

...И под конец последний приезд Пастернака в Грузию.

В заключение Медея Джапаридзе читает письмо Нестан, и ее фигурка на сцене смотрится как доселе неизвестная иллюстрация к «Вепхисткаосани».

Да, конечно же — Клеопатра!

Да, и Стрекоза, разумеется!

Джюльетта Меден исполнена истинно первозданного целомудрия и красоты!

Карожна — жертва, которую отличают свет и доброта!

Сколько незабываемых образов! Сколько совершенных масок!

Однако не менее значительная роль Меден Джапаридзе, на мой взгляд, — это Медея Джапаридзе, красавица-грузинка, несущая доброту своей красоты из фильма в фильм, из театра в семью, одаривающая ею сына, потом внуков! Красота — сама по себе талант! Сколько сердец она заставляет биться! Сколько воспоминаний будит! Сколько слез осушает! Сколько драгоценных мыслей рождает! Медея захватила зрителя не только любимыми стихами, но и своим очарованием, она сумела пробудить в нас возвышенные чувства, и мы обязаны этим не только поэзии, но и ее скромности и красоте.

Это был поистине театр одного актера. Отличный театр! Незабываемый театр!

Мы любим поэтические вечера Зины Кверенчиладзе, Татии Хаиндрава, Гурама Сагарадзе. Ныне театр поэзии заблистал еще одной прекрасной гранью!

Ноябрьским вечером я сидел у голубого экрана: «Красота твоя переживет столетие!»

«И твоя красота переживет столетие!» — думал я, не отрывая глаз от голубой фигуры любимой актрисы, напоминающей птицу, которая вот-вот должна взлететь.

УХОЖЕННЫЕ МОГИЛЫ

КАК монастырь Портаитиской богородицы на Афоне или Палестинский и Петрицонский монастыри блюди честь и достоинство христианской Грузии, вызывали почтение к ней, так 565 могил на маленьком острове Тексель вселяют уважение к далекой Грузии — и после смерти войны-грузи-

ны продолжают служить родине. А тот, кто и после смерти служит родине, — истинный герой.

Именно об этом был фильм, который мы смотрели недавно в Малом зале Грузинской филармонии. После показа фильма один из участников восстания на Текселе, присутствовавший на премьере, сказал:

— На голландской земле погибло 565 грузин, и они восстали из мертвых благодаря стараниям Резо Табукашвили, но кроме них он воскресил и нас, 228 солдат, вернувшихся на родину целыми и невредимыми. Большое спасибо ему за то, что он даровал вторую жизнь всем нам, и живым и мертвым!

Если долг писателя стоять за забытых героев, а его высшая нравственная обязанность — служить истине, то фильмы Резо Табукашвили, его бесконечные паломничества в места, где есть что-либо, связанное с Грузией, вся его жизнь, наконец, — это жизнь истинного мастера, весь смысл которой в поисках загубленной красоты, свидетельств доблести, покрытых пылью забвения, с тем чтобы сделать их всеобщим достоянием.

В небольшом стихотворении, которое почему-то не вошло в фильм, воины-грузины просили прощения за то, что единственная земля, которую они «захватили», — могильная земля — была «отнята» у маленькой Голландии.

Голландский народ благодарен грузинским героям за то, что они совершили, и за то, что после смерти служат благородному делу братания двух народов именно на голландской земле.

Вот об этом — новый двухсерийный документальный фильм Резо Табукашвили и Гии Чубабриа.

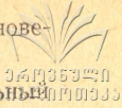
Киностудия «Грузия-фильм» сняла два полнометражных фильма о Голландии и Текселе с участием Резо Табукашвили (слово «с участием», разумеется, не отражает роли Р. Табукашвили в создании этих фильмов): «Остров, распятый на кресте» Ш. Манагадзе и «Грузины в Нидерландах» Г. Чубабриа.

Два фильма — художественный и документальный.

Ставить вопрос, какой лучше, значит пытаться выяснить, в котором из них Резо Табукашвили превзошел Резо Табукашвили.

Сравнив эти фильмы, заинтересованный человек может получить богатый материал о весьма актуальной проблеме взаимосвязи документального и художественного, исследова-

нием которой в настоящее время так заинтересованы киновед-
ды, литературоведы и многие другие «веды».

Впрочем, и «Грузины в Нидерландах» — документальный фильм, так сказать, не в чистом виде, он создан на основе слияния художественного и документального материала.

Лично мне нравятся оба фильма, но второй чуть больше.

Я не киновед, и мне трудно обосновать свое мнение.

Может быть, потому, что я особенно люблю документальное кино, или, как любит говорить сам Резо Табукашвили, тому виной «эффект достоверности»...

Деятельность Резо Табукашвили в кино составляет то редкое и счастливое исключение, когда сценарист не только сценарист, но и творец, по художественному диктату которого и создается фильм.

Результатом подобного диктата явились «Грузины в Нидерландах», и этот факт несколько не умаляет заслуг одаренного режиссера фильма.

В фильме рассказывается, как фашистский сапог раздавил знаменитый голландский тюльпан и как погасло сверкающие грани амстердамских бриллиантов.

Мир создали боги, а Голландию — голландцы. В фильме немало кадров, подтверждающих это крылатое выражение. С изумлением смотрел я, как смелые люди вершок за вершком отвоевывают у моря клочок земли.

Так пядь за пядью, одну за другой вырвал Резо Табукашвили из мрака забвения дорогие могилы и присоединил их к маленькой грузинской земле с таким радением, как это сделали новые наши друзья — голландцы.

Дамбы, разрушенные цунами, безжалостно размывые набережные, стада и табуны, унесенные десятибалльным штормом, дети, оставшиеся без крова и родителей, плачущие матери, схватившиеся со стихией мужчины — это картины, символизирующие войну, борющуюся против третьего рейха Голландию. Но вот с помощью камня, привезенного из дальних стран, восстанавливаются дамбы, вновь возводятся дома и зацветают знаменитые голландские тюльпаны, и мы ассоциируем эти картины с залечиванием ран, нанесенных войной. Так, не демонстрируя ужасов войны, авторы фильма путем прямых ассоциаций показали нам зловещую ее поступь.

Все события в фильме объединяет одно лицо — их непременный участник, диктор, эmissар, гость, интервьюер и хозяин Резо Табукашвили. Представительный, свободно изъясняющийся по-английски, с простыми, непринужденными манерами, столь характерными для его народа, он на наших глазах делает свое благородное дело: представляет друг другу людей, сближает их, закладывает прочные основы дружбы между двумя народами.

Живое свидетельство этой грузино-голландской дружбы — мать Корнелия — в тот день присутствовала на премьере. Уже обласканная нами, она с любовью смотрела на Нелли Амашукели и, как ребенок, глазами просила перевести и то, что не могла выразить словом, но носила в сердце, как неопенимое сокровище: любовь к этому народу, уважение к нему.

Выражение «правдивое, вызывающее доверие лицо», которое так часто встречается в кинорецензиях, казалось мне как нельзя более естественным в тот момент, когда я смотрел на мать Корнелию на экране.

Скупыми штрихами нарисованы и остальные персонажи этого волнующего фильма: председатель Всемирного совета ветеранов Мишель Натрошвили и другие.

Теплый и добрый юмор, сквозящий местами в картине, не противоречит общему ее трагическому тону. Фильм сопровождает нежная грузинская мелодия (мне и сейчас слышится необыкновенный голос Омара Кевхишвили).

Все участвующие в создании фильма достойны одинаковой благодарности: операторы — за прекрасные краски и интересные ракурсы, композитор — за хорошую музыку, монтажер — за гармоничный и ритмичный монтаж.

Сделано еще одно хорошее дело. Да, именно дело, ибо «Грузины в Нидерландах» для меня лично не просто хороший документальный фильм, а нечто более значительное.

А за это большое спасибо создателям фильма и в первую очередь Резо Табукашвили, писателю, верному теме героев Тексея.

Я уже не говорю о том, что этой теме — героев Тексея и грузино-голландских отношений, — если можно так сказать, повезло. Вспомним хотя бы роман известного писателя и публициста Реваза Джапаридзе «Страстная неделя» и его очерк о Нидерландах.

Благодаря им душа Эгмонта и краски Брейгеля и Ван Гога сегодня гораздо ближе грузину, чем несколько десятков лет назад.

И об этом тоже говорилось в тот вечер после премьеры фильма.

В нашей памяти навсегда остались песня и улыбка Мишеля Натрошвили, грузина, рожденного на голландской земле.

За спасение этой песни и этой улыбки на Текселе погибли 565 грузин и 117 голландцев.

Их святым могилам возносит хвалу фильм «Грузины в Нидерландах».

ХРОНИКА

ГОСТЬ ИЗ ИНДИИ

В ГРУЗИИ гостил известный общественный деятель, прогрессивный индийский писатель-коммунист, генеральный секретарь индийской федерации прогрессивных писателей Азии и Африки, лауреат премии Джавахарлала Неру, Лотоса и индийской Литературной Академии Бхишам Сагни.

В Тбилиси он встретился с поэтом-академиком, лауреатом премии имени Шота Руставе-

ли и Дж. Неру Ираклием Абашидзе, сотрудниками редакции Грузинской Советской Энциклопедии, сотрудником Института востоковедения Академии наук республики индологом Н. Кенчошвили.

Издательство «Мерани» выпустило в свет книгу «Индийская новелла» в переводе с хинди Н. Кенчошвили. В сборник включены произведения современных писателей Индии и среди них шесть новелл Б. Сагни.

Руставели, заслуженным деятелем искусств Грузинской ССР.

Письма Миколы Бажана к Симону Чиковани глубоко эмоциональны.

Какое это свидетельство дружеской взаимовыручки, деловых контактов, могучей человеческой поддержки в любых жизненных обстоятельствах! А какая в этих письмах постоянная неизбывная потребность во взаимном общении, как настойчиво желание вместе провести отпуск, встретиться в Москве, в любой точке Советского Союза, только бы встреча состоялась, потому что это «... интересно и полезно — и отдых, и вдохновение для стихов...»

Знакомясь с письмами, получаешь многогранную информацию о литературной жизни как Украины, так и Грузии, о взаимной помощи обоих поэтов при осмыслении того или иного переводимого произведения.

Работая над переводом поэмы Руставели, Микола Бажан делится с Симоном Чиковани не только трудностями и проблемами, возникшими во время сложного творческого процесса, но и обращается к своему другу с просьбой помочь украинским товарищам в проведении руставелевских дней на Украине.

Много творческого труда и истинного вдохновения было

вложено поэтом в работу над переводом поэмы Шота Руставели, и какая радость охватила Бажана при завершении своего поэтического подвига: «Ура! Кончил перевод Руставели. Целую, Микола», — сообщает он своему грузинскому другу Симону Чиковани телеграммой.

Высоко ценил Микола Бажан то отношение и любовь, которые испытывали Симон Чиковани и многие грузинские писатели к Украине, украинской литературе.

Микола Бажан широко пропагандировал грузинскую культуру и поэзию на Украине. Он был инициатором всех дружеских и творческих начинаний между украинским и грузинским народами.

Большое место в переписке Миколы Бажана с Симоном Чиковани занимают не только переводческие и литературные проблемы, украинский поэт делится с другом также своими повседневными делами, мечтами.

И как бы ни был занят Микола Бажан, он всегда находил время вспомнить о Грузии и о грузинских друзьях.

Когда сотрудники Музея дружбы народов обратились к М. Бажану с просьбой разрешить публикацию его писем, хранящихся в фондах музея, он ответил следующим письмом:

«Дорогие товарищи!

ГРУЗИЯ «..В СНАХ СНИТСЯ, В МЕЧТАХ МЕРЕЩИТСЯ»

◆
ПИСЬМА
МИКОЛЫ БАЖАНА К
СИМОНУ ЧИКОВАНИ
◆

В ФОНДАХ Музея дружбы народов Академии наук Грузинской ССР хранится множество материалов, ярко свидетельствующих о тесных взаимосвязях выдающихся сынов разных народов Советского Союза.

Эти взаимосвязи, различные по характеру, проникнутые теплотой человеческих чувств, ярче всего выявляются в письмах, хранящихся в личных фондах грузинских писателей, артистов, ученых — Т. Табидзе, С. Чиковани, С. Шаншиашвили, Д. Гамрекели, Ф. Давитая и многих других.

Среди них особое внимание привлекают письма Миколы Бажана к Симону Чиковани охватывающие период с 1930-х годов по 1960 годы.

Все эти годы их переписка носила регулярный характер. Письма Миколы Бажана пронизаны любовью к Грузии, к ее людям и природе, к грузинской литературе. Бажан одним из первых выдающихся советских писателей широко ввел в современную украинскую поэзию грузинскую тему. Его переводческая деятельность весьма многогранна: переводы поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре», «Давитиани» Давида Гурамишвили, произведений Николоза Бараташвили, Акакия Церетели и Важа Пшавела, наших современников Галактиона Табидзе, Георгия Леонидзе, Симона Чиковани, Валериана Гаприндашвили, Сандро Шаншиашвили и многих других. Микола Бажан был редактором первой антологии грузинской советской поэзии, изданной в Киеве. Его перу принадлежат статьи, в которых исследователь делится своими мыслями об истории Грузии, о грузинских поэтах и грузинской литературе вообще. Все это нашло отражение в его письмах, а заслуги Миколы Бажана перед грузинской литературой были высоко оценены: он был лауреатом республиканской премии имени

Большое спасибо Вам за теплые новогодние пожелания и Ваше намерение подобрать и издать мою переписку с грузинскими писателями. Считаю это намерение для себя высокой честью. Хотелось бы только ознакомиться с текстом писем и его вступительной статьей (если такая предполагается).

Видно, и у меня наберется какое-то количество писем от грузинских друзей, но моя корреспонденция находится в таком беспорядке, что мне надо найти много свободного времени, чтобы эту переписку собрать. Однако я, когда обстоятельства позволят, этот труд предприму и найденные письма передам Вам в Музей, где они, я знаю, будут в сохранности. Их дальнейшая судьба — хранить ли, издавать ли — будет в верных дружеских руках.

Еще раз — спасибо. Хорошей, нужной, ценной Вам работы, дорогие товарищи.

Ваш

Микола Бажан

15/1-82 г.
Киев.»

В другом письме, адресованном доктору филологических наук И. Богомолову, Микола Бажан высоко оценивает роль и значение той миссии, которую сегодня осуще-

ствляет Музей Дружбы народов Грузинской ССР:

«Тот уникальный музей, в котором Вы... работаете, — учреждение, достойное высшей похвалы и уважения. Ведь он — детище нашего глубокого чувства интернационализма и советского патриотизма».

В конце июня 1983 года я встретила с Миколой Бажаном в Киеве и передала ему отпечатанные на машинке копии его писем к Симону Чиковани. Микола Бажан очень тепло и заинтересованно расспрашивал о Грузии, о Тбилиси и, кончая беседу, с тоской произнес: «Как давно я в Грузии не бывал. Как хочется приехать, но годы не те, и здоровье не позволяет. Да и многих друзей уже нет».

На память о нашей встрече от имени сотрудников музея я преподнесла поэту только что изданный альбом работ Ладго Гудиашвили. Микола Бажан сердечно поблагодарил и с гордостью добавил, что уже имеет один альбом с дарственной надписью самого художника.

Приведенное ниже эпистолярное наследие выдающегося советского поэта¹ является бесценным подтверждением

¹ Личный фонд Симона Чиковани № 1, единица хранения 12. Приводимые в настоящей публикации письма цитируются по данному фонду.

ем его огромной любви к Грузии, к ее истории и сегодняшнему дню, к ее народу, многовековой культуре, к гру-

зинским собратьям по перу, пронесенной им через всю его жизнь.

УДК 82.09
ББК 84.093.01
303.0010033

Манана НИНИДЗЕ

* * *

Дорогие Симон и Марика!

Что же Вы молчите? Ведь для нас большая радость — весточка от Вас. Симон! У меня к тебе дело. Прости за беспокойство. Я хочу прислать тебе 2000 строк Руставели, чтоб и ты посмотрел и передал С. Г. Иорданишвили¹ в институт Руставели. Мне хочется (я знаю, что Иорданишвили мало знает укр. язык, но все-таки), чтоб институт через Иорданишвили просмотрел хотя бы по верхам мою работу и дал указания. Прости, что я тебя прошу помочь мне в этом деле, что беспокую тебя, — надо и в институт пойти, и организовать это дело — но мне разрешает наша дружба. Напиши сейчас же, согласен ли ты. Я вышлю свой перевод. Получили ли Гаприндашвили² и другие товарищи деньги? Их выслали на Союз. Где твои подстрочники? Марикушка, дорогая, пишите. Привет всем.

Микола

10.3.36 г.

Дорогие Симон и Марика!

...У нас весна, разливается Днепр, и звенят жаворонки, только я, по дурной привычке своей, Вам известной, сижу ночами и сплю днями, лишь вчуже ощущая весну. Мучают меня с Руставели, требуя и статей, и докладов, отрывая от работы. Сколько могу, столько сделаю. Во всех центральных газетах наших уже были страницы Руставели, был я у Затонского (наркомпроса нашего) по вопросу о грузинском месячнике, приезде писателей, устройстве Руставелиевской выставки и вечера. Руководящие товарищи получают как будто возмож-

¹ Иорданишвили С. Г. (1898—1953) — грузинский советский языковед, руствелолог, переводчик.

² Гаприндашвили В. И. (1888—1941) — грузинский советский поэт.

ность заняться немного и вопросами литературы, т. к. период организационной перестройки (о котором Вы знаете из газет) уже прошел. Все эти вопросы Затонский обещал разрешить... до 2 апреля 1936

...Подстрочники твои уже роздал — Первомайскому, Головановскому, Кулыку, Рыльскому, самому себе и хорошим молодым поэтам. Книжка твоя должна быть сделана по всем правилам совести и поэзии. Что слышно с той книжкой? Пошлю тебе и Марике один стишок про нашу поездку в Тмокви. Таинственные буквы «М. Ч.» должны говорить о том, что стих этот посвящен твоей и моей знакомой девушке Марике Чиковани, более известной под фамилией Элиава. Пусть не сердится Марика из-за изменения фамилии, т. к. я всегда могу (если она про это хоть что-нибудь скажет) изменить «Чиковани» на «Элиава», и за качество посвященного ей стиха. Если он подойдет для книги — включи его.

Да, Симон! Спешно вышли номер «Мнатоби» со статьей Капанели!!!³.

Микола

[1936]

Ой, Симоне, горенько тобі, ще одного листа пишу!

Умоляю, не сердись! Но старик Руставели 750 лет ждал этого времени, и не я тебя тревожу, а он. Украина хочет его знать, и мы не имеем права отказать ни Украине, ни Руставели. Вот едут в Тбилиси еще два товарища — от «Известий ЦИКа Украины», заведующий отделом культуры и сотрудник этого отдела, молодой поэт. Они едут, чтобы организовать номер газеты, посвященный Руставели. Помогите им советом, познакомьтесь с нужными людьми и, может, сами напишите статью. Что делать? Руставелиевские дни будут требовать нашей, а особенно Вашей, грузинской энергии. Ведь эти дни должны пройти по всему Союзу хорошо. Поэтому не сердись, дорогой Симон, за целый каскад писем к тебе. Товарищи, едущие в Тбилиси, все горят желанием по-настоящему поработать, чтобы организовать всесоюзное празднование Руставели. Им надо помочь, и только поэтому я разрешил себе писать к тебе эти письма.

Дорогой Симон! Очень тебя прошу — помогите украинской

³ Капанели К. Г. (1889—1952) — грузинский советский литературовед, искусствовед.

Дорогой мой Симон!

...К антологии грузинской поэзии нужен комментарий — не все слова и термины будут понятны нашему читателю. Я его в основном составил, но есть ряд слов, которые я не знаю и пояснить не могу. Я их напишу сейчас все, а ты пришли к ним пояснения:

Андукапар, Аск (знаю — термин географ., но где и что?), Балахваны, Баракон, Велиэт, Глола, Гильгамеш (царь Ассирии, Вавилонии? Какой век?), Кахабер, Коретул, Крихул, Нигонт, Рицеула, Сакаура, Скодора, Сори, Цесские горы, Црава, Хидикар⁴ — это первое, очень спешное дело, потому что задерживается печатание антологии, которая уже сдана в набор. Из-во на днях переводит всем грузинским поэтам гонорар — суммы смехотворные, дают лишь по рублю за строчку, мотивируя тем, что это, мол, антология.

Второе дело — нужно ли мне в из-во Федерации посылать подстрочники моих стихов? Мне стыдно про это дело даже спрашивать, ибо договор-то я подписал год тому, а сделать — ничего не сделал.

Третье дело — подстрочники для антологии украинской поэзии уже готовы. Через дней десять вышлем сразу все.

Ну, теперь немножко про себя. Я сижу безвыездно на даче под Киевом — в Ирпене. Тут же Павел Антокольский, Савва Головановский, которые передают тебе горячий привет. Сижу и работаю над Руставели, и плачу от бессилия, и грызу этот гранит. Буду жить в Ирпене, пока хотя бы в основном не справлюсь с работой. Осталось еще меньше половины — буду жить тут, как монах и отшельник, три-четыре месяца, не зная ничего, кроме Руставели, но вчерне закончу. Без Руставели в Грузию я не приеду, хоть очень и очень хочется, в снах снится, в мечтах мерещится.

Забыли меня друзья, но ты их всех поцелуй за меня, скажи им, что я их люблю, не забываю и радовался бы каждому слову от них. Да! Что у Коция Гамсахурдиа? Сын, дочь? Крепко, крепко его приветствую, жму ему руку, целую руку Миранды⁵. Две руки целую у Марики, а ты уже без моих

⁴ На все эти слова рукою С. Чиковани приписаны пояснения.

⁵ Суяруга К. Гамсахурдиа.

поцелуев обойдешься, дорогой, любимый Симон! Письмо
по киевскому адресу — мне передадут

Микола

[1936]

Дорогой Симон!

Податель этого письма, молодой литературовед тов. Стебун, сотрудник Института литературы, едет в Тбилиси собрать материалы для сборника Института про Руставели. Пишу тебе, хотя знаю, как ты занят, но к кому еще обратиться, чтобы помочь тов. Стебуну познакомиться с руставеливедческими кругами, с литературоведами, с музейными работниками? Только к тебе могу я сейчас обратиться. Ты познакомь его с Иорданишвили, Ясамани⁶, Капанели, с кем найдешь нужным и кто является фигурой и авторитетной, и политически выдержанной. Прости за беспокойство, но этот сборник имеет для Украины большое значение и хочется, чтобы вышел хорошим. Я сегодня еду в Москву на Руставелиевскую Комиссию. Когда-то мы увидимся? Кажется, вечность прошла с тех пор, когда я тебя и Марику в последний раз видел.

Жму тебе руку, целую ручку Марике и желаю тишины Вам, спокойствия и даже радости.

Гайнка передает свой сердечный привет.

твой Микола

...P. S. Жду дня, когда приеду в Тбилиси.

Мой перевод обещают к числу десятому декабря издать. Он уже в печати.

Микола.

[1936]

Дорогой Симон!

Давно от тебя весточки не имел. Как Марика? Хоть бы слово написали, а то ведь думаем о Вас, волнуемся, хотим знать, как и чем живете. Сейчас же напишите.

...**Спешное дело!** Вступительная статья Бесо⁷ к грузинской антологии должна быть переделана. Не только скажи ему, но прямо официально потребуй как председатель поэт. секции, чтобы переделки (или новая статья) были немедленно мне высланы. Антологию надо перепечатывать, и из-тво требует ма-

⁶ Кинцурашвили М. П. (псевдоним Ясамани) (1885—1955) — грузинский советский поэт, переводчик.

⁷ Жгенти Б. Д. (1904—1976) — грузинский советский литературовед, критик.

териалов. Помоги мне, Симон, ибо все это по линии антологий валится на мою голову...

...С моим Руставели дело понемножку идет...

...В конце письма пишу о самом желанном. Если ты не сможешь приехать к нам в августе—сентябре, то, может, Марика приедет погостить? Пишите. Привет дорогим друзьям. Когда-то увидимся? Пишите.

Ваш Микола.

[1937]

Дорогой Симон!

Что это ни весточки ты не шлешь? Я прямо пропадаю—живу тревожно, нехорошо, работы до черта! Вожусь с Шевченковской выставкой. Вот едет сейчас наша сотрудница в Баку, Тбилиси, Ереван собирать материалы о взаимоотношениях Шевченка с деятелями грузинской, армянской культуры, о переводах (дореволюционных и современных) Шевченка на грузинский язык, о мероприятиях, связанных с популяризацией и увековечиванием памяти Шевченка в Советской Грузии.

Очень прошу тебя — помоги ты ей, чтоб достойно отразить на выставке тему «Советская Грузия; Грузинская литература и Шевченко». Может, прикомандируй к ней знающего человека, который указал бы ей материалы. Где ей достать все грузинские газеты со страницами о Шевченко? Жму тебе руку, поцелуй Марику. Привет всем друзьям. Скоро увидимся в Киеве.

Твой Микола

26.I.39 р.

Дорогой Симон, дорогая Марика!

Как давно не получал я от Вас настоящей дружеской весточки, как давно и сам Вам не писал! Это не потому, что не думал, не вспоминал о Вас, дорогие и любимые! Нет! Мелкие хлопоты, заботы, да и работа забивают время и голову. Будучи в Казахстане, я думал возвращаться домой через Каспий к Тбилиси, но меня в Ташкенте напугали, что может случиться такое, что я прожду в Красноводске парохода неделю, и я, перепугавшись этой малорадостной перспективы, решил от своего плана отказаться.

Читаю в газетах я, Симон, о твоей большой самоотверженной работе по проведению юбилея Шевченка. Какой ты молодец, с какой благодарностью говорим мы тут о тебе! Скоро увидимся — обязательно чтоб приехала и Марика, слышишь, Симон? Ты должен все сделать, чтоб Марика приехала на

Шевченковские дни. Посылаю тебе «Комуніст» со страниц посвященной дням Шевченка в Грузии. Что надо сделать, чтоб помочь тебе? Надо ли выслать подстрочники, сделанные тут ко многим стихам Шевченка? Пиши. Антологию грузинской поэзии я уже давно сдал.

Микола

[III.1939]

Дорогие Симон и Марика!

Много радости доставило мне Ваше письмо. Сколько времени не получал я от Вас весточек, сколько времени не видал прекрасной любимой Грузии — как будто вечность прошла! Много испытаний, мучений, терзаний пришлось перенести. Живу надеждой и предчувствием, что худшее уже позади, что ледадек уже день радости...

...Тут в Москве ходят слухи, что ты, Симон, должен скоро приехать. Как хочется тебя видеть, поговорить с тобой! Я все время (когда была возможность) узнавал про тебя, жадно вчитывался в каждое твое слово, которое встречал в прессе. Как живут наши дорогие друзья? Леван⁸, Тина⁹, Ираклий¹⁰? Что слышно про сыновей Раждена¹¹ и Ило¹²?

Как часто я с Ниной вспоминаем роковые дни — дни предгрозя, проведенные в Сагурамо. Нина мечтает о поездке к Вам. Может, ей и удастся это как-нибудь, хотя она связана работой в госпитале. Разве можно сейчас строить какие-нибудь, хоть бы даже кратковременные планы? Планы сейчас так похожи на мечты.

Я, к сожалению, последнее время ничего не пишу. Стал чиновником, сижу в Совнаркоме Украины, командировочные предписания подписываю. Мечтаю, что вскоре смогу так организовать свое время, что останется его немного и для своей работы. Знаю, что ты много и хорошо работаешь и, признаться, завидую тебе.

Ну, ничего — возвратимся на Украину, купим себе там хатку, разведем поросят и пчел, будем угощать дорогих дру-

⁸ Асатиани Л. Н. (1900—1955) — грузинский советский литературовед.

⁹ Супруга Л. Н. Асатиани.

¹⁰ Абашидзе И. В. — грузинский советский поэт, академик.

¹¹ Гветадзе Р. М. (1897—1954) — грузинский советский писатель.

¹² Мосашвили И. О. (1896—1954) — грузинский советский писатель.

зей, которые станут приезжать к нам в село, — вот тогда и стихи будут писаться.

Обнимаю Вас, дорогие мои Симон и Марика, НИЗНЕМ
но Вас целует и приветствует. Ждем Симона (а, может, и Марику) в Москву. Пишите, дорогие

Ваш Микола
[1944]

Дорогие, милые Симон и Марийка!

Как я тосковал этим летом за Вами, за всей Грузией! В минуты самой большой усталости я вспоминал голубизну гор, сочную зелень садов, огненный цвет гранатов — помнишь, Симон, все то, что так успокаивало и радовало нас, когда мы выходили из Харагоули или по склонам имеретинских гор, заглядывая по дороге в виноградники и срывая цветки с гранатовых деревьев? Много воды ушло с тех пор, но незабываемого забыть нельзя... Харагоули, Барисахо, Вардзия, Тбилиси, подножье Казбека, Сагурамо. Я называю эти имена, и тепло обливает мое сердце. И странными кажутся мне твои слова, что я мог забыть...

Симон, Марийка! Приезжайте на Октябрьские дни в Киев. Пусть будет осень и дожди, но вас тут любят и ждут, а больше всех жду я. Вот сейчас мы отправляем в Союз писателей Грузии приглашение приехать вместе с делегацией шахтеров, колхозников и несколькими писателям. Ты просто должен приехать, Симон, основа сближения украинской и грузинской литературы. Ты просто должен забрать с собой Марийку! Поедем по Украине, поедем в красивый старинный Львов, на Карпаты. Думаю, что и это войдет в программу. Жду от тебя телеграммы. Не знаю, сколько человек выделит Ваш союз и кого именно, но думаю, что увижу вместе с тобой и еще друзей.

Твоя книга выйдет к тому времени. Выйдет и Руставели¹³. Книга твоя, к сожалению, будет небольшая — 1500 строк, но в ней будут приличные переводы. Еще не знаю, как будет отпечатана — с бумагой у нас очень тяжело, и, может, качество ее заставит желать много большего.

Если ты сам приедешь на Октябрьские дни, то я тут тебе передам свою новую книгу, где помещены те стихи, о ко-

¹³ Речь идет о третьем издании поэмы Руставели «Витязь в тигровой шкуре» на украинском языке.

сказано в монографии о творческом процессе, характерном для Ю. Бондарева, — писать каждую книгу «расточительно и щедро», отдавая всего себя без остатка, — в полной мере может быть отнесено к исследователю: «...меня особенно тревожит, — признавалась она в одном из писем, — что Юрий Бондарев уверовал в мое понимание и способности, в мою эрудицию. Звонит мне, разговаривает подолгу, дарит книги... Я была у него — не могли наговориться. Все это делает меня просто счастливой — я ведь бесконечно люблю его как художника, как личность. И одновременно вселяет мучительную тревогу: одно дело рассуждать о том, о сем. А другое — написать книгу. Да так, чтобы понравилась мне и ему».

В другом письме: «Застряла где-то около середины пути. Но я, несмотря на плохое самочувствие, ни на один день не бросаю работу и как дятел стучу по крошечке, по зернышку. Иногда кажется, что не одолею, иногда какая-то надежда и просвет. Только бы хватило физических сил и выдержки...»

И когда книга была близка к завершению: «Осталась одна глава — заключительная. Самая для меня трудная, хотя и многожды продуманная. Глава о «Береге». Об этом романе мы много говорили с Бондаревым, и ему моя концепция показалась оригинальной, интересной. Но одно дело на словах высказать кое-какие соображения, а другое — воплотить их на бумаге. Сейчас я и маюсь с этими трудностями...»

Но вот вышла книга, ставшая спустя короткое время библиографической редкостью. Она вызвала множество откликов — рецензий и читательских писем. Критика признала, что монография Е. Горбуновой «Юрий Бондарев. Очерк творчества» — серьезный вклад в советское литературоведение, фундаментальное исследование творчества большого и талантливого художника, лауреата Ленинской и Государственных премий СССР. Отмечалось, что Е. Горбунова выступает на страницах книги как искусный, тонкий и глубокий исследователь, чутко улавливающий нюансы эстетических, философских, нравственных проблем анализируемых произведений, значение их идейных концепций, богатство и своеобразие художественного мира писателя.

Исследование творческого пути писателя Е. Горбунова ведет, отталкиваясь от суждения Ю. Бондарева о том, что главные герои литературы — это Личность, История, Борьба, Время. Нравственность. На первое место писатель ставит Личность,

правляю официальное письмо. Иорданишвили о подстрочниках Гурамишвили. Начинаем переводить.

Микола

[XI.1949]

Дорогие Марика и Симон!

Как хочется мне повидаться с Вами! Приезд А. Г. Барамидзе был для меня праздником, с особенной силой разбудил он во мне стремление повидать вас, любимые друзья.

Может, если поедем с Ниной в Гагры (а это еще пока не выяснено), то обязательно заедем к Вам. Но когда это будет? Пока ничего не знаю. ...У меня ничего хорошего. Заседания и бумаги. Писать, конечно, не могу. Это все очень ухудшает настроение.

Послали меня в Карелию, был почти у полярного круга. За время поездки немного отдохнул от своей бюрократической волокиты, но сейчас с удвоенной силой снова за нее принялся.

Жалко, что меня не было во время всяческих переговоров о приезде Барамидзе, Левана. Мы думаем в сентябре все это организовать заново и по-настоящему. В случае окончательного решения — я тебе, Симон, сейчас же сообщу. Мечтаю — авось ты с Марикой приедешь. Почему Леван не приехал в Киев? Разве он забыл, что тут живет Бажан, который очень рад был бы его приезду?

Целуй всех дорогих друзей.

Твой Микола

[1949]

Дорогие, милые, любимые друзья Марика и Симон!

...Что рассказать о себе? Дни и ночи сижу на работе. Устал до безумия. Ей-богу, иногда кажется, что ум уже заходит за разум от переутомления. Конечно, о стихах и подумать некогда. Мечтаю об отдыхе, об отпуске, обещают дать с 1-го сентября. И вот у нас с Ниной предложение к Марике и к тебе. Давайте вместе отдыхать. В Гаграх или в Сочи отдыхать тяжело. Влажно, жарко, дышать трудно. Мне кажется, что для Симона климатически лучше Крым. Там есть очень приличный санаторий Хоракс (возле Ялты). Давайте поедем туда. Будет машина, попутешествуем по Крыму. Севастополь, Бахчисарай, Феодосия, Гурзуф. Места Пушкина и Мицкевича. Не будет ни забот, ни слухов, ни телефонных звонков. Очень Вас просим — соглашайтесь. Если согласны — шлите телеграмму. Путевки для Вас мы тут возьмем. А Вы садитесь в Батуми или в Сухуми на теплоход и к 1 сентября высажи-

войдите на Ялтинскую пристань. Мы там будем и Вас встретим. Вот здорово будет! Умоляем Вас — соглашайтесь. Ведь где-нибудь вблизи Тбилиси (как для меня — вблизи Кавказа) для Симона настоящего отдыха не будет. Ждем Вашей телеграммы, дорогие, милые. Крепко-крепко целуем Вас и всех-всех друзей. Живем мечтой, что в сентябре увидим Вас.

Еще раз целуем Вас и всех друзей великовозрастных, малолетних и среднелетних...

Ваш Микола

[1949]

Дорогие Марика и Симон!

...Отпуск кончился. Нина начала работать. Берусь за работу и я. Прежде всего хочу взяться за перевод Гурамишвили.

Симон, я тебе говорил, что если у меня пойдет все благополучно, то я приеду в Грузию, чтобы проверить подстрочники Гурамишвили, наметить, что надо переводить и чего переводить не надо, — словом, поработать вместе с Барамидзе, Иорданишвили и Надирадзе¹⁴. Смогу ли я это сделать, если приеду в Тбилиси в первых числах ноября? Есть ли перечисленные выше товарищи в Тбилиси и смогут ли они уделить мне в эту пору необходимое время? Спроси их. К тебе у меня такая просьба: сидеть все время в Тбилиси нет для меня смысла. Я хотел бы пожить в Тбилиси, сделать что нужно по подстрочникам Гурамишвили, а потом на недели две-три поехать куда-нибудь в дом-отдыха (Ликани, что ли), где я смог бы получить отдельную комнату, и там начать работу над переводом. Можно ли это устроить?..

...Если все пойдет так, как я мечтаю, то скоро я увижу Вас, дорогие друзья. Целую Вас и всех, всех друзей крепко. Нина присоединяется к этим поцелуям

Ваш Микола

18.10.[1949]

Дорогие Марика и Симон!

Послал я Вам телеграмму, но ответа не получил. Беспокоюсь, все ли у Вас благополучно, все ли здоровы? Прошу Вас — сейчас же напишите.

У нас все идет нормально. Я ездил в западные области: возвратившись, снова засел за Гурамишвили.

...Хочу, чтобы книга вышла к 1 августа — сейчас могу

¹⁴ Надирадзе Г. А. (1902—1960) — грузинский советский критик, литературовед, руствелолог, переводчик.

работать, а как сложится у меня жизнь в мае — не знаю. Могут оторвать от работы, и тогда все мои планы насчет Гурамишвили лопнут...

...В отношении заботливости — Леван, взявшись за Церетели, хоть и с опозданием, но выполняет свое обещание. Я ему очень благодарен. Вот только что получил третий пакет подстрочников Церетели. Договор на эти подстрочники издательство уже выслало. Передай Левану, что я с нетерпением жду его небольшой статьи (он обещал ее написать) к твоей «Песне о Гурамишвили». Я уже начал ее переводить — постараюсь, чтобы к осени она вышла.

Занят я по уши, но перебой с подстрочниками Гурамишвили не дают возможности спокойно работать. Для меня этот перевод сейчас самая важная работа. Только окончив ее, я начну думать о своих стихах. Поэтому-то я прошу твоей помощи.

Напиши мне. Нина и я крепко целуем Марику, тебя и всех друзей.

Микола

25.04.[1950]

Дорогие Марика и Симон!

...Я так надеялся, что увижу Вас в Москве — но Вы сиднем сидите — смотрите, скоро мохом обрастете, как старые камни грузинских гор. Ей-богу, прямо грустил, когда узнал, что Вы в Москву не приедете. Мечтал, что сядем с Симоном и выпьем по рюмке коньяка, а Марика не будет за это на нас сердиться.

Хочу уведомить тебя, Симон, что украинская книга твоя уже пошла в печать... Думаю, что через месяц смогу прислать тебе сигнальный экземпляр. А вот с Гурамишвили — задержка. Думали печатать в Лейпциге — не вышло. Тут печатать — изуродуют иллюстрации. Москва же и Ленинград, где могут хорошо сделать красочную печать, поставили такие сроки выполнения, что книга и к 150-летию моему не вышла бы. Ну ничего, как-нибудь выйдем из плачевного положения такого!

...Что у нас хорошего? Сижу, работаю...

...Ездили ли Вы в Сухуми? ...Статья Левана пошла в книгу (про тебя), а про революционную поэзию начала XX века будет напечатана в № 12 журнала «Вітчизна».

Кончатся переводы стихов Шаншиашвили. У меня к тебе просьба — скажи ему, чтобы выслал мне Сандро свою хорошую фотографию...

...Жду от Вас весточки, дорогие мои. Крепко целую всех друзей.

Микола

Р. С. До сих пор нет подстрочников антологии и дальнейших подстрочников Церетели. Скажи об этом Левану. Целую

М.

2.XI.50 р.

Київ.

Дорогие Марика и Симон!

Конечно, я надеялся получить от Вас более радостные письма. Думал, что все уже идет хорошо, по-справедливому. Не унывай, дорогой Симон, — глубоко убежден я, что допущенные по отношению к тебе несправедливые нападки со стороны некоторых будут в конце концов исправлены.

У нас, как ты знаешь, большие тревожения, собрания, обсуждения. Находятся модники, которым в литературе грош цена, — они стараются криком и сведением личных счетов заработать себе хоть что-нибудь. Надеюсь, что такие крикуны будут скоро усмирены, и все пойдет так, как должно идти и как партия хочет, чтобы дела в нашей литературе шли. Нервы, конечно, трепяты. Видно, здорово я постарел — нервный запас уже небольшой. Лично на меня нападок особенных нет, но не могу же я не тревожиться общим положением в нашей литературе. В конце месяца у нас будет писательский пленум — думаю, что нужный порядок наведется, и я смогу вместе с Ниной спокойно уехать на отдых. Собираемся с 1-го августа отдыхать в Кисловодске, в санатории им. Семашко (куда я тебя очень прошу и написать письмо), а потом на месяц уехать в Коктебель, в Крым.

Около Киева сейчас отдыхает Н. А. Заболоцкий с семьей. Числа 24-го он выедет в Москву, а оттуда в Тбилиси. Какие они хорошие, славные люди — и он, и Екатерина Васильевна! Как хорошо он относится к Марике и к тебе, как любовно и внимательно! Не знаю, увижу ли я его перед отъездом, ибо сам сегодня должен уехать на дней шесть во Львов для подготовки пленума. Николай Александрович расскажет Вам о нашей жизни.

Книгу твою получил. Большое спасибо. Не очень верю, что ты с Марикой в этом году выберетесь на Украину. Если бы знал, что это может быть в сентябре, отказался бы от Коктебеля, и вместе поехали бы по Украине. Напиши мне в Кисловодск более точно про твои планы...

...Как у Никушки¹⁵ с экзаменами? Как Леван и Тина? Напиши, дорогая Марика, о них, а то в этом году вряд ли придется мне увидеть дорогих друзей, хоть бы знать они живут.

Нина крепко Вас целует. Ждем вашего письма в Кисловодск. Надеемся, что все будет хорошо и радостно.

Целую вас, дорогие Марика и Симон,

Микола

P. S. Вышла по-украински поэма Леонидзе, на днях выходит Шаншиашвили. Задержался из-за декады. Возвратившись в Киев после отдыха, засяду за Церетели и антологию.

Микола

19.06.51 г.

Дорогие Марика и Симон!

Как Вы меня растрогали, как Вы меня утешили своей заботой, своим телефонным звонком, своим письмом! Спасибо, дорогие друзья. Я сейчас в санатории под Киевом. В Кисловодск ехать мне запретили — нельзя ни ванны принимать, ни климат резко менять. После очень сильного припадка спазмов сосудов мозга и сейчас еще при малейшей усталости болит голова. Не пришла еще она в порядок.

Работать не могу. Надо еще немного отдохнуть. Побуду тут, в санатории, до числа 28-го, а там мы решим с Ниной из Москвы двинуть пароходом до Ростова. Вот было бы здорово, дорогие друзья, если бы мы вчетвером такое замечательное путешествие совершили. Для этого надо числа 30-го встретиться в Москве и двинуть потом по Волге и Дону. Если бы было Ваше согласие, то я бы заранее попросил бы забронировать нам две каюты первого класса на число 1-ое—2-ое. Как ты смотришь на это, Симон? Как отнесется к этому Марика? Я думаю, что это было бы и интересно, и полезно, — и отдых, и вдохновение для стихов. Сразу же напиши или телеграфируй мне, если Вас, дорогие, такое путешествие соблазнит...

...В Миргород я не ездил — не мог. Говорят, что прошло празднование там прилично. [...] Меня очень тронуло, что и грузинские товарищи, и Н. Заболоцкий приезжали проведать меня в санаторий. Конечно, принять их тут как следует я не мог, но от всей души был им благодарен. Теперь буду целый месяц сидеть безвыездно, чтобы голова совсем пришла в по-

¹⁵ Сын С. Чиковани.

рядок и чтобы наше общее (я надеюсь!) путешествие по Волге ничем мои немощи не портили.

Скажи Левану, что Анакия я сдам через месяц — отъездом в Москву, и избранный том Церетели в укр. переводах выйдет еще в этом году.

Целую Вас крепко...

Ваш Микола.

7.08.52 г.

Дорогие Марика и Симон!

...Последнее время хожу, как одержимый. Влезла в голову навязчивая идея поехать летом на Курильские острова. Знаю, что будет тяжело, и здоровье не то, и лета не те, а мечтается очень. Читаю о Курилах все, что тут нахожу, и знаю, что там вовсе не рай, но это не ослабляет моих мечтаний. То ли это стариковские причуды, то ли неожиданная вспышка энергии, но страшно хочется туда поехать и написать что-нибудь о людях на этих далеких, неудобных и холодных островах. Не знаю, как сложится судьба и смогу ли выполнить свои мечты, но буду стремиться их выполнить. Целуем Вас крепко — и я, и Нина.

Ждем в Москве Вашего письма.

Микола

14.1.55 г.

Дорогие Марика, Симон, Николаи!

Только что возвратился вместе с Ниной из Кисловодска. После съезда сразу туда поехали — стало у меня хуже с сердцем. Хоть погода была отвратительная — ветер, снег, мрак, но все-таки гуляли, ходили, ели творог и простоквашу — я похудел на два кило, сердцу стало лучше. Нина тоже чувствует себя бодрее — так что в общем Кисловодск дал немного пользы. Ходили мы там с Ниной, вспоминали дни, проведенные вместе с Вами, дорогие, милые друзья, думали о Вас... В Киеве на меня сразу навалились дела. В августе будем праздновать столетие со дня рождения Ивана Франка. Я — председатель правительственного комитета. Представляешь себе, сколько за полтора месяца моего отсутствия набралось хлопот. Дорогой Симон, мы ждем твоего приезда и приезда грузинских писателей на эти франковские торжества. Напиши мне, что Вы думаете сделать и что предполагается издать к юбилею. Попроси Ираклия, может, пусть он от Союза пришлет информацию в наш Союз или Франковский комитет для помещения этой информации в прессе. Вообще

не поленитесь и сразу же напишите нам и про себя, и про всех дорогих друзей. Из «Лит. газеты» узнал, что Гурам Асатiani в Москве, а где Тина? В Москве или возвратилась в Тбилиси? Как Гогла¹⁶? Пишите. Симон — лентяй, так я к тебе, дорогая Марикушка, с этой просьбой обращаюсь. Нина и я крепко Вас целуем.

Ваш Микола

29.III.55 г.

Дорогие Марика и Симон!

Я прямо соскучился без весточки от Вас. Как Вы там живете?... Ничего из Грузии не получаю, ничего не знаю, что у Вас делается. Начинаем мы готовить антологию грузинской поэзии. С охотой думаю, что приеду летом снова к вам. Как хорошо мне было у Вас, как интересно и красиво поездил я по милой, любимой грузинской земле!

Сегодня уезжаю в Берлин.

...После долгого опоздания вышел в конце концов мой перевод Руставели¹⁷. Пока есть лишь сигнальные экземпляры. Тираж будет через дней 7. Значит, после возвращения из Берлина сразу вышлю тебе и друзьям новое украинское издание. Не могу достать второе издание Гурамишвили, которое обещал я тебе выслать...

...Очень обрадовался я, получив грузинское издание своих стихов. Ты ведь мне ни слова не сказал, что книга вот-вот выйдет, поэтому и получился настоящий сюрприз, доставивший мне неожиданную радость. Книга, мне кажется, вышла приличная. Передай друзьям, что я глубоко за нее благодарен. Неужели еще и гонорар за эту книгу мне полагается? Это было бы прямо роскошно.

Вот, значит, начинаем готовить антологию. Я буду редактором, а организатором придется, вероятно, взять О. Новицкого. Кто-нибудь из нас должен в начале лета выехать в Грузию, а кто-нибудь должен будет привезти переводы. Не знаю еще, как я с Новицким поделю эти обязанности, но лично очень хочу снова приехать к Вам, милые, дорогие.

Поцелуйте за меня всех друзей и обязательно напишите

¹⁶ Леонидзе Г. Н. (1899—1966) — грузинский советский поэт и общественный деятель, народный поэт Грузии, академик.

¹⁷ Имеется в виду четвертое издание поэмы Руставели «Витязь в тигровой шкуре» на украинском языке.

мне. Буду обрадован, если, приехав из Берлина, застану дома Ваше письмо.

Микола 04.10.57
[31.3.57г.]

Дорогие, милые Марика и Симон!

Когда же мы Вас увидим? Телеграфируй сроки, возможные для Вашего приезда к нам. Дело, действительно, ждет тебя, Симон. Без твоей помощи украинская антология грузинской поэзии не сможет дальше двигаться. Необходим и твой совет тут, в Киеве, и твои дружеские вмешательства и помощь там, в Тбилиси.

Много недоделок задерживают работу над антологией. **Во-первых**, не все подстрочники прислали. Я к этому письму прилагаю список «підрадкові, які треба наді слати». Классиков должна была сделать Е. Вирсаладзе⁸¹, а советских — Н. Надирадзе, но до сих пор те подстрочники, которые перечисляются в списке, нам не прислали.

Во-вторых, из вступительной статьи мы пока получили только часть (до Саят-Нова), написанную А. Барамидзе, остальные — XIX, XX век и советская поэзия — должен прислать Г. Маргвелашвили, но до сих пор не прислал. Поговори с ним серьезно. Ведь он очень нас задерживает, не исполняя своего обещания.

В-третьих, Тамара Андгуладзе должна прислать биографические (краткие) данные о поэтах, входящих в антологию. Скажи ей, что уже пора эти данные нам прислать.

В-четвертых, ты сам не ответил на письмо, с которым к тебе обратилось издательство по поводу «Тамариани»... Если ты вскоре сможешь приехать сам в Киев, то и проконсультируешь тут переводчика, а если твой приезд задерживается, то напиши, будь любезен.

Вот такая у меня к тебе просьба. Большая, огромная и очень для меня важная. Я поставил себе целью в этом году антологию грузинской поэзии сделать и очень тебя прошу помочь мне.

Лучше всего будет, конечно, если ты сам (конечно, вместе с Марикой) приедешь. Телеграфируй мне возможность твоего приезда, и я сейчас отправлю тебе и в Союз писателей официальное приглашение. Жду.

⁸¹ Вирсаладзе Е. Б. (1911—1977) — грузинский советский фольклорист.

Целую тебя, Марику, Николая, всех, всех милых и любимых друзей. Нина ко мне присоединяется.

твой Микола

6.05.58 г.

Киев

Дорогой Симон!

Спасибо тебе за ответ. Конечно, по отношению к Чахурадзе мы будем поступать так, как ты советуешь. Жаль, что до сих пор ты не видел К. Надирадзе. Очень тебя прошу — повидай его, пусть он подпишет договор. И еще важное дело: **дослать недостающие подстрочники** (список у тебя есть) и **окончание вступительной статьи**. Помоги нам в этом, ибо иначе задерживается сдача в печать антологии.

Я послезавтра еду в Москву и обязательно поговорю с Сурковым о твоей поездке в Чехословакию, что, однако, не снимает вопроса о твоём приезде к нам в Киев. Я, возвратившись из Москвы, буду жить под Киевом, если не в самом Киеве. Мы могли бы вместе отправиться на авто в небольшую поездку. Думаю, было бы и интересно, и нужно для издания антологии...

...Мы думаем ее издать в двух томах, а не одним томищем, который и в руки трудно взять...

твой Микола

23.05.58 г.

Дорогие Марица и Симон!

Когда же мы Вас увидим? Когда встретимся? Сто лет, кажется, прошло уже, как мы Вас видали.

Едет в Тбилиси Олекса Новицкий. Везет два толстенных тома украинских переводов грузинской поэзии для антологии, членом редколлегии которой мы хотели бы, нам на радость и честь, видеть и глубокоуважаемого Симона Николаевича, к которому и обращаемся с такой покорной просьбой.

Дорогой Симон! Помоги нам, побеседуй с тов. Олексой, просмотри материалы, не все, а главное покритикуй. Будем тебе очень благодарны. Может, и Союз писателей сможет заслушать сообщение тов. Олексы об украинской антологии грузинской поэзии...

Твой Микола

[1958]

Дорогие, милые Марица, Симон, Николай!

Как мы давно Вас не видели! Хотели осенью поехать в

Грузию, но Нина болела — и провели мы свой отпуск под Киевом, на даче. А какой это отдых, если между тобой и неприятностями нет хотя бы такого тормоза, как пространство...

...Сижу в Энциклопедии. Работы много. Всяческих умных и неумных осложнений тоже хватает. Немного во время отпуски работал для себя. Кое-что написал. Рабиндраната переводил. Хотел про тебя, Симон, статью написать, но к статье хорошо было бы дать несколько переводов твоих новых стихов... Будь же человеком, Симон, пришли подстрочники...

Целую

твой Никола

I.X.62 г.

Дорогие, любимые Марика, Симон, Николай!

Сижу в санатории после некоторых неприятностей с сердцем, пытаюсь стихи Симона переводить — замечательные, мудрые, полные нежности и любви стихи — и что-то никак в ритм поэтической работы не войду...

Надеюсь, что приеду к Вам в дни Украинской декады. Я тут с молодыми поэтами задумал сделать нечто вроде маленькой антологии грузинской современной поэзии. Трудно с этим юным своенравным народом работать, надо ругаться, учить их, а сил не хватает. Правда, ругаться надо не очень — их и так заругали до бесчувствия.

Милая Марика, спасибо тебе за письмо и подстрочники. Целую Вас всех крепко-крепко. Если захотите меня обрадовать — напишите. Я Вас очень люблю и, как самому себе, как Нине, желаю Вам всем счастья и душевного покоя.

Ваш Никола

[3.VIII.1964]

Дорогие, милые друзья Марика, Николай, Элисо и все, все! Посылаю тебе, Марикушка, только что изданную «Песню про Давида». Не очень удачно помещен портрет Симона, и название на обложке почему-то дали «поэма»! Я не видел эскиза и был поражен. Почему не «Песня про Давида Гурамисвили»? Но уже поздно, книжка напечатана.

Сейчас готовлю украинское издание Бараташвили. Надо к сентябрю издать книгу, чтобы приехать не с пустыми руками. Очень хочу побывать осенью у Вас...

...Я и Нина целуем Вас всех крепко-крепко. Пишите

Микола

[1967?]

Свидание современников

КАЖДЫЙ читатель воспринимает книгу по-своему. Тем более, если эта книга — поэтический сборник. Каждый увидит в нем свое — или не увидит...

Книга стихов Юрия Ряшенцева «Високосный год» ассоциируется у меня с осенью. С осенью как временем года. С осенью как временем жизни. Наконец, с осенью как вехой в судьбе. Если продолжить это сравнение, можно уточнить ощущение — октябрь, такой, каким он обычно бывает в Тбилиси: теплый, светлый, яркий и в то же время словно сосредоточенный. Бабье лето? Пожалуй, если только такое определение уместно, когда речь идет о книге очень мужской, очень мужественной... Для исповеди необходимо мужество, а поэзия — это всегда исповедь; о чем бы ни говорил поэт, он говорит о себе. Более того: исповедь есть в какой-то степени подведение итогов: и возраст тут ни при чем, а високосный год, если верны приметы, — как раз трагически подходящее время для исповеди...

Мы убеждаемся, что подведение итогов у Ю. Ряшенцева — не технический ос-

мотр остановленной машины, напротив, в эти минуты душа живет, быть может более напряженно, болезненно, обнаженно, чем в моменты самих событий. Осмысление поступка нередко бывает куда мучительнее самого поступка, а воспоминания даже о самых ярких и радужных днях всегда сдобрены горечью сознания, что это — ушло. Что жизнь уходит, что уходят люди, которых любишь. Все это очевидно, просто, все это было всегда, но ведь каждый человек живет впервые и впервые переживает свои утраты.

...Детство. Война. Старый москворецкий двор со своим миром — таким простым и таким причудливым. Первая музыка, первая дружба, первая любовь. «Воспоминания о городской слободе» — так называется один раздел книги. Это — первое постижение величия личности.

Потом — юность... Нет, в книге нет четкого деления на периоды. Память вольна в своем поиске, но поиск ее не случаен, в нем есть внутренняя последовательность, ведь речь, в сущности, идет не о воспоминаниях — в книге просто-напросто присутствует судьба. «Просто-напросто»? Как бы не так! Простые судьбы если и встречаются на земле, то очень уж редко. А здесь — и судьба человека, и судьбы современников, и судьба поколения, и во всем этом — перипетии истории, то есть судьба страны, судьба Родины. Волга и Тихий океан, Тбилиси и Владивосток, Ленинград и Москва — обширная география

находит свое отражение, свое место в книге. Я говорю: в книге, а не в стихах, потому что сборник «Високосный год» необычайно един, целен: каждое стихотворение в отдельности — лирика, но вместе они слагаются в нечто эпическое, подобно тому, как отдельные события и переживания выстраиваются судьбой, у которой столько же общего с биографией, сколько у исторического романа — с хроникой.

Наверное, главная тема, сюжет книги — встреча людей, свидание современников, пересечение жизненных путей во времени и пространстве:

...Но в разнорядье лет,
Которых тьмы и тьмы,
Не чудо ль, что на свет
Явились вместе мы...

«Причастность к человеческому роду недолгое бессмертие сулит» — это уже из другого стихотворения — так вот, недолгое бессмертие, и, стало быть, недолго бессмертное чудо встречи, сопереживания, сопутствия. И столь же неумирающий страх потерять, лишиться этого чуда. Тут волей-неволей начинаешь задумываться об огромной ответственности, принимаемой на себя теми, кто вступает в Союз Людей. Пожалуй, именно эта ответственность становится внутренним сюжетом «Детективной поэмы», впервые опубликованной в сборнике и властно концентрирующей на себе внимание читателя...

Мучительный конфликт книги — в глубоком, тонком умении ценить подарки бытия, радоваться им от всей души, — и в необходимости принимать — как долж-

ное утраты, принимать по-мужски, сдержанно, с достоинством, а это не всегда получается, никакая мудрость не помогает спокойно хоронить друзей, никакая мудрость не спасает от срыва... Но кто знает — быть может, в этом срыве и явлено высшее человеческое достоинство: нежелание мириться, нежелание принять неприемлемое...

...У нас в стране,
у нас в родне

Уж так заведено:
Когда бессмертья
не дано —
Не надо жизни мне!

И здесь же хочется привести финальную строфу стихотворения, где идет спор с «веселым буддистом» о тайнах посмертного бытия.

И безмолвно,
но — долго, протяжно
вслед счастливицу
кричал я всю ночь:
— Да пойми, не исчезнуть
нам страшно —
нам расстаться,

расстаться невмочь!
Стихотворения Ю. Рышенцева можно цитировать лишь целиком — такая их отличает вылепленность, завершенность, так плотно сплетены в них все строки. Техника, разумеется, не самоцель — это артистизм мастера, сознающего свои возможности, а потому временами — игра, но игра всерьез. Взять, к примеру, стихотворение «Два золотых ствола...», исполненное в ритме танго.

При всей горечи переживаний в книге нет и тени уныния: радость, доставляемая мастерством поэта, побеждает... За блеском, легкостью угадывается огром-

ный труд, ювелирная работа над словом. Впрочем, я склонен сравнивать Юрия Ряшенцева не с ювелиром, а скорее с оружейником былых времен, ибо на память приходят шпаги толедских мастеров — предметы, в сущности, бытовые, обиходные, даже будничные, — но разве ощущается эта будничность в том, как они сделаны, как безупречно надежен клинок, а эфес являет собою воплощение вкуса, изящества, затейливой эстетики. Сравнение со шпагой не случайно еще и потому, что работа со словом, борьба с ним и за него кажется поэту средством защиты от невзгод, и благодаря ей можно добиться многого, найти то, заветное слово — и...

И сбудется однажды
небылица:
друзей неумирающие
лица
вдруг обретут и мимику,
и речь,
и к нам простое
знание возвратится.
И кто для нас сумел
его сберечь?

Ряшенцев не из тех поэтов, которые поют «нечто» и «туманну даль». Его стихи всегда или почти всегда предметны, и это придает им особый вкус; в стихотворении «Быт в доме сельского попа» даже чудится этакая раблезианская усмешка... Кстати, раз уж речь зашла о шпагах, то отчего бы не вспомнить озорные, лукавые песни к инсценировке «Трех мушкетеров», — ведь это тоже Юрий Ряшенцев!

Можно много говорить об изяществе, слержанности его стихов, об их силе — то плавной и упругой, то рез-

кой и жесткой, но тогда пришлось бы слишком много цитировать, а это трудно: как известно, из песни слова не выкинешь, а вычленишь напоказ, право же, не легче.

...Впрочем, эта
проповедь — глупа.
Как в ней разделить
добро и зло?
Ремесло — еще ведь
не судьба.
А судьба — уже
не ремесло.

Когда стихи достигают определенного профессионального уровня, судить их, в общем-то, уже ни к чему — остается лишь делиться впечатлениями, а делясь впечатлениями, как и сам поэт, говоришь уже о себе... Ловлю себя на том, что так и не рискнул ничего написать о самых любимых своих стихах из «Високосного года» — о «Размышлении», например, или о «Музыке в дождливое лето», или — почти ничего — о «Детективной поэме», так поразившей в первый раз и открывшей столько нового и важного при последующих прочтениях...

В «Високосном году» есть преемственность. Сюда вошли некоторые стихотворения, уже знакомые читателю по предыдущим сборникам поэта, в частности, по «Иверской стороне», изданной три года назад в Тбилиси. Стихотворения тоже могут становиться спутниками, друзьями, и новая встреча с ними радует. Так, Ю. Ряшенцев еще раз признался в своей любви к Грузии, включив в новую книгу стихотворения «Тбилисский дождь», «Объяснение с

Тифлисом», «Старый Тбили-
си», «Ананури».

Високосный год — по
примете — год утрат. Но в
нем есть и один «лишний»
день, и в этот день может
произойти, например, слу-
чайная встреча со старым
другом. Она происходит, и
это чрезвычайно важно.
Жизнь продолжается.

...Что день? Прямое
попадание
Лучей — не более
того...
Лишь современников
свиданье —
Вот оправданье для него.
Свидание современников

ПОЭЗИЯ ДРУЖБЫ

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД КНИГОЙ

ЕСЛИ идти вдоль Глав-
ного Кавказского хреб-
та, то один за другим пе-
ред Вами выстраиваются
вечные гиганты — Ушба,
Тетнульд, Шхельда, Казбек.
В их голубых глазах —
солнце, их снежные головы
посеребрены сединой вечно-
сти, и они как бы говорят
высоко: «Мы бессмертны,
что значишь ты перед нами,
мгновенный человек?»

Но если идти вдоль
Главного Кавказского хреб-
та, то перед Вами выстраи-

состоялось. Это — о взаи-
моотношениях поэта с чита-
телем.

А с самим собой? И в сей-
час я хочу назвать
одно качество, неотъем-
лемо присущее творче-
ству Юрия Ряшенцева и,
чадо полагать, сопутствую-
щее ему в жизни, потому
что можно воспеть в цикле
стихотворений какую-нибудь
добродетель, но невозможно
искусственно пропитать ее
духом все свое творчество.
Я говорю о верности. Вер-
ности друзьям, близким, Ро-
дине, самому себе, собст-
венному пути...

Александр ЗЛАТКИН

вается и другой ряд вечных
имен. Как непоколебимые
горные вершины, высятся
они — Шота Руставели,
Рафиэл Эристави, Николоз
Бараташвили, Акакий Цере-
тели, Важа Пшавела, Илья
Чавчавадзе. Они сияют ров-
ным, добрым светом, они
не чванятся своей вечно-
стью, но каменные горы как
бы понижают перед ними,
уходя в безвестный сумрак
ночи своими гаснущими
хребтами.

В самом деле, что стоит
вечность молчаливого камня
перед трепетом смертного
сердца! Жаркое солнце и
холод горного потока в кон-
це концов раскалывают
скалы. Но из сердца то же
солнце высекает искру вдо-
хновения, и она сверкает
на волне горного потока.
Бессмертно сердце, если его
песня рождена бессмерт-
ным солнцем! Бессмертно

солнце, если его песня рождена горным потоком!

А волна все стремится вдаль, и вот уже струи голубой Арагви и желтой Куры сливаются в единую реку полноводной грузинской поэзии. Я иду по ее берегу вдоль Главного Кавказского хребта, и все новые вершины возникают передо мной — Галактион Табидзе, Валериан Гаприндашвили, Иосиф Гришашвили, Тициан Табидзе, Симон Чиковани, Сандро Шаншашвили, Сандро Эули, Георгий Леонидзе, Ило Мосашвили.

Только ли грузинские имена встают передо мной? Расходится горный туман — и я вижу высоко в небе лучезарную песенную раду-гу Петербург - Тифлис. Я вижу, как великий Пушкин пролагает путь русской поэзии по Военно-Грузинской дороге. Уже в начале прошлого века русская культура стала неразлучной с Грузией, и без Грузии мы не можем представить себе ни Пушкина, ни Лермонтова, ни Грибоедова.

Но зачем идти тысячеверстным путем вдоль Главного Кавказского хребта — можно пройти по страницам летописи: ведь это — тот же самый путь поэзии и вдохновения. Грузинская колония в Москве и московские художники в Кахетии. Лермонтов воспевает «волшебную страну» за Кавказским хребтом, и Илья Чавчавадзе спешит за Терек в Петербургский университет.

Страницы летописи — это истоки дружбы грузинского и русского народов, зародившейся еще в глубине веков. Страницы летописи

— это содружество русских революционных демократов и грузинских шестидесятников. Страницы летописи — это наше современное содружество в области науки и искусства. Но кто оживает перед нами свергающие страницы летописи?

И здесь мы должны сказать, что и наше время богато порывом и вдохновением энтузиастов. Ванó Шадури — литературовед, но он и поэт, приобщающий читателей к бессмертным именам энтузиастов. Ванó Шадури — историк, но он прежде всего патриот и интернационалист; Ванó Шадури — доктор наук, но он также пропагандист всего доброго, что подарила нам жизнь и к северу, и к югу от Главного Кавказского хребта.

О чем бы ни писал он, труды его отмечены прочной научной основой, подлинностью документации, значительностью обобщений и выводов.

Новая книга «Сквозь столетия», составленная Ванó Шадури и выпущенная издательством «Мерани» (1983), как сообщает ее подзаголовок, включает в себя произведения и материалы различных жанров. Но она включает в себя прежде всего историю развития русско-грузинской дружбы.

«Сквозь столетия» — так называется эта книга, и, действительно, она как летопись повествует о событиях ряда веков. Но за всем многообразием фактов — и в этом величайшая особенность грузинской истории! — сквозит и крепнет одна основополагающая идея. Это

идея сближения двух народов, когда-то разделенных почти непреодолимым Главным Кавказским хребтом, но логикой своего внутреннего развития в конце концов накрепко и навсегда соединенных.

Где же истоки нашей дружбы? А где истоки Волги и Куры? — в глубине вечности. Еще в конце XII века Шота Руставели и Григорий Чакрабадзе говорят о русских. Поэзия здесь несколько даже отставала от жизни — русская летопись упоминает о бракосочетании еще в 1154 году князя Изяслава и царевны Русудан. Характерно, что спустя тридцать лет царица Тамар вступила в супружество также с русским князем.

Батыево нашествие, как черный поток, надолго разделило наши народы. Но не могла утратить исторической энергии страна, в которой, по выражению К. Бальмонта, не только цветы учат нежности, но и скалы учат силе. И в долгие десятилетия монгольского ига Грузия и Россия продолжали сохранять контакты друг с другом. Идя по страницам книги, мы узнаем, что непосредственное сотрудничество двух народов началось еще во второй половине XVI века: Москва направляет в Кахетию военный отряд.

Исторические факты такого рода интересны сами по себе. Однако мастерство составителя книги заключается не только в отборе и последовательном расположении фактов. Историческая летопись перемежается высказываниями деятелей новейшей истории — Е. Бол-

ховитинова, Н. Карамзина и других, являясь в какой-то мере комментарием к ним. И с самого начала звучит высокий хор поэзии, в котором сливаются голоса Руставели и Пушкина, Алексея Толстого и Арчила Второго.

Как определить жанр рецензируемой книги? Подзаголовок ее на титуле гласит: «Художественные произведения. Документы. Статьи. Очерки. Мемуары. Письма. Речи». Все это действительно так, но я бы сказал, что перед нами многоголосый и двуязычный, однако цельный и монолитный гимн во славу дружбы и братства. И любви, потому что где еще в мировой истории найдется любовь, равная любви Александра Грибоедова и Нины Чавчавадзе!

Трагичная судьба выпала на долю прославленной умом и красотой дочери Александра Чавчавадзе: в августе 1828 года она надела подвенечное платье, а уже через несколько месяцев — траурное. Но ее личная трагедия стала достоянием истории. Обручальные кольца ее были обручальными кольцами Грузии и Русского государства. Легендарные слова Нины, обращенные к Грибоедову, можно адресовать и ей самой: «Ум и дела твои бессмертны в памяти русской»...

Россия оказывала гостеприимство грузинам в трудные для них времена. Грузия ответно оказала гостеприимство русским, и это было не просто гостеприимство, это было выражение народного сочувствия, более

того — классового сознания. Ибо принятые Грузией сосланные в «Южную Сибирь» декабристы были борцами за свободу. Русский царизм преследует революционеров, членов кружка Петрашевского — и их тоже принимает гостеприимная Грузия.

Так складывалось духовное единение прогрессивных деятелей двух народов. Акакий Церетели писал: «Мы высоко ценим братство, единение и дружбу нашу с народами России... с которой мы желаем идти рука об руку не только для осуществления национальных, но и общечеловеческих идеалов, которые называются братство, единство, равенство». О необходимости совместной классовой борьбы с русским народом против царизма говорил и Эгнате Ниношвили: «Наше крестьянство должно равняться по русскому крестьянству, добиваться свободы вместе с русским крестьянином».

Составитель совершенно прав, посвятив особый раздел русско-грузинским связям в свете ленинского учения о двух культурах. Но он прав также, указывая, что борьба двух культур, двух идеологий пронизывает всю историю двух стран на всем ее протяжении. Подтверждением тому является содружество русских революционных демократов и грузинских шестидесятников. Подтверждением тому является борьба грузинских демократов и революционеров за освобождение из

ссылки Н. Г. Чернышевского.

Перед русским читателем проходят знакомые имена — Пушкин, Лермонтов, Белинский, Герцен... Но в этой книге они освещены особым светом — светом пылкой грузинской зари. Общеизвестна роль великих русских писателей в развитии литературы братских народов нашей страны. Однако как обогащают наше понимание этой роли приводимые в книге высказывания виднейших деятелей грузинской культуры. Какой любовью дышат слова Николадзе о Чернышевском или Георгия Чаладидели о Некрасове! Любви учиться нельзя, но иметь всегда перед собой примеры такой высокой любви — можно и должно!

«Нельзя забывать, — писал Я. Мансвешавили, — что Илья (Чавчагадзе) и все мы, его соратники, были воспитаны на русской литературе. Кому обязаны мы развитием нашего ума? — Чернышевскому, Добролюбову, Писареву и русским ученым (...). Мы были их редными детьми». Поистине, глубже и лучше не скажешь! Но и русская прогрессивная общечеловеческая платила дань сердечного признания выдающимся борцам за народ Илье Чавчагадзе, Акакию Церетели и их коллегам.

С Грузией связаны имена Глеба Успенского и А. П. Чехова, А. Н. Островского и Льва Толстого. Широкий читатель с интересом прочтет страницы о материалах для повести «Хаджи Мурат», письма Л. Толстого о революционных событиях

в Гурии. Высказывания Толстого о грузинах полны пронизательности и дружелюбия. А как многозначительно и обобщающе звучит стихотворение Важа Пшавела, посвященное Толстому!

Об этой книге нельзя сказать хоть сколько-нибудь подробно в жанре рецензии! Можно только рекомендовать людям разных профессий читать ее и перечитывать. И о деятелях науки говорится в ней, и о деятелях искусства. Конечно, воспоминания Ф. Шалапина можно найти и в другом издании, но в контексте данного сборника они звучат по-особому.

В Тбилиси же начался творческий путь и его великого современника Максима Горького, напечатанного здесь в газете «Кавказ» свой первый рассказ «Макар Чудра». Как справедливо писал Ф. Махарадзе, тбилисцы могут этим

гордиться. Гордиться красотой своего гостеприимства и радушия. Недаром именно на грузинской земле родились хрестоматийные строки Горького: «Превосходная должность — быть на земле человеком, сколько видишь чудесного...»

Заключительный раздел сборника посвящен ленинской дружбе народов, рожденной в совместной борьбе за победу социалистической революции.

На этом можно было бы и кончить краткий рассказ о сборнике «Сквозь столетия», добавив лишь, что он издан прекрасно и снабжен ценными иллюстрациями и портретами, а также тщательно подобранным и подробным справочным аппаратом. Но как не сказать, что данный сборник — только одно звено в разносторонней деятельности его составителя?

Владислав ШОШИН

КНИГА ОБ ИСКУССТВЕ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА

ГЛАВНОЙ редакцией восточной литературы издательства «Наука» в 1982 году выпущена монография «Резьба по дереву в Дагестане». Автор ее, Парук Дебиров, художник, кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР.

Монография исследует важную область монументального и прикладного искусства народов Дагестана, издавеле населяющих земли между Кавказским хребтом и юго-западным берегом Каспийского моря и сформировавшихся в IV—V веках н. э. локальный вариант культуры на базе Албанско-Сарматской культуры.

Свыше 25 лет упорного труда, скитаний по труднодоступным селам понадобилось автору для сбора того богатого и исключительно интересного фактического

материала, который составляет основу его исследования.

Автором изучено около 600 памятников монументально - декоративного искусства и предметов домашнего быта, представленных в 345 иллюстрациях, выполненных преимущественно самим автором.

Иллюстрации эти, представляющие сами по себе прекрасные памятники искусства, войдут в золотой фонд монументально - декоративного искусства народов Кавказа.

Резьба по дереву применяется главным образом в народном творчестве: жилые дома, культовые сооружения, орнаментом украшаются опорные столбы, дверные и оконные рамы, створки ворот, консоли карнизов, балки перекрытия. Не меньшее внимание мастеров - резчиков уделялось мебели (встроенной и передвижной), составляющей органическую часть интерьера дагестанского жилища; закрома и лари, лежанки, скамьи, кресла, стулья, табуретки, сундуки, тумбочки.

Третью группу деревянных изделий, изученных автором, составляют сосуды и предметы быта: кухонная утварь, корыта, подносы, солонки и ступки, старинные мерки, гребни для чесания шерсти и т. д.

В художественном исполнении произведений народных мастеров Дагестана поражает не только богатство резьбы, но и тонкость пропорциональной и масштабной разработки общей формы, общей композиции объема и плоскости.

Много труда вложил П. Дебиров в сбор биографических данных о мастерах-резчиках, авторах выполненных работ. В приложении к рассматриваемой книге «Дагестанские мастера — резчики по дереву», говорится о более чем 150 мастерах, работавших в Дагестане с XV по XX век (с. 88—94).

Монография, являющаяся капитальным исследованием народного искусства резьбы по дереву, разбита на три главы, не считая введения, в котором даются краткие сведения о природных условиях, климате, природных богатствах края, стимулировавших развитие деревообработки, основные вехи истории страны и общие сведения о народной архитектуре и монументально - декоративном искусстве Дагестана.

Помимо наличия качественной древесины разнообразных пород, наиболее важными материальными и духовными предпосылками возникновения и развития резьбы по дереву, по убедительным доводам автора, были мифотворчество, которое в эпоху родового строя способствовало возникновению символического - изобразительного, а затем и орнаментального начала в искусстве дагестанцев; бурное развитие ремесел и торговли в средневековом Дагестане; развитие культурных связей с соседними странами, специализация отдельных селений на производстве определенных видов изделий и предметов.

Следует особо сказать и о развитии домостроительного искусства, объекты которого, по мнению автора,

всегда служили основой развития резьбы по дереву. Автор монографии справедливо полагает, что древний тип однокамерного жилища в Дагестане явился «основным объектом применения деревянной резьбы в самый ранний период ее развития» (с. 17).

Из старых типов жилищ XVI—XIX веков, донесших до нас традиции родового строя с его семейной общиной, автор подробно анализирует интерьер т. н. «гидатлинского» типа жилища (по Г. Я. Мовчану), распространенного в нагорном Дагестане у народностей аварской языковой группы, и «цахурского» типа (по С. О. Хан-Магомедову), распространенного в Южном Дагестане среди цахуров и рутулов.

Архитектурно - пространственное решение этих интерьеров, различных, но одинаково совершенных, декоративный узор элементов интерьера и обстановки, органически слитых в едином художественном решении жилища, действительно являются уникальными в народном зодчестве всего Кавказа.

Оба типа интерьера сохранили черты древнего жилища: однозальность, большие размеры, посередине открытый очаг с надочажной цепью.

В книге подробно описаны интерьеры, но, к сожалению, отсутствуют планы (если не считать схемы на рис. 9) и разрезы хотя бы основных объектов этих выдающихся произведений дагестанской архитектуры.

Автор прослеживает архитектурно - художественно о

развитие главных тем, выявляет своеобразие композиций орнаментального убора, анализирует элементы украшения, находит им параллели в дагестанском народном творчестве, осуществленные в других материалах (камне, керамике, металле).

Автор фиксирует восемь видов технических приемов резьбы, включая двухплановую рельефную, лентовидную резьбу, широко распространенную в архитектуре XIX века.

В монографии автор представляет описание и историко - искусствоведческий анализ памятников искусства резьбы по четырем хронологическим группам.

Древнейшие из них — из курганных погребений эпохи бронзы (середина II тыс. до н. э.) — небольшой сосуд круглой формы и передняя стенка — доска ларца, сплошь покрытая богатым орнаментом девяти различных мотивов.

В группу памятников XI—XV веков вошли деревянные столбы средневековых мечетей Центрального и Южного Дагестана, резные двери Калакорейшской мечети и мечетей в селах Тама и Гибк.

Своеобразием искусства данной эпохи автор считает ярко выраженную пластику, разнообразие мотивов и композиции орнамента, высокий декоративный эффект, достигаемый сочетанием плоского фона и глубокой резьбы, органическую связь рисунка с формой и широкое применение ленточного орнамента.

Из памятников XVI—XVIII веков, относящихся главным образом к концу периода образования круп-

ных селений, основными объектами украшения резьбой становятся жилые дома.

Наибольшее развитие в этот период получает геометрический орнамент. Появляются новые центрические композиции, тема мотивов у профессиональных резчиков стабилизируется, намечается стремление к условно-декоративным формам без утраты монументальности, стремление к декоративному стилю, особенно к концу XVIII в.

Наибольшее количество памятников резьбы создано в XIX и в начале XX века. Расширение масштабов строительства в эту пору содействует развитию декоративного искусства традиционных форм и элементов декора.

С XIX века с изменением обстановки жилища (начинают превалировать низкие, филенчатые лари) меняется и техника нанесения орнамента: фон покрывается черной краской, резьба менее углублена. Лари теряют органическую связь с интерьером, парадность, их все чаще помещают в подсобных помещениях, упрощается орнамент, нередко используется плоская, чешуйчатая резьба или накладная, ажурная, нередко резное изделие раскрашивают масляными красками.

К началу XX века, по наблюдениям автора, заметно ослабляется декоративная роль резного дерева в интерьерах. Сходные тенденции наблюдаются в орнаментальном украшении дверей, окон, поставцов, деревянных сосудов; тем не менее традиционные формы резьбы продолжают существовать.

Подводя итоги своих десятилетних изысканий и анализа накопленного материала, П. Дебиров приходит к важному для истории дагестанского монументально-декоративного искусства заключению.

Важнейшей отличительной чертой дагестанской резьбы по дереву автор считает многообразие местных школ и традиций, локализующихся в определенных районах.

И действительно, наряду с удивительной многоязычностью народов Дагестана, нельзя не удивиться и такому разнообразию предметов монументально-декоративного искусства, которое мы постигли благодаря труду П. Дебирова. Не менее важно при этом и то, что на всех этапах развития как производений монументально-декоративного искусства, так и изделий домашнего обихода сохраняются единые, созвучные эпохе стилистические черты.

Монументальный стиль, наблюдаемый на первом этапе, в зрелом средневековье сменяется пластическим, экспрессивным, а на третьем этапе развития дагестанского резного дерева начинает господствовать декоративный стиль.

О происхождении отдельных видов декора П. Дебиров замечает, что «многие простые фигуры и схемы в искусстве резьбы могли рождаться совершенно независимо от внешних условий» (с. 79), но невозможно исключить и внешнее влияние искусства Грузии или Армении: «Многочисленные мемориальные (вотивные) стелы XI—XIII веков с ленточным орнаментом и над-

писями на армянском и грузинском языках свидетельствуют о таком влиянии» (с. 79).

Для подтверждения этого положения автор ссылается на ранее опубликованные иллюстрации, которые в данной монографии не репродуцированы. То же самое можно отнести ко многим положениям, высказанным здесь при сравнительном анализе памятников других стран, привлекаемых автором.

Репродуцирование в монографии хотя бы самого важного из параллельных материалов освободило бы автора от необходимости подчас излишне подробных описаний.

Автор полагает также, что прототипы некоторых архитектурных форм, как табасаранский тип столба в дагестанском жилище, спаренные окна, «проникли в искусство дагестанцев через монументальное искусство христианского периода соседних народов» (с. 79).

Упомянутый тип столба имеет много схожих черт с грузинскими столбами древнейшего типа жилища, «дарбази», главные из которых — плоскостность, однофасадность опоры, расширение сверху, использование его в интерьере под неразрезной балкой как одиночной опоры и, конечно, техника и мотивы резьбы. Но не менее разительны их отличительные черты, придающие каждому из них своеобразный национальный характер, отобразившие местные глубокие традиции.

«Следы грузинско - дагестанских контактов в средне-

вековых памятниках монументально-декоративного искусства Дагестана», которые П. Дебиров проследил еще в 1977 году в докладе на II Международном симпозиуме по грузинскому искусству в Тбилиси, оказываются все более ощутимыми в результате новых открытий дагестано - грузинской объединенной археологической экспедиции в Дагестане. За последние годы в Дагестане выявлено большое количество памятников христианской культуры, указывающих на широкое распространение этой религии в X—XIX веках и на тесные культурные связи с Грузией.

Среди христианских древностей Аварии — памятники местной монументальной и мелкой пластики, рельефные каменные плиты, кресты. В их орнаментальных украшениях как по технике, так и по стилистическим особенностям ученые находят много общего с памятниками архитектуры, монументальной росписью, художественной резьбой по камню, дереву и с чеканкой в Грузии X—XIII веков.

Много общего обнаруживается и в древних типах жилищ этих двух стран.

Для народов Кавказа (Северного и Южного), населяющих эту горную страну с незапамятных времен, Кавказский хребет не был препятствием для тесных экономических и культурных связей. И вполне естественным представляется родство целого ряда таких элементов культуры, тесно связанных с природной средой и развитием производительных сил, какими являются народная

архитектура и декоративно-прикладное искусство.

Благодаря исследованиям С. О. Хан-Магомедова, Г. Я. Мовчана и П. Дебирова в области народного зодчества и монументально - декоративного искусства народов Дагестана открылся новый, доселе неизвестный, оригинальный мир образов народного искусства, который «устойчивостью традиционных форм и прекрасным исполнением декоративных элементов образует важное зве-

но в историческом развитии искусства народов Кавказа» (с. 81).

К этому важному выводу автора в заключение добавим, что сама монография Парука Дебирова «Резьба по дереву в Дагестане» послужит важным звеном в изучении монументально-декоративного искусства народов Кавказа.

**Вахтанг БЕРИДЗЕ,
Лонгиноз СУМБАДЗЕ**

ГРУЗИНСКИЙ РОМАН НА НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

ПОСЛЕДНИЙ роман лауреата Ленинской премии Нодара Думбадзе «Закон вечности» получил признание не только в Советском Союзе, но и в зарубежных странах. Он был переведен на многие языки народов СССР и мира.

Не так давно мы получили немецкий перевод «Закона вечности», изданный в нынешнем году берлинским издательством «Ауфбау Ферлаг». Роман переведен Кристиане Лихтенфельд.

Редактор издательства ко-

ротко характеризует произведение, говорит о его значении, о том, что в нем отразилась эпоха, в которую жил писатель, со всеми ее положительными и отрицательными сторонами.

Далее редактор пишет, что Нодар Думбадзе—один из виднейших грузинских писателей XX века, чутко улавливающий биение пульса эпохи, реалистически отражающий жизнь народа, указывающий путь к преодолению и исправлению негативных сторон действительности.

Редактор подробно останавливается на образе главного героя романа Бачаны

Рамишвили, открывшего очень важный для себя закон — закон вечности, закон о том, как достойно прожить жизнь.

В предисловии дана справка о биографии писателя, о его творческом пути.

Текстовый анализ немецкого перевода убедил нас в том, что перевод выполнен с русского, а затем сравнен с оригиналом с учетом ошибок, допущенных в русском переводе. Большую помощь в этом деле переводчице оказала молодой ученый-ассистент, картвелолог Штефи Юнгер-Хотивари, работающая в Берлинском университете имени Гумбольдта, владеющая грузинским языком и знающая грузинскую литературу.

Работая над переводом «Закона вечности», Кристиане Лихтенфельд побывала в Грузии, познакомилась с ее историей, с грузинскими писателями, получила соответствующие консультации, но главным консультантом в Берлине была Штефи Юнгер-Хотивари, преподававшая переводчице азы грузинского языка.

Переводчице удалось мастерски передать манеру повествования грузинского пи-

сателя, его легкий юмор, также дух, ритм оригинала и даже авторскую интонацию.

В 1980 году «Закон вечности» был издан на французском языке в парижском издательстве Жерара Вателе «Пигмалион». Перевод был выполнен Светланой Дельмот. К сожалению, он далек от совершенства: переводчица выпустила целые пассажи, а некоторые места переведены в искаженном виде. Так, например, во французском переводе отсутствует последняя часть XI главы, эпизод сдачи Бачаной экзаменов в университете, а также длинный пассаж XII главы — диалог между Бачаной и отцом Иорамом. По нашему мнению, это значительное место в романе, когда Бачана пытается убедить священника в правильности политики Компартии. Немецкий же перевод соответствует оригиналу.

Надо отметить, что помощница переводчицы Штефи Юнгер-Хотивари уже давно сотрудничал в Берлинском университете в должности ученого - ассистента. Вместе со своим супругом Арчилом Хотивари она ведет большую плодотворную работу по вопросам грузино-немецких литературных взаимоотношений.

Серго ТУРНАВА

Гулбат ТОРАДЗЕ

Борис Асафьев

и грузинская

музыкальная культура

МУЗЫКАЛЬНАЯ общественность нашей страны широко отметила 100-летие со дня рождения выдающегося советского музыковеда, композитора и общественного деятеля академика Бориса Владимировича Асафьева.

Автору этих строк было очень лестно получить из родного города Б. В. Асафьева предложение принять участие в проводимой Ленинградской консерваторией конференции, посвященной памяти ученого. Смущала, однако, чрезвычайная скудость документальных материалов, не позволяющая развернуть заданную тему на более или менее широкой исследовательской основе. Известно, что Борис Владимирович специально никогда не занимался грузинской музыкой (хотя в различных его работах и содержится ряд ценных мыслей и высказываний по данному вопросу), нет у него и прямых учеников среди грузинских музыкантов.

В поисках интересующих нас материалов мы обратились к семье видного грузинского музыковеда проф. Ш. С. Асланишвили (1896—1981), зная, что много лет назад Борис Владимирович давал письменный отзыв на его диссертацию.

Приятнейшим сюрпризом явилось то, что в архиве Шал-

вы Соломоновича нашлись еще два личных письма Бориса Владимировича, нигде ранее не публиковавшиеся¹.

Известно, что в 30-х годах Борис Владимирович Асафьев несколько раз побывал на Черноморском побережье Грузии и однажды — в Тбилиси, был в Армении и на Северном Кавказе².

В своих содержательных воспоминаниях об Асафьеве (в книге «Воспоминания о Б. В. Асафьеве») проф. Г. Г. Тигранов пишет, что он «с любовью... говорил об исторических судьбах, быте, памятниках древней культуры и пафосе нового в жизни народов и, конечно же, об их музыке»³. И далее: «Неизгладимое впечатление произвели на Бориса Владимировича во время его пребывания в Грузии огненные грузинские, осетинские пляски, неповторимо своеобразные хоровые песни. Особенно изумляла его грузинская народно-песенная полифония с бурдонным басом, виртуозным верхним голосом (криманчули) и самостоятельными мелодическими линиями средних голосов. Он говорил, что, вслушиваясь в эти хоровые песни, невольно вспоминал изысканные хоры Орlando Лассо, «но в совершенно особом виде».

Б. Асафьев был лично знаком с многими известными деятелями грузинской музыкальной культуры, в том числе композиторами-классиками З. П. Палиашвили и Д. И. Аракишвили. В Доме-музее З. Палиашвили хранится книга Асафьева «Музыкальная форма как процесс» с дарственной надписью автора: «Глубокоуважаемому Захарии Петровичу Палиашвили, на память о встрече летом 1930-го года. Игорь Глебов (Б. Асафьев); З.П.31. Детское село».

В недавно вышедшей книге Е. Орловой и А. Крюкова «Академик Борис Владимирович Асафьев» (Ленинград, «СК», 1984) читаем: «Памятными оказались встречи с выдающимся

¹В тбилисской газете «Заря Востока» (17.I.84) в статье «О чем поведали письма» мы рассказали читателям об этих письмах, полный же текст их, а также отзыв на диссертацию Ш. Асланишвили с нашими комментариями публикуются в книге, посвященной русско-грузинским музыкальным связям, которая выходит в этом году в Тбилиси.

² Орлова Е. М. Б. В. Асафьев. М., 1964, с. 394 и кн.: Материалы к биографии Б. Асафьева. Л. М., 1981, с. 60.

³ Тут нельзя не вспомнить слова Б. Асафьева: «Кавказ всегда давал богатую основу моим наблюдениям» (цит. по кн.: Б. Асафьев. О балете. М., 1974, с. 225).

грузинским композитором З. П. Палиашвили. В разговорах о грузинском музыкальном искусстве оба музыканта высказали одну и ту же мысль — о необходимости углубленного исследования музыкальных культур Кавказа и Закавказья их связей с соседними культурами. Обсуждался вопрос о создании учреждения, которое взяло бы на себя эти исследования...»

В известном очерке «Об иных странах и людях» Борис Владимирович тепло вспомнил З. Палиашвили: «Другой факт соседства, унаследования и передачи культур ощущался мной при встречах с классиком музыки Грузинской ССР и создателем национальной грузинской оперы З. П. Палиашвили, воспитанным Московской консерваторией и учеником С. И. Танеева. Теперь, смотря роскошно изданный клавир талантливейшего произведения Палиашвили — оперы «Абесалом и Этери» (Тбилиси, 1941), я вспоминаю, с какой признательностью и любовью говорил З. Палиашвили о своем великом учителе, мудром полифонисте Танееве, как высоко ценил Римского-Корсакова и его школу и как чутко ощущал в Балакиреве одного из первых после Глинки проницательнейших русских музыкантов, постигших тонкие особенности интонаций и ритмики Кавказа»⁴.

Все известные грузинские музыканты и в первую очередь музыковеды, учившиеся или стажировавшиеся на рубеже 20—30-х годов и позже в довоенные годы в Ленинградской консерватории, были если и не прямыми учениками, то слушателями лекций и семинаров Б. Асафьева. Это композиторы А. Баланчивадзе, Г. Киладзе, И. Туския, дирижер Е. Микеладзе, музыковеды Ш. Асланишвили, Г. Чхиквадзе, В. Донадзе, П. Хучуа и др. Не приходится говорить о плодотворности воздействия на одаренную творческую молодежь асафьевских научных и методологических концепций и вообще о магнетической силе влияния личности Асафьева, о чем говорят все, когда-либо учившиеся или близко знавшие Бориса Владимировича.

Тепло вспоминает его выдающийся грузинский композитор А. М. Баланчивадзе. После ленинградской премьеры его балета «Сердце гор» весной 1938 года Борис Владимирович, сам в то время занимавшийся в своем композиторском творчестве кавказской тематикой (балет «Кавказский пленник»), поздравил молодого автора с большим и заслуженным успехом.

⁴ Б. В. Асафьев. Избранные труды, т. IV, с. 142.

отметив, в частности, органичность сочетания в балете народно-национальных черт с традициями классической балетной хореографии и музыкальной драматургии.

Профессор Г. З. Чхиквадзе, посетивший Асафьева осенью 1944 года в его московской квартире, вспоминает, как был поражен, когда Борис Владимирович попросил его перевести с грузинского несколько интересовавших его мест из известной книги академика И. Джавахишвили «Основные вопросы истории грузинской музыки».

Поистине, научная любознательность и осведомленность Асафьева не знали границ...

В конце 30-х годов у Асафьева-композитора состоялась творческая встреча с грузинским балетным коллективом и балетными артистами.

17 мая 1939 г. в Тбилисском театре оперы и балета был впервые поставлен балет Асафьева «Бахчисарайский фонтан» (балетмейстер С. Сергеев, дирижер О. Димитриади, художник Ушин. В главных ролях: В. К. Литвиненко (Вацлав), Л. Л. Гварамадзе (Мария), М. В. Бауэр (Зарема), В. А. Ивашкин (Гирей).

Как нам сообщила народная артистка СССР Л. Л. Гварамадзе, на премьеру ожидался приезд автора, однако, видимо, по каким-то обстоятельствам он не смог приехать. Была получена телеграмма, в которой композитор благодарил руководство театра и участников спектакля за постановку его балета.

31 мая 1939 г. в газете «Коммунисти» (№ 125) была помещена рецензия Ш. Асланишвили, в которой давалась высокая оценка музыке балета и спектаклю в целом⁵.

Еще до тбилисской премьеры в балетах Асафьева танцевал Вахтанг Чабукиани (в двух постановках и в разных ролях в «Пламени Парижа»), а 14 апреля 1938 г. в Ленинграде в Малеготе впервые был поставлен новый балет Асафьева «Кавказский пленник», в котором главную женскую роль (Черкешенка) исполнила Е. Г. Чхиквадзе.

Заслуженная артистка и заслуженный деятель искусств РСФСР Е. Чхиквадзе в беседе со мной вспоминала, что во время работы над спектаклем Асафьев часто спрашивал

⁵ О художественном уровне спектакля говорит тот факт, что он шел на сцене в течение 12 лет — вплоть до 1951 года. В новой постановке (В. А. Ивашкин) балет был возобновлен в 1958 году.

ее о Грузии, консультировался по вопросам грузинской национальной хореографии. Он проявлял большой интерес к постановочному процессу, не пропускал ни одной репетиции. После спектаклей все исполнители получали от семьи Асафьевых букеты цветов. Еще один факт, достойный упоминания. Выдающийся театралный художник С. Вирсаладзе оформлял постановки балетов Асафьева «Ашик-Кериб» (1940 год, Малютот) и «Весенняя сказка» (1947. Ленинградский государственный академический театр оперы и балета).

Как уже было сказано, Асафьев специально никогда не занимался грузинской музыкой, хотя наверняка хорошо знал ее и прекрасно чувствовал самобытную природу и яркое национальное своеобразие музыкальной культуры грузинского народа (как народной, так и профессиональной ее ветвей). Об этом наглядно свидетельствуют воспоминания Г. Г. Тигранова и других, а главное, быть может, скупые, но глубокие и емкие по мысли высказывания самого Асафьева. По-видимому, первое из них (неопубликованное) относится к 1930 году: «Интересует меня грузинская культура. В ней чудятся какие-то прочные, добротные, давние следы... В грузинских песнях лирика есть. Слушаются с наслаждением» (блокнотная дневниковая запись. Июль—август 1930 г. Хранится в ЦГАЛИ).

Вспомним, например, не раз цитировавшиеся и так ласкающие слух каждого грузина слова об «эволюции грузинского народного многоголосия, поражающей и внушающей преклонение перед музыкальным гением грузинского народа» (из отзыва на диссертацию Ш. Асланишвили) и не менее лестную характеристику грузинской народной многоголосной культуры («давно уже признанной как прекрасный исторический вклад в общечеловеческую великую сокровищницу музыки»). Амплитуда «грузиноведческих» интересов Асафьева была необычайно широка: начиная от проблем «музыкального этногенеза» и кончая творчеством молодых грузинских композиторов.

Асафьева всегда очень занимала проблема Ренессанса и, в частности, вопрос выявления его восточных корней. Как свидетельствует ученик Б. Асафьева—профессор ленинградской консерватории С. Н. Богоявленский, Борис Владимирович с огромным вниманием и интересом прочел известную книгу академика Ш. Нуцубидзе «Руставели и восточный Ренессанс» (Тбилиси, 1947) и всецело поддерживал основополагающую концепцию грузинского ученого.

Об этом же пишет и Г. Г. Тигранов в своих воспоминаниях: «Когда композиторы и музыковеды Грузии, Армении и Азербайджана подарили Борису Владимировичу поэму «Витязь в тигровой шкуре» Руставели, эпос «Давид Сасунский» и поэмы Низами, оказалось, что эти книги уже были в его библиотеке. Он не только знал их досконально... но и высказал интереснейшие мысли о «восточном Ренессансе». Он подчеркивал, что в некоторых отношениях «восточный Ренессанс» хронологически даже опережал западный».

Чаще всего Б. Асафьев со свойственной ему редкостной способностью к обобщающей концепционности мышления рассматривает вопросы грузинской музыки в комплексном единении с общекавказской этно-культурной проблематикой. Но не вызывает сомнения, что вопросы, поднимаемые им здесь, как правило, относятся и к Грузии, а иногда к Грузии в первую очередь, как, например, в следующем известном высказывании: «Мне всегда думается, что Кавказ — колыбель музыкальных интонаций, уходящих в глубь времен и в прайсторию музыки значительной части нашей страны. И не только нашей. Есть интонационные переключки музыкальных культур Кавказа с процессами, происходящими в западноевропейской музыке (вот хотя бы в области образования полифонии и особенно выявления трехголосия)⁶».

Памятны и проницательнейшие слова Асафьева: «Кавказ в своем сплетении музыкальных языков и диалектов значит в эволюции музыкально-интонационной речи человечества не менее, чем в истории языка и словесно-языкового мышления»⁷.

Асафьева интересовали и более конкретные вопросы, как, например, происхождение грузинских неум, проблема древнегрузинской, как он писал, «фиксированной музыки». Неоднократно возвращается он, применительно к грузинской музыке, к краеугольной мысли о процессуальной природе музыкальной формы в широком смысле этого слова. Он чутко подмечает «наличие в творимых народом хоровых песнях органического интонационного процесса, последовательно приведшего к прочнейшей системе гармонии трехголосного склада» (из отзыва о работе Ш. Асланишвили).

Большое значение придавал композитор тщательному изучению и глубокому вниканию в самобытную ладовую сис-

⁶ Б. Асафьев. Избранные труды, т. IV, с. 122—143.

⁷ Там же, т. IV, с. 60.

тему музыки народов Кавказа и в том числе грузинской многоголосной песни.

Как известно, он возражал против недифференцированного применения названий древних (греческих) натуральных ладов (дорийский, фригийский и т. д.) в отношении народной музыки, подчеркивал всю условность подобной идентификации, ибо «жизнь» и функционирование ладов в каждой культуре отличаются своими индивидуальными особенностями и «естественной закономерностью лежащего в основе данного слоя песен ладового фундамента» (из отзыва на работу Ш. Асланишвили). Именно распознавание и анализ этих закономерностей и составляют, по его мнению, одну из важных задач советского теоретического музыкознания. И как тут не вспомнить его крылатое высказывание: «Лад неподвижен только в учебниках музыки, как язык в словарях»⁸.

Значительное место уделял Б. В. Асафьев выявлению художественных связей между музыкальными культурами русского и кавказских народов как в их изначальной стадии, так и в XIX (поистине «золотом» в этом отношении) веке и затем в условиях советской действительности — беспримерного политического и культурного содружества наций.

Настойчиво проводил он, в частности, мысль о взаимодействии «музыки славянства с музыкальными языками Кавказа», о взаимообусловленности многих художественных явлений в культуре наших народов. В очерке «Об иных странах и людях» он пишет: «Как в русской поэзии, литературе и живописи величавая красота Кавказа и люди гор вызвали к жизни многообразные произведения, так произошло и в музыке...» И далее: «Наступившее сейчас возрождение восточных музыкальных культур имеет в ряде явлений корни в высоком художественном интересе, который русские композиторы-классики и особенно балакиревцы обнаружили в своем творчестве к музыке народов Востока. И не как к чему-то, лишь любопытства достойному, а как внимание к человечески прекрасному обнаружению музыки в еще и еще равно жизнеспособных народах, носителях древнейших художественных заветов».

В конце же очерка Асафьев со свойственной ему склонностью к широким идейно-тематическим связям обращает свою мысль к современности, размышляет о развитии классических традиций в многонациональном творчестве советских

⁸ Б. Асафьев. Избранные труды, т. 1, с. 224.

композиторов. Тут наряду со Спендиаровым, Глиэром, Хачатуряном, Прокофьевым, Мясковским автор называет Палиашвили, вспоминая, с каким благоговением говорил грузинский классик о своих великих учителях.

Палиашвили упоминается в еще одном важном по мысли контексте, где Асафьев говорит о перспективах дальнейшего развития советского симфонизма: «По-видимому, поиски симфонического стиля, в который бы органически встал народный говор музыки, а не звучал бы только дополнением к украшениям «обработочной техники», становятся все более и более настоятельными. В Армении Спендиаров, в Грузии Палиашвили оставили на последних этапах творчества ряд примеров такой спаянности народного материала с умением в нем же почерпнуть не механику движения музыки, а жизнь звуков — интонацию»⁹. Хочется отметить еще один засвидетельствованный современниками факт заинтересованного отношения маститого музыковеда к творческой личности молодого, тогда еще студента Московской консерватории, Сулхана Цинцадзе, яркий композиторский дебют которого состоялся незадолго до кончины Асафьева. Проф. Г. Тигранов пишет, что «Борис Владимирович прекрасно знал музыку... молодых композиторов — Кара Караева, Цинцадзе, Мирзояна и других». Сам же Сулхан Цинцадзе вспоминает, как он был окрылен, узнав от своего профессора С. С. Богатырева, что Асафьев дал очень высокую оценку его II струнному квартету и квартетным миниатюрам.

И хотя других конкретных упоминаний имен грузинских музыкантов в трудах Асафьева мы не встречаем, тем не менее там, где ученый размышляет над общими процессами развития советской музыки в целом, он почти всегда приводит в качестве примера и музыкальное искусство Грузии.

Ограничусь двумя цитатами из очерка «Пути развития советской музыки»: «Явление повсеместного освежения и обновления музыкальных интонаций и ритмики происходит во всех братских республиках, и оно тесно связано с ренессансом национальной музыки (...). Развитие народно-национальной оперности (...) тесно спаяно с этим движением, но за последние перед Отечественной войной годы оно мощно повлияло и на тематический материал симфонических произведений, особенно на Украине, в Грузии и Армении, не говоря уже о

⁹ Б. Асафьев. Избранные труды, т. IV, с. 92.

голоссальном мелодическом и ритмическом обогащении «русской восточной музыки о Кавказе и Востоке».

И вторая цитата: «Развитие симфонического искусства в братских республиках СССР идет в значительной степени по историческим путям русской музыки, т. е. к овладению обобщающими формами симфонического мышления с возможно наименьшей потерей народно-национального своеобразия родного музыкального искусства (...). И не удивительно, что симфонии и симфонические произведения и элементы симфонического развития в различных формах музыки Украины, Грузии, Армении, Азербайджана и других республик Советского Союза дышат народной песенностью и инструментальными импровизациями мастеров национальных школ музыки»¹⁰.

В начале статьи мы уже говорили о письмах Б. Асафьева к Ш. Асланишвили. Первое письмо датировано 17.VII.1930 г., второе — 29.XI.1944 г. Несколько слов об их предыстории. Ш. Асланишвили учился в Ленинградской консерватории в 1927—30 гг. и окончил ее по классу Ю. Н. Тюлина. Здесь он и познакомился с Асафьевым. Как явствует из письма Асафьева, знакомству предшествовало письмо Асланишвили из Тбилиси, которое, возможно, сохранилось в личном архиве Асафьева.

Отвечая своему корреспонденту, Борис Владимирович делится с ним соображениями о грузинских и византийских рукописных музыкальных знаках (невмах), проявляя при этом живую заинтересованность данной проблемой. «Меня самого чертовски увлекает проблема кавказской фиксированной музыки (особенно грузинской)», — пишет он. К письму приложен большой список работ по византийской (в основном) музыке, среди которых Асафьев выделяет работы известных музыковедов Э. Веллеса и Г. Тилльярда. В письме высказано также желание Бориса Владимировича приехать в Тбилиси. Как явствует из опубликованной в книге «Материалы к биографии Б. Асафьева» заметки «Мои поездки», он побывал-таки в то лето в Тбилиси: «Июль 28, август 10. С Алексеем: Ленинград—Москва—Бахчисарай—Севастополь—Ялта—море — Батуми—Тифлис — Военно-Грузинская (дорога) — Владикавказ — Ленинград». Тогда-то и встретился он с З. П. Палишвили.

Отзвуком пребывания композитора в Тбилиси явился изу-

¹⁰ Б. Асафьев. Избранные труды. т. V, с. 57, 61.

мительный пассаж из его работы «Русская живопись». «Могу указать здесь на свои цветово-тональные, с детства рожденные образные единства; так, например, ...цветных тональностей: соль мажор — изумруд газонов после весеннего дождя или грозы, ре мажор — солнечные лучи, блеск, именно как интенсивное излучение света (если в жаркий день смотреть с горы св. Давида на Тифлис!)»¹¹.

Второе же письмо, написанное 14 лет спустя после первого, в основном затрагивает вопросы, связанные с диссертационной работой Ш. Асланишвили, которой маститый ученый дает очень высокую оценку.

«С первого же знакомства с Вашей обстоятельной, строго продуманной работой стал ее глубоко сочувствующим поклонником», — пишет он. И далее: «...очень захотелось, участвовать в проведении защиты Вашей вдумчивой работы, поддерживать и мои домыслы в исследовании эволюции элементов музыки и в особенности в развитии трехголосия». (К сожалению, гипертоническая болезнь помешала Асафьеву приехать в Тбилиси). Письмо это как бы служит дополнением к написанному за несколько месяцев до него отзыву на работу Ш. С. Асланишвили «Гармония народных хоровых песен Картли и Кахети» (датирован 31.VII.1944 г.). В лаконичном, по-асафьевски емком и концентрированном по мысли отзыве наряду с оценкой труда Ш. Асланишвили Борис Владимирович высказывает ряд интереснейших мыслей о грузинском народном многоголосии: «Данная работа отличается строго логичным музыкально-теоретическим построением: постепенно сцепляя наблюдение за наблюдением и связывая их в стройные звенья, автор устанавливает наличие в творимых народом хоровых песнях органического интонационного процесса, последовательно приведшего к прочнейшей системе гармонии трехголосного склада. Это доказывается с неотвратимой убедительностью, глава за главой, на примерах, ясно подтверждающих ход исследования. От утверждения естественной закономерности лежащего в основе данного слоя песен ладового фундамента, через выявление основных черт мелодии, затем основного склада форм аккордов, — Асланишвили достигает главы о кадансах, обстоятельнейшей и убедительнейшей своей логически-конструктивной наглядностью и интонационной осязаемостью. То есть, я хочу сказать, что если чистые теоретические выводы и постулаты дать себе труд постоянно внут-

¹¹ «Советская музыка», 1955, № 1, с. 57.

ренным слухом слышать, т. е. воспринимать раскрываемый процесс кристаллизации элементов гармонии, — то за данными итогами наблюдений автора звучит закономерная эволюция народного многоголосия, поражающая и внушающая преклонение перед музыкальным гением грузинского народа. Последующая блестящая глава, трактующая о модуляциях, еще более в том же убеждает.

Я считаю, что грузинская народная многоголосная культура, давно уже признанная как прекрасный исторический вклад в общечеловеческую великую сокровищницу музыки, станет благодаря работам, подобным данной, все глубже и глубже освещаемой научным анализом.

Заключительная глава работы содержит ценные сведения в отношении опыта определения эпохи возникновения той или иной песни или группы песен.

Считаю исследование в целом достойным допущения к защите как докторской диссертации.

Академик Б. Асафьев
Москва, 31.VII. 1944 г.»

С волнением вчитываешься в пожелтевшие страницы рукописей, запечатлевших пытлиую и всепроникающую мысль выдающегося ученого-музыканта. Сколько в них человеческой мудрости, доброты, благожелательности. С какой щедростью делится он своим богатейшим запасом знаний, универсальной осведомленностью во всех вопросах, касающихся мировой музыкальной культуры!

Письма и отзыв Б. Асафьева содержат высказывания и оценки, не потерявшие своего значения и в наши дни. С их публикацией в научный оборот вводится весьма интересный содержательный материал, который, несомненно, займет заметное место в истории изучения грузинской музыкальной культуры и вместе с тем пополнит асафьевское эпистолярное и критико-публицистическое наследие, обогатив его тематический спектр еще одним, доселе почти в нем не звучавшим «грузинским обертоном».

Благотворное влияние неисчерпаемого асафьевского наследия в разной степени испытали представители и теоретической и исторической музыкальных наук. За примерами далеко не нужно ходить. Назову еще раз доктора искусствоведения Ш. Асланишвили, в чьих теоретических работах и в первую очередь в известном исследовании «Гармония в народных хоровых песнях Картли и Кахети» находят дальнейшее развитие на грузинском музыкальном материале неко-

торые мысли Асафьева, например, об имманентной природо-ладовой организации в каждой национальной культуре. В очерке Ш. Асланишвили «Народные основы гармонии грузинских композиторов» (в книге «Грузинская музыкальная культура», М., 1957), где, кстати, цитируется известное высказывание Асафьева о гармонии как «остывшей лаве полифонии», последовательно проводится и обосновывается положение о народно-ладовом своеобразии как основе гармонии грузинских композиторов — мысль, к которой, как известно, постоянно возвращался Борис Владимирович, рассуждая об особенностях многонациональной советской композиторской школы.

Доктор искусствоведения проф. В. Г. Донадзе, в 30-х годах прошедший курс аспирантуры в Ленинградской консерватории под руководством одного из ближайших учеников Асафьева профессора Р. И. Грубера, отмечает громадное воздействие, которое оказали на его формирование блестящие труды (в первую очередь замечательные «Симфонические этюды») и сама личность Асафьева. Вспоминает он, в частности, семинары по истории музыки, проводившиеся у Асафьева на дому.

С полным основанием могут быть здесь названы и труды известного грузинского музыковеда Г. Орджоникидзе, особенно посвященные вопросам музыкальной эстетики и социологии, в которых мы находим развитие некоторых идей Асафьева. Это вопросы социальных условий бытования музыки в разные эпохи, состояния традиционных и новых бытовых жанров города и деревни, диалектики частного и общего, национального и интернационального при изучении советской музыки, вопросы взаимосвязи творчества и восприятия в процессе интонирования, динамики национального стиля.

Можно было бы назвать имена еще многих грузинских музыковедов, но пора поставить точку. Все равно не скажешь лучше, чем Д. Д. Шостакович 40 лет назад: «Без преувеличения можно сказать, что мы, музыканты советской формации, так или иначе все его ученики и питомцы. Одни слушали его лекции, другие воспитывались по его книгам, третьи испытали на себе его благотворное влияние через общую атмосферу идей и точек зрения, им созданную и вокруг него сложившуюся».

Прекрасные, точные, справедливые слова.

ЕГО первым юношеским увлечением была живопись. Чтобы выкроить время для занятий в художественной студии, ему пришлось перейти учиться на вечернее отделение средней школы. Затем были годы учения в Тбилисской государственной академии художеств на отделении скульптуры.

Нелегко путь в искусстве. Были трудные периоды и у студента Юрия Чкадуа. Хотелось все бросить, уехать домой. Помогли товарищи, которые в критический момент даже «сняли с поезда». Стремление выработать свой реалистический язык в пластике стало впоследствии главной целью, жизненной и творческой программой молодого скульптора. Его привлекала классическая ясность и величественная простота в творчестве больших мастеров. Много времени посвятил он постижению искусства крупнейшего советского художника А. Матвеева, изучил пластику реалистических в своей основе западных мастеров — французов А. Майоля и Ш. Деспю, англичанина Г. Мура. Полезными были творческие взаимосвязи с сухумским скульптором А. Размадзе.

Годы преподавания в Сухумской художественной школе были для Юрия Чкадуа одновременно и годами совершенствования своего мастерства. Он отдавал своим ученикам много сил, и не удивительно, что некоторые из них (В. Лакербай, Г. Лакоба, В. Джения) стали известными в Абхазии скульпторами.

Он сделал скульптурные портреты почти всех своих

Татьяна ШАЛАМБЕРИДЗЕ

ПУТЬ В ИСКУССТВЕ

учеников. «Это были головы, головки, этюды... Бесчисленные варианты... — вспоминает Ю. Чкадуа. — Ведь задача скульптора — создать форму, найти соотношение и соответствие частей и целого, найти гармонию». И он работал, работал...

Через год после окончания Академии художеств Ю. Чкадуа представил на выставку художников Абхазии в Тбилиси четыре скульптурных портрета (все его ученики). Выставка затем была показана в Москве (1966). В том же году в Сухуми в период Недели изобразительного искусства состоялась весенняя выставка художников Абхазии. На ней были представлены лучшие произведения, экспонировавшиеся в Москве, и среди них «Портрет молодого художника» Ю. Чкадуа, «отмеченный страстью форм и внутренним содержанием»*. Кстати, фоторепродукция этой работы Ю. Чкадуа помещена в Большой Советской Энциклопедии в разделе «Абхазская АССР».

В дальнейшем скульптор последовательно развивает свою линию понимания пластики. Его привлекает не многообразие пластических деталей, а цельность художественного образа. Именно в таком ключе сделан целый ряд скульптурных портретов.

Модели скульптора — люди со значительными характеристиками. Портрет «Юноша» отмечен мужественной красотой. В портрете известного трагического артиста Л. Ка-

* Г. Аршба. Газета «Советская Абхазия», 1966, 7 мая.

сландзия за внешне неподвижной формой ощущается горение, темперамент. Очень выразителен облик поэта А. Ласуриа. Предельно обобщенные формы, преувеличенная условность трактовки человеческого тела, гибкая «любящая» фактура — характерные черты скульптуры «Скорбь».

В скульптурных портретах «Амза» и «Абхазка» Ю. Чкадуа пытался создать образ средствами свето-теневой вы-

Мемориал «Скорбящая Бзыбь».

разительности. Уйти от статичной формы несколько жесткого контура прежних работ, добиться передачи воздуха и света — такова новая задача скульптора. И вот перед нами как бы светящееся лицо девушки Амзы (в переводе с абхазского — луна). Над этим произведением скульптор работал три года. Портрет отличается мягко-

стью пластических сочетаний, изысканностью контура. Портрет «Абхазка» впоследствии лег в основу мемориальной скульптуры «Скорбящая Бзыбь».

Особое место в творчестве Ю. Чкадуа занимает портретный барельеф народного поэта Абхазии Д. Гулиа. Работа выполнена в мраморе. Это одна из сложных техник, но скульптор как нельзя лучше сумел сочетать и графическое изящество контуров, и тонкую моделировку формы, и свето-теневое богатство. Верность натуре позволила раскрыть образ поэта в его главных чертах, подчеркнуть нравственную красоту и силу духа.

Творческий путь Ю. Чкадуа насчитывает 20 лет. Лучшие его произведения демонстрируют богатство и глубину его художественного почерка. Скульптор «строг к себе». Его эстетическая программа на сегодня — это классическая ясность и завершенность произведения, психологическая глубина, совершенство формы, верность принципам социалистического реализма.

Ю. Чкадуа увлекается чеканкой, функциональной промышленной скульптурой. Он автор детского игрового комплекса «Ацангура» в сквере кинотеатра «Сухуми» в г. Сухуми и ряда других художественно-образовательных объектов в Абхазии.

С 1969 года Ю. Чкадуа работает главным художником г. Сухуми. Он много делает для развития эстетической культуры города, считает, что «город должен отвечать всем требованиям го-

рода-курорта, города массового туризма».

Этапной работой в творчестве заслуженного художника Абхазской АССР Юрия Чкадуа можно считать мемориал «Скорбящая Бзыбь», который был открыт 9 мая 1983 года в селе Бзыбь. Вековые сосны, пушистые ели, могучий орех, величественная гряда снежных вершин — его естественный фон. Само местоположение мемориала на центральной магистрали Сухуми—Сочи определяет его активное воздействие на тысячи людей, проходящих и проезжающих по шоссе. Стремясь найти более органичную связь между скульптурой и ландшафтом, максимально использовать природную среду, авторы мемориала скульптор Ю. Чкадуа и архитектор Н. Дудучава отошли от традиционно парадной композиции.

«Мы хотели вложить в этот памятник всю глубину чувств победившего народа к тем, кто спас человечество от чумы фашизма, завоевал для нас мирное небо», — так поняли свою задачу Ю. Чкадуа и Н. Дудучава. Созданный ими ансамбль гармонично вписался в природу красивейшего села Абхазии. Фигура женщины поднята на двухъярусную большую площадку (диаметром 20 м), к которой ведут широкие ступени. Контур постамента удачно сочетается со скульптурой, а для масштаба мемориала на площадке установлена двенадцатиметровая беломраморная стена, которая как бы «вторит» вековым соснам. На пике стелы развевается полотнище — символ Славы. Удачно найдена высота

скульптуры, сравнительно небольшая — 2,5 метра.

При подходе к мемориалу первой воспринимается скульптура, четко выделяющаяся на фоне природы. Скульптор прекрасно использовал возможность материала (техника «кованой меди»). Густо-черные глубинные тени и блестящая поверхность создают впечатление одухотворенности.

Скульптура отличается ритмичной композицией, все ее формы, как правило, скомпанованы гармонично. Женщина изображена сидящей, что придает устойчивость композиции. Корпус слегка склонен и в то же время дан в повороте. Правая рука лежит на коленях, левая бессильно опущена. С нее падает траурная шаль, «стекая» складками по постаменту. В особенно сложном повороте дана выразительная голова с чертами лица абхазки. Весь облик женщины исполнен возвышенной печали. Сочетание женственности и стойкости — одна из особенностей этой скульптуры.

Важным компонентом ансамбля является фриз из почти черного мрамора, обнимающий полукруглые подножие площадки. На фризе выкованы имена 127 погибших на войне парней из села Бзыбь. И еще оставлено место — ведь поиск имен погибших продолжается. Им, добывшим победу, поднимавшимся в атаку под смертельным огнем, и посвящен мемориал «Скорбящая Бзыбь». В наше время, насыщенное справедливой тре-

вогой всего прогрессивного человечества за сохранение мира на земле, «Скорбящая Бзыбь» приобретает не только нравственно-эстетическое значение, но и политическое. Перед автором проекта стояла большая цель — добиться высокой правды.

По природе своего дарования Юрий Чакуа — лирик. Трагическая тема смерти приобретает в его произведении просветленный характер. И с тем большей силой выступает на первый план взволнованность, эмоциональность художника. Напрасно было бы в его скульптуре искать черты карающей Немезиды. Ю. Чакуа изобразил женщину молодой, оттенил ее особую духовную чистоту. Высокая одухотворенность образа, благородная сдержанность чувств, величавая простота лишают трагическую тему оттенка безысходности, утверждают моральное величие и красоту человека. Именно в такой трактовке образа и заключена высшая правда жизни и искусства.

Воздвигнуть памятник помогло все село. Рядом со строителями трудились и школьники, и убеленные сединами старцы. И все они пришли на его открытие. Пришли, чтобы отдать дань памяти, всем сердцем прикоснуться к народному подвигу.

...Идет время, лето сменяется осенью, а там недалеко и до зимы, но «Скорбящая Бзыбь» никогда не бывает одна. Здесь — всегда люди, всегда цветы.

საქართველოს
წიგნების კავშირი

ХРОНИКА

ДРУЖБА НАРОДОВ— ДРУЖБА ЛИТЕРАТУР

В ЯРКИЙ праздник братских литератур страны Советов вылились Дни советской литературы в Абхазии, организованные Союзом писателей СССР, Грузии и Абхазии.

Из многих республик, краев и областей приехали в Сухуми видные поэты, прозаики, драматурги, критики и переводчики, чтобы обсудить актуальные вопросы, выдвинутые в речи Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР К. У. Черненко на юбилейном пленуме Союза писателей СССР.

Абхазия, отметившая в эти дни 110-ю годовщину со дня рождения основоположника национальной абхазской литературы Дмитрия Гулиа, предстала во всей красе природы, со всеми своими достижениями в экономике и культуре.

В Союзе писателей Абхазии состоялась встреча за «круглым столом». «Дружба и взаимообогащение литератур советских народов: традиции и современность» — тема этой встречи, которую вступительным словом открыл секретарь Абхазского обкома КП Грузии Р. Бутба.

«Процесс взаимовлияния и взаимообогащения наших ли-

тератур — процесс постоянно развивающийся, процесс живой и активный, постоянно обретающий новый опыт, — сказал в своем выступлении руководитель делегации Союза писателей СССР Ю. Воронов. — Еще на первом съезде писателей Максим Горький говорил о том, что разноплеменная, разноязычная литература наших союзных республик уже составляет единое целое».

«Нас должны волновать не только и не столько внешние взаимосвязи, а взаимосвязи внутренние, подспудные, ставшие в наши дни жизненно необходимыми. В каждой национальной литературе надо искать и находить новое, самобытное, активнее и смелее сближать с ними всесоюзного читателя», — подчеркнул в своем выступлении секретарь правления Союза писателей Грузии Г. Цицишвили.

В беседе за «круглым столом» приняли также участие председатель правления Союза писателей Абхазии М. Ласуриа, председатель совета по грузинской литературе при Союзе писателей СССР Е. Евтушенко, писатели Н. Джусойты, Л. Арутюнов, М. Борисова, Ч. Амирэджиби, А. Гогуа и другие.

Заботой о завтрашнем дне абхазской литературы, ее кре-

тпнущих связях с литература-
ми братских народов было
спроникнуто выступление ста-
рейшины абхазской литерату-
ры, народного поэта Абхазии
Баграта Шинкуба
«Писатели Абхазии хорошо
осознают, что жизнь выдвига-

ет перед нами новые творче-
ские задачи, и мы готовы ре-
шать их плечом к плечу со
всеми нашими братьями по
перу, со всей многоязычной
советской литературой», —
сказал в заключение своего
выступления Б. Шинкуба.

На 1-й странице обложки: Джемал Лолуа. Из цикла графиче-
ских работ «Симфония Октября».

Сдано в набор 21.IX.84 г. Подписано к печати 21.XI.84 г. Формат
84×108¹/₃₂. Высокая печать. Печ. л. 7,0—усл. печ. л. 11,97, Уч.-изд.
л. 14,0. УЭ 09257. Тираж 6.100 экз. Заказ 2116. Адрес редакции:
380008, Тбилиси, ул. Ленина, 5. Телефон 99-06-59.

Главный редактор Т. П. БУАЧИДЗЕ

Редакционная коллегия:

Ч. И. АМИРЭДЖИБИ, Э. Г. АНАНИАШВИЛИ, Р. Н. АСАЕВ, А. Н. БЕСТАВАШВИЛИ, Х. Л. ГАГУА, А. Н. ГОГУА, Э. В. ЕЛИГУЛАШВИЛИ, М. И. ЗЛАТКИН, Н. Г. КАРАШВИЛИ [ответственный секретарь], Г. Г. МАРГВЕЛАШВИЛИ, В. Г. МАЧАВАРИАНИ, Л. Ш. СТУРУА, Э. А. ФЕЙГИН, Г. В. ХАРАИДЗЕ [заместитель главного редактора], Г. Ш. ЦИЦИШВИЛИ.

ТЕЛЕФОНЫ:

Главный редактор — 93-65-15, заместитель главного редактора — 93 13-57, ответственный секретарь — 93-31-28, приемная — 99-06-59, отделы — 93-31-43 и 93-65-19.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются

При перепечатке ссылка на «Литературную Грузию» обязательна.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КП ГРУЗИИ
Тбилиси, ул. Ленина, 14.

